ISSN 2079-3499

Scientific and methodological journal

Gumanitarnye nauki i obrazovanie

2(14) / 2013

Научно-методический журнал

№ 2 (14)
(апрель – июнь)
2013

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА:
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

Издается с января 2010 года

Выходит 1 раз в квартал

Фактический адрес:
430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а, каб. 109

Телефоны:
(834-2) 33-92-54
(834-2) 33-94-90

Факс:
(834-2) 33-92-67

E-mail:
humanities@mordgpi.ru
gumanitarnie.nauki@yandex.ru

Сайт:
http://www.mordgpi.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 03279

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. В. Кадакин (главный редактор) – кандидат педагогических наук, доцент
Т. И. Шукшина (зам. главного редактора) – доктор педагогических наук, профессор
Л. П. Водясова (отв. секретарь) – доктор филологических наук, профессор

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ю. В. Варданян – доктор педагогических наук, профессор
А. А. Ветошкин – кандидат филологических наук, доцент
И. Г. Дудко – доктор юридических наук, профессор
В. И. Лаптун – кандидат исторических наук, доцент
Е. А. Мартынова – доктор философских наук, профессор
А. В. Мартыненко – доктор исторических наук, профессор
С. И. Митина – доктор философских наук, профессор
О. Е. Осовский – доктор филологических наук, профессор
Н. В. Рябова – доктор педагогических наук, профессор
Т. В. Самсонова – кандидат педагогических наук
М. А. Якунчев – доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Арсентьев – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Саранск)
М. В. Богуславский – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Москва)
В. П. Гребенюк – доктор филологических наук (Москва)
Б. Ф. Кевбрин – доктор философских наук, профессор, действительный член РАЕН (Саранск)
В. А. Нечаев – доктор технических наук, профессор (Саранск)
А. С. Прутченков – доктор педагогических наук, профессор (Москва)
В. А. Юрченков – доктор исторических наук, профессор (Саранск)

Журнал включен ВАК Минобразования и науки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ISSN 2079-3499

© «Гуманитарные науки и образование», 2013

Scientific and methodological journal

№ 2 (14) (April – June) 2013

JOURNAL FOUNDER:
FSBEIHPE "Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev"

Has been published since January 2010

Quarterly issued

Actual address:
Room 109, 11a
Studencheskaya Street,
the city of Saransk,
The Republic of Mordovia, 430007

Telephone numbers:
(834-2) 33-92-54
(834-2) 33-94-90

Fax number:
(834-2) 33-92-67

E-mail address:
humanities@mordgpi.ru
gumanitamie.nauki@yandex.ru

Website:
http://www.mordgpi.ru

Subscription index in the catalogue "The Press of Russia" 03279

EDITORIAL BOARD

V. V. Kadakin (editor-in-chief) – Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor
T. I. Shukshina (editor-in-chief assistant) – Doctor of Pedagogical Sciences,
L. P. Vodyasova (executive secretary) – Doctor of Philological Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Yu. V. Vardanyan – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
A. A. Vetoshkin – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor
I. G. Dudko – Doctor of Laws, Professor
V. I. Laptun – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor
E. A. Martynova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor
A. V. Martynenko – Doctor of Historical Sciences, Professor
S. I. Piskunova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor
O. E. Osovsky – Doctor of Philological Sciences, Professor
N. V. Ryabova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
T. V. Samsonova – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor
M. A. Yakunchev – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

EDITORIAL COUNCIL

N. M. Arsentyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, RAS Corresponding Member (Saransk)
M. V. Boguslavsky – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, RAS Corresponding Member (Moscow)
A. P. Grebenyuk – Doctor of Philological Sciences (Moscow)
B. F. Kevbrin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Member of RANS (Saransk)
V. A. Nechaev – Doctor of Technical Sciences, Professor (Saransk)
A. S. Prutchenkov – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow)
V. A Yurchenkov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Saransk)

The Journal is included by HCC of the Ministry of Education and Science of the RF in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should issuethe main scientificresults of the candidate's and doctoral theses

ISSN 2079-3499

© "Gumanitarnye nauki i obrazovanie", 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Н. В. Вершинина
К вопросу о формировании коммуникативно-речевой компетенции
как базового компонента профессиональной коммуникативной культуры личности
современного учителя начальной школы..... 8

С. Н. Горшенина
Этнокультурные ценности как основа смыслообразования личности..... 13

Н. Г. Логинова
Педагогический опыт формирования мотивации учебной деятельности младших школьников
с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательном учреждении..... 17

Т. Н. Петрова, М. В. Павлова
Воспитательный потенциал курса «Правоведение» в формировании
нравственно-правовой культуры студентов неюридических факультетов вуза..... 20

Р. Н. Правосудов, Е. Н. Ботина
Роль системы 1С: Предприятие в образовательных программах
и формировании профессиональных компетенций бакалавров..... 24

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

И. В. Абрамова
Значение научно-исследовательской деятельности студентов
для формирования профессиональной компетентности..... 28

С. В. Архипова, О. А. Бибина
Современные технологии обучения и воспитания учащихся
с ограниченными возможностями здоровья (материалы межрегионального семинара-практикума)..... 31

А. Н. Гамаюнова, А. Е. Пискайкина
Условия интеграции подростков с ограниченными возможностями здоровья
в общеобразовательное учреждение: опыт изучения 34

Е. А. Савинова
Организационно-педагогические условия инклюзивного образования дошкольников с ОВЗ..... 38

ПСИХОЛОГИЯ

Г. А. Винокурова
Возможности решения задач развития образования Республики Мордовия
в рамках деятельности Регионального психологического центра..... 42

Е. А. Лежнева
Мотивационная готовность будущего психолога к развитию стратегии
достижения успеха подростков: сущность, состояние, перспективы..... 47

Л. Г. Майдокина, О. В. Кудашкина
Содержание направлений психолого-педагогического сопровождения
развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности..... 50

ФИЛОСОФИЯ

В. В. Кадакин, Е. А. Мартынова, Г. Г. оглы Зейналов
Культурное измерение гражданского общества и парламентаризма..... 55

Р. Х. Салимов, Д. А. Салимова
Роль и влияние философских воззрений о человеке Авиценны
на развитие просветительских взглядов К. Насыри..... 60

Е. Н. Родина, Н. М. Сюсина
Информационное общество в рамках синергетической парадигмы..... 64

Е. С. Турутина
Социальный капитал как фактор развития инновационного сознания: гендерный аспект..... 69

ФИЛОЛОГИЯ

С. В. Богдашкина, Н. И. Рузанкин
Классификация синтаксических фразеологических единиц в мордовских языках..... 73

Т. П. Девяткина
Религиозно-мифологические воззрения в традиционных культах мордвы..... 77

Н. В. Дусина
Карнавальный дискурс: проза Гете («Римский карнавал»)..... 81

Г. С. Иванова, И. Я. Жебраткина
История диалектных классификаций мокшанского языка..... 85

М. Г. Матлин
Свадебный обряд посещения водного источника
в русской и мордовской свадебной традиции Ульяновской области..... 89

Т. В. Нерушева
Фреймовая организация семантического поля..... 95

О. Е. Осовский
Бахтин вчера, сегодня, завтра:
к завершению издания собрания сочинений М. М. Бахтина..... 101

С. В. Шеянова
Экологическая проблематика и философия природы
в современном мордовском романе..... 107

ИСТОРИЯ

Н. Ф. Беляева
Использование воспитательного потенциала народных традиций мордвы в формировании
здорового образа жизни: в контексте профилактики наркомании и алкоголизма..... 110

Ю. В. Бурова
Терроризм как стратегия политического устрашения в современном мире..... 115

Е. З. Грачева, А. В. Мартыненко
Русско-иранские торгово-экономические отношения в XVIII веке
в контексте геополитических приоритетов России..... 119

Т. А. Козлова
Народно-поэтическое творчество как источник изучения
традиционного мордовского жилища..... 124

Т. А. Чужайкина
Погребально-поминальная обрядность мордвы в контексте изучения
творчества В. Н. Майнова (по материалам «Остатки мордовской мифологии»)..... 127

ASPIRANTS
(рубрика молодых исследователей)

С. Н. Белова
Проектирование содержания образования дисциплины
«Чувашское декоративно-прикладное искусство» в условиях
нового стандарта высшего профессионального образования..... 130

Л. Н. Березина
Интерпретация текста в системе развития коммуникативной
компетентности учащихся средней школы..... 135

Д. В. Власенко
Протестантизм в Республике Мордовия в 1990-е – начале 2000-х гг. 139

А. С. Иванов
Программа реструктуризации сети общеобразовательных учреждений –
прикладной инструмент реализации управленческих решений..... 141

В. П. Изергина
«Белая» борьба и «белая» идея в жизни и творчестве И. А. Ильина в 1914–1922 гг. 144

А. И. Киселева
Состояние сформированности знаний о логических учебных действиях
у учащихся основной общеобразовательной школы..... 148

Т. С. Крюков
Молодежные объединения в современной России: социокультурная специфика..... 151

А. Н. Федин
Проблема социального регресса в европейской философии конца XIX – начала XX века..... 154

Е. А. Юдина
Представление о красоте среди студенческой молодежи..... 157

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

Т. И. Шукшина
Международная научно-практическая конференция
с элементами научной школы для молодых ученых – 49-е Евсевьевские чтения..... 160

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 163

CONTENTS

PEDAGOGICS

N. V. Vershinina
Towards the question of formation of communicative competence as a basic component
of professional communicative culture of the personality of a contemporary primary schoolteachen..... 8

S. N. Gorshenina
Ethnocultural values as a basis of sense formation of the personality..... 13

N. G. Loginova
Pedagogical experience of formation of motivation of educational activity
of primary school children with Restricted abilities in an institution of general education..... 17

T. N. Petrova, M. V. Pavlova
Educational potential of the course "Law" in the formation of moral and law culture
of university students studying at non-law faculties..... 20

R. N. Pravosudov, E. N. Botina
The role of the 1C: Enterprise in the educational programs
and the formation of Bachelors professional competence..... 24

SPECIAL PEDAGOGY

I. V. Abramova
The importance of the students' research activity for formation of then professional competence..... 28

S. V. Arhipova, O. A. Bibina
Modern technologies of training and education of pupils with restricted abilities of health
(materials of the interregional practical seminar)..... 31

A. N. Gamajunova, A. E. Piskaykina
Conditions for integration of adolescents with restricted abilities
in an institute of general education: a learning experience..... 34

E. A. Savinova
Organizational and pedagogical conditions of inclusive education of children with restricted abilities..... 38

PSYCHOLOGY

G. A. Vinokurova
The possibility of solving the problems of education in the Republic of Mordovia
in the framework of Regional Psychological Center..... 42

E. A. Lezhneva
Motivational readiness of a future psychologist for the development of the strategy
of adolescents to achieve, success: essence, condition, perspectives..... 47

L. G. Majdokina, O. V. Kudashkina
Contents of the directions of psycho-pedagogical accompaniment
of the development of self-regulation of a sports activity subject..... 50

PHILOSOPHY

V. V. Kadakin, E. A. Martynova, G. G. ogly Zeynalov
Cultural dimension of civil society and parliamentarism..... 55

R. Kh. Salimov, D. A. Salimova
The role and influence of philosophical views on am Avicenna human
on the development of Kayum Nasyri educational views..... 60

E. N. Rodina, N. M. Syusina
Information society within a synergetic paradigm..... 64

E. S. Turutina
Social capital as a factor of innovative consciousness development: gender aspect..... 69

PHILOLOGY

S. V. Bogdashkina, N. I. Ruzankin
Syntactic classification of phraseological units in Mordovian languages..... 73

T. P. Devyatkina
Religious and mythological views in traditional cults of the Mordva..... 77

N. V. Dusina
Carnivalesque discourse: Goethe's prose ("Roman Carnival")..... 81

G. S. Ivanova, I. Ja. Zhebratkina
The History of dialect classifications of the Moksha language..... 85

M. G. Matlin
Wedding ceremony of visiting a water spring In russian
and mordovian wedding tradition of the Ulyanovsk region..... 89

T. V. Nerusheva
Frame organization of the semantic field..... 95

O. E. Osovsky
Bakhtin yesterday, today, tomorrow:
after publication of M. M. Bakhtin's collected works..... 101

S. V. Sheyanova
Environmental problems and the nature of philosophy
in contemporary mordvinian novel..... 107

HISTORY

N. F. Belyaeva
The use of educational potential of the Mordva folk traditions in the healthy lifestyle formation:
in the context of prevention of drug addiction and alcoholism 110

Ju. V. Burova
Terrorism as a strategy of political intimidation in the modern world..... 115
E. Z. Gracheva, A. V. Martinenko
Russian-Iranion trade and economic relations in the XVIIIth century
in the context of Russian geopolitical priorities..... 119
T. A. Kozlova
National poetic creativity as a source of studying a traditional dwelling Mordovian house..... 124
T. A. Chuzhaikina
Burial and memorial ceremonies of Mordvins
in the context of the study of V. V. Maynov's works
(Based of the materials of «The remains of the mordovian mythology»)..... 127

ASPIRANTS
(topic of young researchers)

S. N. Belova
Designing the curriculum for the course «Chuvash arts and crafts»
in the new standard of higher education..... 130
L. N. Berezina
Text interpretation in the system of development
of communicative competence of secondary school pupils..... 135
D. V. Vlasenko
Protestantism in the Republic of Mordovia in the 1990s – early 2000s..... 139
A. S. Ivanov
The program of restructuring a network of institutions of general education –
the applied instrument of implementation of administrative decisions..... 141
V. P. Izergina
"White" struggle and "white" idea in life and works of I. A. Ilyin in 1914–1922..... 144
A. I. Kiseleva
State of formation of knowledge of logical educational actions
of the students of the main school of general education..... 148
T. S. Kryukov
Youth associations in modern Russia: socio-cultural specificitys 151
A. N. Fedin
The problem of social regress in european philosophy
at the end of the 19th at the beginning of the 20th centuries..... 154
E. A. Yudina
The idea of beauty among student's youth..... 157

REWIEWS, THE INFORMATION, OPINIONS

T. I. Shukshina
International theoretical and practical Conference with the scientific school elements
for young scientists – 49th Evsevyevskie chteniya..... 160

ARTICLE EXECUTION REQUIREMENTS..... 163

ПЕДАГОГИКА

УДК 81`271
ББК 81.411.2-7

Вершинина Наталья Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра методики начального образования
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт им. М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
versok3@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК БАЗОВОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ*

Аннотация: Важнейшее качество учителя – овладение профессиональной коммуникативной культурой. Базовым компонентом в процессе ее становления является формирование коммуникативно-речевой компетенции, формирование которой должно основываться на интегративной технологии риторизации.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая компетенция, культура речевого общения, профессиональная коммуникативная культура, учитель начальных классов, интеграция, риторизация.

Vershinina Natalya Viktorovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

TOWARDS THE QUESTION OF FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A BASIC COMPONENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATIVE CULTURE OF A PERSONALITY OF THE CONTEMPORARY PRIMARY SCHOOL TEACHER

Abstract: The most important quality of a teacher is mastering of professional communicative culture. The basic component in the process of its formation is the formation of communicative competence, of which must be based on the integrative technologies of rhettorization.

Key words: communicative language competence, culture of speech communication, professional communicative culture, Primary schel, integration, technology, rhetorization.

Развитие российского образования на современном этапе характеризуется постоянным нарастанием требований к его качеству: образовательные результаты должны соответствовать запросам нового общества. В этой связи «нарастает потребность в мобильных высококвалифицированных специалистах, способных принимать самостоятельные ответственные решения в условиях динамично меняющейся действительности, готовых решать не только задачи, которые стоят перед современным человеком, но и те, которые возникнут в будущем» [13, с. 19].

Критерием качества образования становится компетентностный подход. «Проблема компетентности субъекта педагогического общения является частью широкой и сложной проблемы качества профессиональной деятельности человека и имеет большое значение для подготовки специалиста к ее осуществлению» [10, с. 76]. «Среди разновидностей профессиональной компетентности выделяют практическую (специальную), социальную, психологическую, информационную и коммуникативную…» [12, с. 3]. «Коммуникативная компетентность – это категория оценочная, характеризующая человека как субъекта определенного социума в системе общественного труда. Она предполагает глубокое понимание сути коммуникативных задач, знание содержания темы общения, наличие опыта, имеющегося в данной области, активное его использование, умение выбирать коммуникативно-речевые средства и способы, адекватные конкретным обстоятельствам места и времени, чувство ответственности за достигнутые результаты; способность учиться на ошибках и вносить коррективы в процесс достижения коммуникативных целей» [6, с. 1]. «Профессиональная коммуникативно-речевая компетентность

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

представляет собой обязательный уровень подготовки личности для осуществления эффективной работы по специальности» [11, с. 386–387]. Таким образом, коммуникативно-речевая компетентность – показатель состоятельности человека в профессиональном и личностном плане.

Проблема перехода к новым образовательным результатам охватывает множество аспектов всего образовательного процесса: новая школа требует новых учителей, способных использовать новые технологии и методики обучения. Особое значение приобретает роль и личность учителя, его творческая деятельность в школе – в ней он реализует себя как носитель социальных инноваций. Понятие «личность» – это не только своеобразие человека, его неповторимость, его опыт социального взаимодействия. Индивидуальность и социальность личности находят проявление в процессе речевой деятельности.

В теории и практике школьного преподавания существует целостная методическая система, опирающаяся на лучшие традиции развития связной речи, достижения современной лингводидактики. Однако вопрос развития речи учащихся остается актуальным. Почему? Ответ очевиден: у ребенка нет образца, так как учитель сам далеко не всегда владеет коммуникативно-речевыми умениями, далеко не всегда может проявить себя как языковая личность. Вуз, как правило, не ставит такой задачи в процессе подготовки будущих учителей нефилологических специальностей, хотя возможности для ее решения имеются. Особенно остро встает этот вопрос в процессе подготовки учителя начальных классов.

По мнению Н. А. Беловой, «точками соприкосновения для всех гуманитарных наук являются тип мышления, культурологические и эстетические понятия, центральные проблемы той или иной эпохи, ведущие идеи времени, стилевые особенности языка текстов культуры. Именно язык является той средой, в которой происходит процесс установления взаимопонимания, взаимного договаривания собеседников, а языковая структура нашего опыта мира охватывает самые многообразные жизненные явления, в языке отражается и само общество в тот или иной период истории» [2, с. 35]. В основе формирования языковой личности учителя начальных классов лежит формирование у студентов специальных факультетов компетентности в педагогическом общении, профессиональной коммуникативно-речевой компетенции. Эти понятия взаимосвязаны и взаимозависимы и являются базой для становления не только профессиональной культуры педагога, но и общей культуры личности.

Сегодня в нашей стране сложилась сложная культурно-речевая ситуация: эталонная русская речь становится неким феноменом, исключением из общего потока высказываний политиков, представителей средств массовой информации, а зачастую и самих педагогов, чьи тексты содержат скорее недостатки, чем риторические достоинства. Именно эти «авторитетные» примеры во многом формируют языковой вкус и речевое поведение молодежи. В этой связи коммуникативно-речевая деятельность в различных сферах жизни оказывается проблематичной. Опыт наблюдений показывает: современные молодые люди лишь в общих чертах знакомы с основами знаний в области правил общения, культуры речи, у них достаточно слабо сформированы умения ориентироваться в различных коммуникативных ситуациях, определять коммуникативное намерение собеседника, понимать его состояние в силу небогатого жизненного опыта, их речь пресыщена вульгарно-бранной лексикой, просторечиями, жаргонизмами и т. д. Сказанное свидетельствует о недопустимо низком уровне коммуникативно-речевой культуры. Как следствие – речевая деятельность во многих ситуациях межличностного общения оказывается малоэффективной: большинство молодых людей не умеет справляться с негативными коммуникативными факторами, не имеет навыков адекватной этикетной реакции на раздражители: либо проявляет формы речевой (и не только) агрессии, зачастую демонстрирует полную беспомощность в решении коммуникативных задач. Все это становится причиной серьезных речевых затруднений (коммуникативных помех, коммуникативных неудач) при общении в различных сферах: учеба, профессиональная деятельность, семейные отношения и т. д.

Являясь профессией повышенной речевой ответственности, профессия учителя безоговорочно требует владения культурой речевого общения. Коммуникативная культура учителя основана на речевой культуре, с точки зрения этой позиции не следует разграничивать определения «коммуникативная» и «речевая». Речь учителя во многом определяет потенциал всей системы образования, меру ее воздействия на развитие личности ученика. Содержание профессиональной деятельности педагога предъявляет к нему ряд специфических требований, заставляющих его развивать определенные личностные качества как профессионально значимые, необходимые и обязательные. Для учителя речь – основной инструмент профессии, это не просто главное орудие профессиональной деятельности, но и «образец, сознательно или бессознательно усваиваемый, всегда в той или иной степени воспринимаемый учениками, а значит, неизбежно тиражируемый и распространяющийся» [3, с. 3].

А. П. Чехов отмечал: «Цветами красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по своей службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека «дурно говорить» должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать» [15, с. 276].

Основой общей культуры личности, базовым компонентом культуры человека и общества является *коммуникативная культура*, которая обеспечивает жизненное самоопределение личности, создает ее внутренний мир, жизненные идеалы, ценности, систему запретов и самоконтроля, регулирует процесс адекватной реакции на окружающую действительность. По мнению О. В. Бобковой, «коммуникативная культура – определяющее свойство человека XXI века, естественное явление и процесс. Без определения закономерностей и особенностей развития коммуникативной культуры личности эволюция общего и профессионального образования невозможна» [4, с. 58]. В основе коммуникативной культуры лежит культура мышления, предстающая в виде специфических форм познавательной деятельности, направленной на восприятие и порождение текстов, соответствующих замыслу и достоверно отражающих действительность, а также культура речи. Речь, являясь главной формой человеческого общения, является также важнейшим показателем базовой культуры личности и общества в целом. Эффективность любого процесса общения прежде всего зависит от коммуникативной культуры участников общения. Коммуникативная культура – это совокупность культурных норм, культурологических знаний, ценностей и значений, используемых в процессе коммуникации, в том числе и при общении.

Формирование коммуникативно-речевой культуры будущего учителя начальных классов как необходимая и важная часть образовательного процесса представляет собой комплекс целенаправленных педагогических воздействий, целью которых является передача обучающимся знаний об окружающем мире, социального опыта, накопленного в процессе культурно-исторического развития общества, а также выработка социально приемлемых и социально одобряемых форм коммуникативно-речевого поведения.

Становление коммуникативной культуры любой личности предполагает: во-первых, развитие ряда психологических и мыслительных свойств, особо явно проявляющихся в процессе коммуникации; во-вторых, помощь в овладении средствами коммуникации; формирование ряда социальных установок, необходимых для эффективного общения; в-третьих, развитие и формирование коммуникативных умений.

Способность применять коммуникативную культуру в социально ориентированной деятельности, в нашем понимании, является, по сути, *коммуникативной компетентностью*. Формирование коммуникативной культуры немыслимо без формирования коммуникативно-речевой компетентности *как совокупности знаний, умений и навыков свободного и эффективного речевого поведения в разнообразных коммуникативных ситуациях*. Коммуникативно-речевую компетентность составляют: 1) собственно-речевые знания, умения и навыки человека (знания об устройстве языковой системы; владение разнообразными единицами этой системы; правильность речи, ортологические умения, следование нормам литературного языка в устной и письменной речи; 2) энциклопедические знания – осведомленность не только в лингвистических, но и философских, логических, культурологических, историко-этнографических, психологических и других областях знания; 3) устойчивые коммуникативные навыки – навыки обоснованного, уместного, точного, эффективного использования различных языковых средств и лингвистических знаний о них в свободном общении в разнообразных коммуникативных ситуациях с учетом знаний основ этики и этикетных норм, их национальных особенностей (навыки организации эффективной, успешной речевой коммуникации).

А. В. Мудрик, описывая коммуникативную культуру учителя как один из существенных компонентов его профессиональной культуры, вслед за В. А. Сластениным отмечает, что «ее формирование в системе непрерывного педагогического образования – важнейшая задача сегодняшнего дня», объясняя это тем, что общение, «эффективность которого определяется развитостью коммуникативной культуры его участников, есть ведущий вид взаимодействия педагогов и воспитанников, а также педагогов с коллегами и воспитанников между собой» [14, с. 107]. «Коммуникативная культура является важным приоритетом профессиональной подготовки будущего специалиста и определяется как совокупность умений и навыков, обеспечивающих доброжелательное взаимодействие людей, эффективное решение всевозможных задач общения. Она состоит из коммуникативной грамотности, что предполагает овладение психологическими и нравственными знаниями (фактами, представлениями, понятиями, нравственными

законами, ценностями и т. д.), умениями, правилами и нормативами в сфере общения, проявляющимися в кругозоре, общей эрудиции, способности к позитивному размышлению и поискам выхода из сложившихся ситуаций, и коммуникативной этики» [9, с. 13].

Ю. В. Жуков выделяет три группы правил, составляющих коммуникативную культуру. Первая – это *правила коммуникативного этикета*. Они определяют порядок обращения и представления, выбор обращения и многое другое. Этикетные правила не имеют прямой связи с эффективностью общения, но их частичное или полное игнорирование отстраняет человека от участия в общении. Вторая – *правила согласования коммуникативного взаимодействия*. Они задают тип общения: светское, деловое, ритуальное, интимно-личностное и т. д. Третья – это *правила самоподачи (самопрезентации)*, они не определяют тип общения и не влияют на общую для всех эффективность, но определяют индивидуальный успех отдельных участников общения. Правила самоподачи предназначены для создания у окружающих определенного впечатления о себе [5]. Сформированность коммуникативной культуры личности можно определить по таким группам критериев: 1) культура общения, общительность; 2) культура речи; 3) коммуникативные умения; 4) коммуникативное мышление; 5) ценностные ориентации; 6) досуговые интересы.

Итак, становление коммуникативной культуры студентов может происходить только через формирование у них коммуникативно-речевой компетентности. Этот процесс предполагает: овладение рядом коммуникативно-речевых знаний, умений, навыков и их адекватное применение в различных жизненных ситуациях, знакомство с основными коммуникативными, речевыми и этическими правилами, нормами. Поскольку на собственно речеведческие курсы (риторика, педагогическая риторика, культура речи, речевой этикет и т. п.) в учебных планах отводится ничтожно малое количество времени, такую возможность сегодня может дать только внедрение в учебный процесс технологии риторизации, где все виды деятельности студента составляют целостную систему обучения и развития коммуникативно-речевой личности. По мнению Л. В. Ассуировой, технология риторизации метапредметна: «Способы и приемы деятельности в данной технологии являются надпредметными (метапредметными). То есть они носят универсальный характер и могут быть применены к любой предметной деятельности. На наш взгляд, новая филологическая технология риторизации – это модель совместной педагогической деятельности по организации для учащихся условий для развития мышления и речи средствами риторической науки. Данная технология является интегративной, предполагающей интеграцию приемов, используемых на любом предмете и направленных на создание условий для мотивации учащихся к созданию индивидуального речевого высказывания» [1, с. 16].

Построение эффективной системы формирования коммуникативно-речевой культуры с включением новых дидактических, информационных средств требует теоретического знания законов, по которым протекает процесс обучения. Внешние закономерности процесса обучения характеризуют его зависимость от внешних процессов и условий: социально-экономической, политической ситуации, уровня культуры всей страны, потребностей общества в определенном типе личности и уровне ее образования и культуры в данный исторический период. К внутренним закономерностям относятся связи между компонентами педагогического процесса: целями, содержанием, методами, средствами, формами обучения.

Таким образом, проблемы формирования коммуникативно-речевой культуры, совершенствования коммуникативно-речевой компетентности будущего учителя начальных классов требуют особого внимания современного довузовского и вузовского образования. В основе становления коммуникативной культуры личности учителя лежит формирование у студентов профессиональной коммуникативно-речевой компетенции. Огромный потенциал для ее становления заложен в технологии риторизации образовательного процесса. Тогда учитель сам будет отвечать требованиям качества образования, строить образовательный процесс в соответствии с социальными запросами, решать задачи, поставленные ФГОС НОО.

Список использованных источников

1. Ассуирова, Л. В. Образовательная технология риторизации / Л. В. Ассуирова // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 2. – С. 15–18.

2. Белова, Н. А. Интеграция гуманитарных дисциплин и пути ее реализации в вузовском педагогическом образовании / Н. А. Белова // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 2. – С. 32–36.

3. Белунова, Н. И. Культура речи и ее назначение в подготовке специалистов нефилологического профиля / Н. И. Белунова // Культура и сервис: взаимодействие, инновации, подготовка кадров : сб. материалов I Межрегион. науч.-практ. конф. 17 апр. 2009 г. – СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2009. – С. 130–133.

4. Бобкова, О. В. Формирование коммуникативной культуры у детей с особыми образовательными потребностями / О. В. Бобкова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4 (8). – С. 58–61.

5. Жуков, Ю. В. Эффективность делового общения / Ю. В Жуков. – М. : Знание, 1988. – 64 с.

6. Кузнецова, В. В. Коммуникативно-речевая компетенция – основа профессиональной культуры учителя / В. В. Кузнецова // Человек и образование. – 2010. – № 2 (23). – С. 71–73.

7. Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1996. – 287 с.

8. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Флинта, 2003. – 212 с.

9. Митрова, Н. О. Формирование коммуникативной культуры у студентов вуза в процессе их включения в социально ориентированную деятельность : автореф. дис. … канд. пед. наук. – Майкоп, 2006. – 31 с.

10. Савинова, Т. В. Содержательное оснащение процесса развития компетентности студента как субъекта педагогического общения / Т. В. Савинова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 76–78.

11. Савова, М. Р. Пути повышения профессиональной коммуникативно-речевой компетентности преподавателей медицинских вузов / М. Р. Савова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 5 (2). – С. 386–387.

12. Смирнова, Е. А. Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях непрерывного образования : автореф. дис. … д-ра пед. наук. – М., 2007. – 39 с.

13. Сурхаев, М. А. Развитие системы подготовки будущих учителей информатики для работы в условиях новой информационно-коммуникационной образовательной среды : дис. … д-ра пед. наук / М. А. Сурхаев. – М., 2010. – 333 с.

14. Формирование профессиональной культуры учителя : учеб. пособие / под ред. В. А. Сластенина. – М. : Прометей, 1993 – 178 с.

15. Чехов, А. П. Собр. соч. : в 12 т. / А. П. Чехов. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 6. – 326 с.

References

1. Assuirova L. V. Educational technology of rhetorization, Humanities and Education, 2010, No. 2, pp. 15–18.

2. Belova N. A. Integration of the humanities and the ways of its realization in higher pedagogic education, Humanities and education, 2010, No. 2, pp. 32–36.

3. Belunova N. A. Speech culture and its function in the training of specialists not referring to the Philology. Culture and service: collaboration, innovation, training: Collection of materials of the 1st inter-regional scientific-practical conference. SPb., 2009, pp. 130–133.

4. Bobkova O. V. The formation of communicative culture of children with special educational needs. Humanities and education, 2011, No. 4 (8), pp. 58–61.

5. Zhukov Yu. V. The efficiency of business. Moscow, Knowledge, 1988, 64 p.

6. Kuznetsova V. V. Communicative language competence is the basis of professional culture of the teacher. The person and education, 2010, No. 2 (23), pp. 71–73.

7. Russian speech culture and the effectiveness of the communication / otv. red. L. K. Graudina, E. N. Shiryaev. Moscow, Nauka, 1996, 287 p.

8. Leontiev A. A. Language, speech, speech activity. Moscow, Flint, 2003, 212 p.

9. Mitrova N. O. The formation of communicative culture with students at a University in the process of their inclusion in socially-oriented activities: abstract of the thesis… Doctor of pedagogical Sciences. Maikop, 2006, 31 p.

10. Savinova T. V. The Substantial Equipment of Process of Competence Development of a Student as a Subject of Pedagogical Communication. Humanities and education, 2011, No. 1 (5), pp. 76–78.

11. Savova M. R. Ways of improvement of professional communicative, speech competence of teachers of medical colleges. Izvestiya Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences, 2010, Vol. 12, 5 (2), pp. 386–387.

12. Smirnova E. A. The formation of communicative competence of students in conditions of continuous education, Abstract of the thesis… Doctor of pedagogical Sciences. Moscow, 2007, 39 p.

13. Surhaev M. A. Development of system of preparation of the future teachers of computer science for work in conditions of new information and communication educational environment: Abstract of the thesis… Doctor of pedagogical Sciences. Moscow, 2010, 333 p.

14. Formation of professional culture of the teacher: the textbook, Under ed. V. A. Slastenin, Moscow, Prometheus, 1993, 178 p.

15. Chekhov A. P. Collected works: comp. in 12 volumes. Moscow, 1956, Vol. 6., 326 p.

Поступила 04.09.2012 г.

УДК 39:316.7(045)
ББК 74.03

Горшенина Светлана Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра педагогики
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт им. М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
sngorshenina@yandex.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме смыслообразования личности в современной социокультурной ситуации. Автором определены ориентиры становления жизненных смыслов личности через осмысление этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: ценность, этнокультурные ценности, смыслообразование, жизненные смыслы, личность.

Gorshenina Svetlana Nikolaevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

ETHNOCULTURAL VALUES AS THE BASIS OF SENSE FORMATION OF THE PERSONALITY

Abstract: The article deals with to the problem of sense formation of the personality in the contemporary sociocultural situation. The author defines the directions of formation of the meanings of life of a person through understanding ethnocultural values.

Key words: value, ethnocultural values, sense formation, meanings of life, personality.

Современный этап развития российского общества характеризуется отсутствием единых ориентиров в системе воспитания подрастающего поколения, низким уровнем духовного и нравственного развития личности, снижением значимости общечеловеческих гуманистических ценностей и идеалов. В связи с этим особую значимость приобретает процесс подготовки подрастающего поколения к самостоятельному построению индивидуальной иерархии духовных ценностей, представлений и мотивов, способного к самоопределению и конструированию своего жизненного пути в потоке социальных трансформаций.

Жизненный путь человека – это процесс формирования и развития личности в определенном обществе. Вместе с тем фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой – целями и смыслами жизни, которыми данная личность владеет. При этом жизнедеятельность человека протекает в этносоциокультурной среде. Принадлежность к определенной этнической группе позволяет личности «входить» в контекст определенной этнокультуры.

Оригинальность каждой этнокультуры заключается в таких ее компонентах, как язык, традиции, нормы, ценности, передающиеся из поколения в поколение в виде специфического опыта этноса, актуализирующегося в созидательных способностях человека для преобразования собственного предметного мира и мира общественных отношений [10]. В современной социокультурной ситуации потенциал этнокультуры в полной мере может быть использован как для консолидации общества, сохранения единого социального пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов, равноправия этнических культур, так и социализации личности, определения смыслообразующих основ ее формирования и самореализации [5; 8].

Исследователями этнокультура трактуется как совокупность материальных и духовных ценностей, складывающихся в жизнедеятельности народа на основе традиций, обычаев, обрядов, поведенческих норм, социальных взаимоотношений и других факторов [4]. Г. А. Бордовский

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03. 2013 г.).

отмечает, что «этнические культуры транслируют не просто традиционные формы жизни, а, через систему архетипов, картину мира как мир ценностей, которые регулируют отношения человека с природой и социумом. Утрата народом своей картины мира приводит к социокультурной мутации» [2].

Очевидно, что основой и фундаментом этнокультуры являются ценности, они представляют собой разделяемые в обществе убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения. Это ценности, лежащие в основе отношения человека к миру и самому себе, придающие смысл его деятельности, отражающие его идеалы.

По мнению П. С. Гуревича, «ценность выражает человеческое измерение культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования. Она как бы стягивает духовное многообразие к разуму, чувствам и воле человека. Таким образом, ценность – это не только осознанное, но и жизненно, экзистенционально прочувственное бытие. Она характеризует человеческое измерение общественного сознания…» [3, с. 131].

В русле философского подхода ценности рассматриваются в контексте проблем мировоззрения и смысла жизни и определяются как характеристики объектов и процессов мира, имеющие положительное или отрицательное значение для жизни человека. В. Н. Сагатовский отмечает, что «ценности в итоговой концентрированной форме выражают основные потребности и интересы человека: с помощью ценностей осуществляется выбор того или иного отношения к миру и любой его части» [7, с.15].

Этнокультура обеспечивает овладение этнокультурными ценностями посредством присвоения человеком этносоциокультурного опыта, фиксированного в системе этнических констант как парадигмальной формы этнокультурного сознания. Этнические константы детерминируются стратегией «культуры жизнеобеспечения» этноса и включают в себя религиозные верования и практику, язык, общее понимание течения истории, общих предков, общую историческую родину. В данном контексте этнокультурные ценности направляют, ориентируют, регулируют отношения людей – представителей этнической группы.

Очевидно, есть много способов классифицировать этнокультурные ценности и на этом основании описывать конкретную этнокультуру в аксиологических терминах. Наиболее распространенной точкой зрения на классификацию ценностей является подход, в основе которого положена структура общественного субъекта. В рамках такой классификации выделяют ценности общечеловеческие, ценности эпох, ценности поколений, возрастов, ценности наций и классов, профессиональных групп, семьи и ценности личности. Данная классификация позволяет рассмотреть ценности на разных уровнях, выявить влияние одних ценностных ориентаций на другие, понять тенденции изменений ценностей. Каждая эпоха, поколение, нация, народ имеют свои системы ценностей, определяющие и влияющие на их культуру, мировоззрение, образ жизни.

В исследованиях О. Г. Дробницкого отмечается, что все многообразие явлений человеческой деятельности, общественных отношений и вписанных в их круг этнокультурных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения. В сознании личности закрепляются так называемые «субъектные ценности» – установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений этноса, выступая ориентирами деятельности человека. «Предметные» и «субъектные» ценности являются, таким образом, как бы двумя полюсами ценностного отношения человека к миру.

«Субъектные ценности», определяющие сущность этнокультуры, имеют духовно-нравственную основу. Они заключены в уникальности, традиционности, являясь эталонами поведения, ориентирами человеческого существования, проявляющимися в процессе объект-субъектных и субъект-субъектных отношений в качестве смысла жизни. Значимость духовно-нравственных ценностей всегда занимала особое место в сознании людей. Духовные ценности аккумулируют в себе всю основу принятых в данном обществе способов действий и отношения к таким действиям и тем самым являются важнейшим ресурсом этого общества, играют роль стабилизатора, укрепляя структуру социальных отношений и связей.

Ю. Н. Кулюткин, рассматривая ценности с позиции психологического подхода, указывает, что они регулируют и направляют деятельность, общение и поведение личности, поскольку «ценности как мотивы определяют строение мотивационной сферы, как смысловые образования – строение смысловой динамической системы, как ценностные ориентации – строение диспозиционной системы человека» [6].

В психологии смыслом принято называть внутреннее мотивированное, индивидуальное значение для субъекта того или иного действия, поступка, события. Совершая то или иное действие, человек осознает, зачем он это делает, и в этом для него заключается смысл. В более

широком аспекте смысл – это ценность и одновременно переживание этой ценности человеком в процессе ее выработки, присвоения или осуществления. В отличие от ценностей смыслы уникальны для каждого человека и каждого момента его жизни. Смыслы рождаются, трансформируются в зависимости от возраста, обстоятельств, состояний и отношений. Причем последние являются одной из важных характеристик личности, так как представляют субъективную сторону ее связи с предметами, явлениями – ее внутреннее ядро. Жизненные смыслы как важная составляющая самосознания личности выступают в качестве системообразующего мотивационного компонента личности, который определяет перспективы ее развития и функционирования.

Ф. Феникс считает жизненный смысл интеграцией личностной и социальной действительности. Он выделяет шесть смысловых реальностей, которые отражают, на наш взгляд, становление жизненных смыслов через освоение личностью этнокультурных ценностей:

– символика – языковые и иные структуры для выражения и коммуникации смыслов;

– эмпирика есть фактическое знание о действительности;

– эстетика – искусство, воплощающее уникальную субъективность автора;

– синноэтика – сфера значимых межличностных отношений;

– этика – смысл моральных обязанностей и принимаемых решений;

– синоптика объединяет историю, философию и религию, осуществляет смысловую интеграцию личности в этнокультуру [9].

Становление жизненных смыслов происходит как принятие и интериоризация личностью смысложизненных идеалов, выработанных каждым конкретным этносом. Путь к достижению таких идеалов делает жизнедеятельность человека и общества осмысленной. При этом каждый этнос стремится следовать выработанным с годами идеалам, среди которых центральное место отводится смысложизненным идеалам. В философских исследованиях (А. А. Гусейнов, Л. Н. Коган, А. Г. Спиркин) полноценное существование любого этноса основывается на постижении трех основных категорий смысложизненных идеалов – личностных, общественных и философских.

К личностным идеалам относят любовь и житейскую мудрость, достоинство, совесть, долг, активность и деятельность. Они выступают в качестве «опорных пунктов» жизнедеятельности человека, без которых нет ни его самого, ни этнического сообщества. Поэтому на их основе формируется личность, которая достойна осмысленного существования.

К общественным идеалам причислены гуманизм, альтруизм, коллективизм, единство, деятельность. На их основе строится и функционирует любое этническое сообщество. Они не являются самодостаточными, но их значения всегда определяются тем, насколько они способствуют осмысленной жизни каждого человека в определенном этническом сообществе.

К философским идеалам относят истину, добро, красоту и справедливость. В них в концентрированном виде воплощается сущность смысла жизни человека. Каждый этнос стремится к достижению истины как правды; добра как положительного морального состояния и оценки поступков человека в этническом сообществе; красоты как гармонии, совершенства и целесообразности в состоянии человека – члена этнического сообщества; справедливости как совокупности вознаграждений и наказаний, которым следует человек в соответствии со своим социальным положением, поведением и поступками в этническом сообществе.

В современных условиях совершенно очевидно, что отношение подрастающего поколения к различным культурам и их носителям складывается в зависимости от принятой в конкретной социокультурной среде системы ценностей. Современными отечественными учеными ценности рассматриваются как «обобщенные представления людей о целях и нормах поведения, воплощающие исторический опыт и концентрировано выражающие смысл культуры определенного этноса и человечества в целом» [1, с. 11].

Опора на идеи гуманистической педагогики (Ш. А. Амонашвили, В. А. Сухомлинский и др.) и психологии (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.) о ценности человека как носителя определенной культуры, о необходимости уважения его прав и свобод предполагает предоставление учащемуся права на самобытность и индивидуальность, дает возможность учитывать этнокультурные потребности учащихся в образовании. Идеи педагогов-гуманистов позволяют воспитывать у учащихся толерантное отношение к людям, которые отличаются от них по культурным ценностям, образу жизни и стилю поведения, способствуют формированию готовности проявлять участие к проблемам и трудностям других, развития умений конструктивного взаимодействия с носителями иных культур, разрешения возникающих конфликтов.

Мы разделяем позицию исследователей (Ю. С. Давыдов, Л. Л. Супрунова и др.), в соответствии с которой становление жизненных

смыслов подрастающего поколения начинается с усвоения ценностных представлений, признанных в окружающей социокультурной среде. Приобщение личности к этнокультурным ценностям происходит на микро-, мезо- и макроуровнях. На микроуровне ребенок проживает этнокультурные ценности своего микросоциума – семьи, в результате чего он приобщается к этнической культуре своего народа. Мезоуровень связан с освоением ценностей различных этнических обществ, проживающих в том или ином регионе, на этом уровне выявляется единство социокультурных устремлений этнических групп, формируется ценностное отношение к культуре других народов. Макроуровень обеспечивает постижение общечеловеческих ценностей.

В меняющейся социокультурной ситуации личность должна не только глубоко понимать и чувствовать культуру своего этноса, но и быть способной к жизни в контексте российской и мировой культуры, обладать чувством перспективы, необходимым уровнем рефлексии для проявления разнообразных подходов к проблемам своей жизни в культурном контексте современного общества. Это должна быть личность, имеющая богатый культурный и духовный опыт. Именно позитивный опыт позволит человеку противостоять влиянию негативных факторов и принять активное участие в решении задач преодоления кризисных явлений в обществе, сохранения единого социокультурного пространства страны, построения высоконравственных межличностных отношений, определения путей продуктивного взаимодействия в поликультурном обществе.

Список использованных источников

1. Арутюнов, С. А. Этнологический словарь: этнос, нация, общество / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 2002. – 512 с.

2. Бордовский, Г. А. Трансляция традиции и образование как национальная идея / Г. А. Бордовский, С. А. Гончаров // Реальность этноса : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. «Реальность этноса». – СПб. : Астерион, 2004. – С. 164–167.

3. Гуревич, П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич. – М. : ИФРАН, 2008. – 194 с.

4. Гусейнов, А. А. Этика : учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М. : Гардарика, 1998. – 472 с.

5. Замкин, П. В. Проблема культурной продуктивности личности в меняющейся социокультурной ситуации / П. В. Замкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4 (8). – С. 13–17.

6. Кулюткин, Ю. Н. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя / Ю. Н. Кулюткин, В. П. Бездухов. – Самара : Изд-во СамГПУ, 2002. – 400 с.

7. Сагатовский, В. Н. Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения : в 3 т. / В. Н. Сагатовский. – СПб. : СГУ, 1997. – Т. 1. – 224 с.

8. Серикова, Л. А. Организация духовно-нравственного воспитания школьников в поликультурном образовательном пространстве региона / Л. А. Серикова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4 (8). – С. 50–52.

9. Смысл как системообразующий компонент структуры идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.personalita.ru/199.html.

10. Якунчев, М. А. Этноэкологические традиции в педагогической культуре народа / М. А. Якунчев, С. Н. Горшенина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 25–29.

References

1. Arutyunov S. A. Ethnological dictionary: ethnos, nation, society. Moscow, Nauka, 2002. 512 p.

2. Bordovskiy G. A., Goncharov S. A. Translation of traditions and education as a national idea, The reality of ethnos. Collection of VII international scientific-practical conference. «The reality of ethnos». Saint-Petersburg, Asterion, 2004, pp.164–167.

3. Gurevich P. S. Philosophy of culture. Moscow, IFRAN, 2008, 194 p.

4. Guseynov A. A., ApresyanA. A. Ethics. Moscow, Gardarika, 1998, 472 p.

5. Zamkin P. V. The problem of the cultural production of a person in a changing soziocultural situation, The Humanities and Education, 2011, No. 4 (8), pp. 13–17.

6. Kulyutkin Yu. N., Bezdukhov V. P. Values and cognitive structures in the activity of the teacher. Samara, 2002, 400 p.

7. Sagatovskiy V. N. Philosophy of developing harmony: philosophical foundations of world-view : in 4 volumes. Saint-Petersburg, 1997, Vol. 1, 224 p.

8. Serikova L. A. The organization of spiritual and moral education of schoolchildrenin a multicultural educational space of the region, The Humanities and Education, 2011, No.4 (8), pp. 50–52.

9. Sense as a systemforming component of the structure of identity [Electronic resource], URL: http://www.personalita.ru/199.html (date of treatment : 24.02.2010).

10. Yakunchev M. A., Gorshenina S. N. Ethnoecologial traditions in pedagogical culture of people, The Humanities and Education, 2011, No. 1 (5), pp. 25–29.

Поступила 12.11.2012 г.

УДК 37.015.3:376.24(045)
ББК 88.4

Логинова Наталья Геннадьевна
учитель начальных классов
государственное бюджетное образовательное учреждение
Центр образования № 1471, г. Москва, Россия
Loginova-lng@rambler.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация: В статье раскрывается педагогический опыт формирования мотивации учебной деятельности младших школьников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательном учреждении. Автор рассматривает исторический аспект возникновения регулирования отношений в области образования данной категории лиц. В статье освещаются статистические данные по количеству детей с ОВЗ в России. Автор обосновывает важность формирования мотивации учебной деятельности, раскрывает структуру программы мотивационного сопровождения обучения младших школьников с ОВЗ, которая направлена на усиление успешности их учебной деятельности. Автор предлагает педагогические основы формирования мотивации учебной деятельности младших школьников с ОВЗ (педагогические условия, стратегии и технологии). Автор резюмирует, что формирование мотивации учебной деятельности младших школьников с ОВЗ является одним из приоритетных направлений реализации развивающего потенциала Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования.

Ключевые слова: учебная деятельность, мотивация, успешность, младшие школьники с ограниченными возможностями здоровья, педагогический опыт, стратегии, технологии, педагогические условия.

Loginova Natalia Gennadyevna
Primary school teacher
Center of Education № 1471 Center, Moscow, Russia

PEDAGOGICAL EXPERIENCE OF FORMATION OF MOTIVATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH RESTRICTEDABILITIES IN AN INSTITUTION OF GENERAL EDUCATION

Abstract: The article reveals pedagogical experience of formation of motivation of educational activity of primary school children with restricted abilities (RA) in an institution of general education. The author considers a historical aspect of emergence of regulation of the relations in the field of education of this category of people. The article covers the statistics on the number of children with RA in Russia. The author proves the importance of formation of motivation of educational activity. Reveals the structure of the program of motivational maintenance of training of primary school children with RA which is directed at strengthening their educational activity success. The author offers pedagogical bases of formation of motivation of educational activity of primary school children with RA (pedagogical conditions, strategies and technologies). The author summarizes that formation of motivation of educational activity of primary school children with RA is one of the priority directions of realization of the developing potential of the Federal state educational standard of primary general education.

Key words: educational activity, motivation, success, primary school children with restricted abilities, pedagogical experience, strategies, technologies, pedagogical conditions.

В современном мире усиливается тенденция изучения и решения образовательных проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года была принята Конвенция «О правах инвалидов», в которой прописывается право ребенка с ограниченными возможностями здоровья на получение образования по месту жительства путем организации их интегрированного обучения с нормально развивающимися сверстниками [2]. В США и странах Европы данная образовательная практика осуществляется с 1875 года, когда были сформированы классы для детей, которые считались умственно недоразвитыми, а также для тех, кого полагали «неисправимыми за их поведение», глухих или

физических инвалидов. В этот же период Национальная ассоциация образования создала Департамент специального образования.

Регулирование отношений в области образования детей с ограниченными возможностями в России стало осуществляться лишь в начале XX века. По данным статистики, в настоящее время в России насчитывается более 15 млн. лиц с отклонениями в развитии, что составляет около 11 % населения страны. Это более 2 млн. детей с ограниченными возможностями здоровья (8 % всей детской популяции), из них около 700 тыс. составляют дети-инвалиды [6]. В настоящее время наибольшее распространение получили две формы организации обучения указанной категории детей: инклюзивное образование и интегрированное обучение. Из более 1500 образовательных учреждений города Москвы 47 работают как экспериментальные площадки по программе инклюзивного образования [4].

Тенденция создания специальных условий для получения образования указанными обучающимися с учетом их образовательных потребностей усиливается, так как «в современных условиях чрезвычайно актуализируется проблема перевода педагогического образования в качественно новое состояние, отражающее такой тип педагогической деятельности, который характеризуется его органическим взаимодействием с социумом и реальной ситуацией жизнедеятельности воспитанников» [5, с. 39].

В данном контексте «необходимы создание нормативно-правовых основ деятельности, разработка программно-методического сопровождения коррекционно-образовательного процесса, снабжение современными техническими средствами обучения детей с различными нарушениями в развитии» [1, с. 30].

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7], в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, организовывается обучение и воспитание обучающихся с ограниченными возможностями здоровья как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах или группах [гл. 11, ст. 79].

Теоретический анализ литературы и практический опыт педагогической деятельности показывают, что младшие школьники с ограниченными возможностями здоровья испытывают существенные трудности в проектировании учебной деятельности, ее реализации, оценке учебных достижений, динамика которых замедленна. Им по преимуществу свойственна игровая и учебно-познавательная мотивация, основанная на внешних мотивах, которые не могут оказывать существенное положительное влияние на успешность учебной деятельности, так как «мотивы тесно связаны с интеллектуальной, волевой, эмоциональной сторонами психики. «Интеллектуальное» влияет на содержательную, а «эмоциональное» и волевое в большей степени определяют регуляцию динамической стороны мотивации» [3, с. 89]. Поэтому важным внутренним условием решения проблемы успешности учебной деятельности и социализации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья выступает наличие у них устойчивой системы учебно-познавательных мотивов, сформированных посредством целенаправленной реализации программы мотивационного сопровождения обучения.

Учитывая это, формирование мотивации учебной деятельности младших школьников с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательном учреждении представляет собой важное направление педагогической науки и образовательной практики.

Теоретический анализ литературы и целенаправленное изучение практического опыта педагогической деятельности привлекают особое внимание к обострению ряда противоречий: между разносторонними теоретическими исследованиями мотивации учебной деятельности и недостаточной изученностью влияния данного явления на успешность учебной деятельности младших школьников с ОВЗ; между декларируемой необходимостью мотивационного сопровождения учебной деятельности младших школьников с ОВЗ и недостаточной разработанностью в науке эффективных программ его реализации.

Мотивация учебной деятельности младших школьников с ОВЗ – совокупность внешних мотивов (игровых, узколичностных, избегания неприятностей) и учебных целей (направленных на процесс учебной деятельности в сочетании с реакциями на успех и неудачу), отражающая внутренние и внешние ожидания учебной успешности (педагогов, самого ребенка, его родителей, позже – одноклассников), влияющая на процесс запуска и ориентации ученика в учебной деятельности.

Педагогический опыт показывает, что существуют следующие разновидности влияния мотивации на успешность учебной деятельности учащихся с ОВЗ: положительное (учебный процесс детерминируется познавательными, внутренними, «личностно значимыми» мотивами), отрицательное (в структуре мотивационной сферы ученика доминируют внешние мотивы с отрицательной модальностью – избегание наказания, неодобрения со стороны педагога, родителей, одноклассников), нейтральное (мотив учебной

деятельности является «понимаемым», но не переходит в «реально действующий»). У первоклассников с ОВЗ преобладает нейтральное и отрицательное влияние. В результате успешной адаптации младших школьников с ОВЗ к обучению в общеобразовательном учреждении возможно преодоление отрицательного, коррекция нейтрального и значительное усиление положительного влияния.

Формирование мотивации учебной деятельности младших школьников с ОВЗ – направление деятельности педагога, которое обеспечивает становление внутренних мотивов (выражающих потребностную, эмоциональную, когнитивную и волевую сферу учащихся) и учебных целей (включающих реально возникающие учебные задачи, преломляющие предшествующий опыт в сочетании с реакциями на успех и неудачу, учебные установки), усиливающих ориентацию младших школьников на содержание учебной деятельности, способствующих приданию ей устойчивости, целостности, системности.

Программа мотивационного сопровождения обучения младших школьников с ОВЗ в общеобразовательном учреждении (которая нами реализуется третий учебный год) направлена на усиление успешности их учебной деятельности.

Предлагаемая программа осуществляется по трем основным направлениям деятельности педагога: проведение групповых занятий с младшими школьниками в рамках курса «Развивайка»; осуществление просветительской работы по теории и практике мотивационного сопровождения обучения педагогов (реализация цикла семинаров-практикумов, индивидуальных консультаций, выступлений на методических объединениях учителей начальных классов); осуществление просветительской работы среди родителей по теории и практике формирования мотивации учебной деятельности (выступления на родительских собраниях, проведение индивидуальных консультаций, подбор специальной литературы по индивидуальным особенностям младших школьников с ограниченными возможностями здоровья, организация и ведение интернет-форума).

Успешность учебной деятельности младших школьников с ОВЗ – это характеристика учебных достижений, в которой интегрируются объективно регистрируемые данные мониторинга результатов освоения основной образовательной программы (предметных, личностных, метапредметных), их субъективно переживаемая значимость (отношения к процессу и результату учебной деятельности) и признание (педагогами, самим учеником, его родителями, позже – одноклассниками). В педагогическом смысле успешность отражает единство усилий субъектов образования, так как от качества сформированной мотивации и ее задействованности учителем начальных классов зависит качество процесса и продуктов учебной деятельности младших школьников с ОВЗ.

К педагогической основе формирования мотивации учебной деятельности младших школьников с ОВЗ в общеобразовательном учреждении мы относим:

- педагогические условия как специально создаваемые участниками образовательного процесса обстоятельства, обеспечивающие задействованность и влиятельность внутренних личносто-значимых мотивов на успешность учебной деятельности младшего школьника с ОВЗ;
- педагогические стратегии, аккумулирующие в себе общие способы достижения сформированности мотивации учебной деятельности, реализующиеся в профессиональных умениях методологического характера педагога в сфере мотивационного сопровождения обучения;
- педагогические технологии, обеспечивающие системное операционное воздействие на младшего школьника в процессе реализации мотивационного сопровождения обучения.

Их целенаправленное создание обеспечивает влияние мотивации на успешность учебной деятельности младших школьников.

Для успешного осуществления учебной деятельности младшего школьника с ОВЗ в общеобразовательном учреждении необходимо его включение в собственную деятельность через мотивационное сопровождение учебного процесса. Главная задача мотивационного сопровождения – организация учебной деятельности, способствующей раскрытию внутреннего мотивационного потенциала личности ученика. Поэтому очень важно развивать мотивационную составляющую учебной деятельности младших школьников с ОВЗ в общеобразовательном учреждении, что является одним из приоритетных направлений реализации развивающего потенциала Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Поэтому педагогу, работающему с младшими школьниками с ОВЗ в общеобразовательном учреждении, важно ориентироваться на педагогически значимые результаты (обогащении содержания учебной мотивации и устранение дисбаланса между объективными данными мониторинга результатов освоения основной образовательной программы и субъективным переживанием успешности учебных достижений).

Список использованных источников

1. Абрамова, И. В. Подготовка специалистов для инклюзивного образования / И. В. Абрамова, Е. И. Пушкова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 30–33.

2. Генеральная Асамблея ООН. Конвенция о правах инвалидов. – 13 дек. 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.un.org/ru/dokuments/decl_conv/conventions/disability.shtml.

3. Мешков, Н. И. Природа мотивации в контексте развития личности / Н. И. Мешков // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 87–90.

4. Департамент образования города Москвы. Приложение к постановлению Правительства Москвы. 25 марта 2008 г. № 195-ПП. [Электронный ресурс]. – URL : http://edu-open.ru/Default.aspx.?tabid=135.

5. Рябова, И. Г. Формирование готовности учителя к социально-экономическому воспитанию школьников в контексте традиционной культуры региона / И. Г. Рябова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 4 (12). – С. 38–43.

6. Статистика Российского образования [Электронный ресурс]. – URL : http: //stat.edu.ru/scr/db.cd?

7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL : http:минобнауки.рф/документы/2974.

References

1. Abramova I. V., Pushkova I. E. Training Specialists for Inclusive Education, The Humanities and Education, 2011, № 1 (5), p. 30–33.

2. General Assembly of the UNO. The Convention on the rights of persons with disabilities. – 13 December 2006. URL : http://www.un.org/ru/dokuments/decl_conv/conventions/disability.shtml

3. Meshkov N. I. The nature of motivation within the context of personality development, The Humanities and Education, 2012, № 1 (9), p. 87–90.

4. Moscow State Department of Education. Annex to the resolution of the Government of Moscow. – March 25, 2008. № 195-PP. URL : http://edu-open.ru/Default.aspx.?tabid=135.

5. Ryabova I. G. Formation of readiness of the teacher for the socio-economic education of schoolchildren in the context of traditional culture of the region, The Humanities and Education, 2012, № 4 (12), p. 38–43.

6. Statistics of the Russian education, URL : http://stat.edu.ru/scr/db.cd?.

7. Federal law «On education in the Russian Federation». December 29, 2012. N 273-FZ.URL: http://минобнауки.рф/documents/2974/.

Поступила 05.04.2012 г.

УДК 378.034
ББК 74.03

Петрова Татьяна Николаевна
доктор педагогических наук, профессор
кафедра педагогики и яковлевоведения
Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия
Tanjana1@yandex.ru

Павлова Марина Владимировна
аспирант
кафедра педагогики и яковлевоведения
Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУРСА «ПРАВОВЕДЕНИЕ» В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ НЕЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗА

Аннотация: В статье рассмотрена теоретическая и практическая значимость курса «Правоведение» в формировании нравственно-правовой культуры у студентов вузов. В процессе эксперимента установлено, что как в будущей профессиональной деятельности, так и в личной жизни студентов правовое знание имеет большое значение в выборе социально-ценностных ориентиров, в самосовершенствовании, повышении профессионального уровня и приобретении нравственно-правовых навыков. Авторы отмечают, что первокурсники на занятиях должны занимать активную позицию, должны быть включены в практическую деятельность, в ходе которой усваиваются нравственно-правовые нормы.

Ключевые слова: формирование нравственно-правовой культуры, правоведение, моральные и правовые нормы, развитие правовых навыков поведения.

Petrova Tatyana Nikolaevna
Doctor of Pedagogical Scienses, Professor
Chuvash State Pedagogical University named affenI. Yakovlev,
Cheboksary, Russia

Pavlova Marina Vladimirovna
Post-graduate Student
Chuvash State Pedagogical University named affen I. Yakovlev,
Cheboksary, Russia

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE COURSE "LAW" IN THE FORMATION OF MORAL AND LEGAL CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS STUDYING AT NON-LAW FACULTIES

Abstract: The article describes theoretical and practical importance of the course "Law" in the formation of moral and legal culture of students. It was found out during the experiment that knowledge of law is important for students either in their future careers or personal lives in the choice of social values, self-improvement, professional development and acquisition of moral and legal skills. The authors point out that first-year students should be active in the classroom, should be involved in practice during which moral and legal norms are acquired.

Key words: formation of moral and legal culture; law; moral and legal norms, development of law skills.

Актуальность исследуемой проблемы. В соответствии с государственным образовательным стандартом программа курса «Правоведение» изучается студентами в младших курсах, чаще всего на первом курсе и предусматривает изучение студентами таких тем, как «Мораль, право, нравственно-правовая культура». Как учебная дисциплина данный предмет был введен в учебные планы всех вузов страны в 1976 году. Тогда данный предмет носил больше всего просветительный характер и укладывался в рамки правового образования и воспитания. С 2000 года дисциплина «Правоведение» введена в цикл гуманитарных и социально-экономических дисциплин в качестве обязательного (федерального) компонента в государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по всем специальностям. В соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта студенты высших учебных заведений всех направлений обязаны прослушать данный курс. В настоящее время, когда увеличились потоки правовой информации, складывается новая нормативно-правовая ситуация, убежденность в необходимости осуществления профессиональной деятельности в строгом соответствии с законом, значимость дисциплины «Правоведение» возрастает многократно и правовое образование и воспитание становятся элементом профессиональной подготовки будущих бакалавров. Также правовое образование является одним из способов повысить ответственность студентов-первокурсников, помогает формированию нравственно-правовых поведенческих установок. В формировании нравственно-правовой культуры студентов вуза решающую роль играет курс «Правоведение», который нацелен на выработку у студентов правосознания и способности к самостоятельному решению многих профессиональных задач. Вместе с тем проведенное нами исследование выявило определенные проблемы формирования нравственно-правовой культуры студентов вуза: недостаточная разработанность технологии профессиональной подготовки; внутренняя замкнутость содержания профессиональных дисциплин и т. п. Это свидетельствует об актуализации проблемы выявления воспитательного потенциала учебного курса «Правоведение» на неюридических факультетах вузов с целью формирования у них нравственно-правовой культуры.

Материал и методика исследований. Исследование проводилось в течение 2011–2013 гг. на базе Чебоксарского политехнического института (филиала) Московского государственного открытого университета по техническим направлениям 140400.62 «Электроэнергетика и электротехника», 220400.62. «Управление в технических системах», 230100.62 «Информатика и вычислительная техника».

В ходе экспериментальной работы использовались теоретические методы (анализ научно-методической, психолого-педагогической и специальной литературы); эмпирические методы (наблюдение и анкетирование).

Результаты исследований и их обсуждение. Сегодня, как показывает практика, многие студенты, поступая в вузы, имеют поверхностные представления о правовых явлениях, не задумываются над юридическими последствиями

своего поведения, над тем, как оценит это поведение общество. Безразличное, а иногда и неуважительное отношение отдельных личностей к общественной оценке своих действий часто приводит к появлению антиобщественных черт личности. Незнание права, правовых последствий своих действий и поступков, отсутствие четких целей и дефицит ценностных ориентаций, как в будущей профессиональной деятельности, так и в личной жизни, способствует формированию у студентов-первокурсников правового нигилизма, приводит к росту различных девиаций. Это в свою очередь ведет к негативности и неспособности молодежи интегрироваться в систему новых социально-экономических отношений, т. е. к рынку труда. Наиболее тревожными признаками среди молодежи являются: неуважительное отношение к закону и пренебрежение правами человека, наркомания, вандализм. Они чаще всего подвержены негативным социальным явлениям современного общества, ибо легко и только номинально принимают нормы права. Наряду с этими явлениями совершаются десятки и сотни правонарушений и противоправных проявлений в социальной среде. Все это свидетельствует о серьезных недостатках в организации преподавания в вузе правовых дисциплин, о низком уровне нравственно-правовой культуры студентов. Это связано также с неправильным выбором жизненных ценностей.

Одной из приоритетных задач борьбы с данной проблемой молодежи является организация целенаправленной профилактической работы в стенах вуза по формированию у молодого поколения нравственно-правовой культуры. В этом плане большую роль играет качественное и позитивное изменение процесса преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузе, использование новых образовательных технологий, желание сделать их наиболее интересными и привлекательными, отказаться от шаблонного и стандартного подхода в проведении занятий, более продуктивное внедрение ресурсов (в том числе электронных) правоохранительных систем, которые позволяют проводить своевременную профилактическую работу среди студенческой молодежи.

«Правоведение» – это объемная юридическая наука о различных отраслях права. Курс включает дисциплины: теория государства и права, конституционного, гражданского, уголовного, административного, семейного, экологического, трудового права и др. Как верно подчеркивает исследователь А. В. Малько: «…Юридические знания нужны сейчас не только студентам-юристам, но и студентам иных специальностей. Без подобных знаний и жить, и работать становится все труднее» [2, с. 3]. Анализ учебной работы по правоведению в вузе показал, что студенты юридических факультетов изучают указанные дисциплины в течение нескольких семестров, а студенты других факультетов в рамках дисциплины «Правоведение» изучают практически тот же набор предметов в течение нескольких часов. За такое короткое время студентам неюридических направлений сложно приобрести должные юридические навыки и умения, и преподаватели испытывают определенные трудности при развитии нравственно-правовой культуры у первокурсников. Здесь большое значение имеет профессионализм педагога.

В контексте проблемы нашего исследования в начале изучения курса по «Правоведению» среди студентов-первокурсников по направлениям 140400.62 «Электроэнергетика и электротехника», 220400.62. «Управление в технических системах», 230100.62 «Информатика и вычислительная техника» мы провели анкетирование, где были включены вопросы, определяющие потребность студентов-первокурсников в правовых знаниях, в моральных нормах. По данным исследования, 90 % первокурсников осознают, что им и как гражданам, и как будущим профессионалам в соответствующей области деятельности необходимы в жизни знание права, и они должны жить, опираясь на нравственные нормы и социальные ценности. Констатирующий этап эксперимента показал, что по критерию «Уровень сформированности нравственно-правовой культуры» 5 % первокурсников считают, что они обладают уровнем выше среднего; 55 % студентов-первокурсников считают, что у них средний уровень нравственно-правовой культуры; 25 % оценивают как низкий уровень, а 25 % ответили, что «затрудняются ответить». Но по наблюдениям их социального поведения мы можем отметить, что у большинства первокурсников (75 %) уровень нравственно-правовой культуры ниже среднего. Следующий вопрос анкеты был направлен на исследование регулятивного компонента нравственно-правовой культуры студентов-первокурсников: «Всегда ли Вы соблюдаете нравственные и правовые нормы?». На что 70 % первокурсников ответили, что допускают «незначительные» аморальные, противоправные поступки, так как они уверены в том, что избегут наказания; 20 % – стараются не допускать, 10 % – затрудняются ответить.

Исследователи считают, что праву всегда должна предшествовать нравственность. Она является основой права, так как моральные нормы еще в догосударственный период существовали, а правовые нормы появились как фундамент нравственной социализации человека. Правомерное, как и нравственное поведение,

всегда воспринимается обществом как прекрасное, высоко эстетичное, и прежде всего оценивается с моральной точки зрения. Исследователи В. П. Сальников и Р. А. Ромашов подмечают, что «…значимость правовой культуры в процессе стабилизации социально-политических отношений, сложившихся в современной России, определяется, прежде всего, тем, что с ее помощью устанавливаются нравственно-правовые пределы, ограничивающие и вместе с тем гарантирующие свободу поведения субъектов общественных отношений» [4, с. 245].

На формирующем этапе процесса формирования нравственно-правовой культуры у студентов неюридических факультетов преподаватели нашего вуза использовали разнообразные формы обучения. Так, мы провели «Круглый стол» на тему «Нравственность и право как нормативно-ценностный регулятор поведения человека». Определенный эффект в усвоении студентами правовых знаний и норм, правового регулирования собственного поведения первокурсников дали организованные нами дискуссии, так как это позволяет наиболее простым способом сделать обстановку в группе более демократичным, и здесь первокурсник может свободно высказать свое мнение, занять активную позицию. Значимо и то, что преподаватель играет посредническую роль, организуя и направляя дискуссию. В процессе диалога студенты усваивают основные понятия, что право и мораль сосуществуют, и их сосуществование подчиняется двум принципам: принцип взаимной согласованности, принцип взаимной дополнительности. Первый принцип регулирует взаимодействие между самими регулятивными подсистемами права и морали. Второй принцип выявляет логику их функционирования в системах социального действия, порядках дискурса и порядках признания. Вместе с тем, по мнению большинства студентов, нравственность предполагает максимальное ценностное наполнение, право минимально необходимое и достаточное, т. е. право всегда находилось под влиянием морали и частично воплощало в себе ее требования. Как отмечает В. Г. Графский, «Существование долговременных ценностных ориентаций в праве становится возможным благодаря солидарному действию права с моралью…» [1, с. 81]. Поэтому изучение курса «Правоведение» предполагает изучение не только норм права, но и норм морали, более того, их необходимо изучать во взаимодействии. Ценностно-нормативный характер правоведения способствует формированию у студентов собственной системы социальных ценностей, развитию качеств и навыков, позволяющих эти ценности реализовать, отстаивать и защищать. Это является ключевым моментом для любого специалиста [3, с. 100].

Как показывает практика, правовые нормы студентами-первокурсниками усваиваются на занятиях лучше, когда личностно включены в деятельность, направленную на решение практических задач. С целью развития правовых навыков самостоятельного применения юридических норм на занятиях по «Правоведению» студенты составляют правовые документы (исковое заявление, различные договора, приказы и т. д.) на основе метода правотворчества. Широко используем также метод анализа конкретных проблемных ситуаций, правого характера, суть которого состоит в том, что преподаватель со студентами-первокурсниками искусственно создает в учебном процессе ситуации заимствованные из профессиональной практики, параллельно рассматривая ситуацию с моральной точки зрения. Студенты с интересом также приводили жизненные примеры, анализируя их с правовой и моральной точки зрения одновременно; готовили доклады по разным темам. Здесь право выбора было за студентами. Такой вид деятельности первокурсники воспринимают положительно, с интересом и занимают в процессе обучения активную позицию.

На контрольном заключительном этапе эксперимента нами были выявлены следующие результаты: основная часть первокурсников по критерию «Уровень сформированности нравственно-правовой культуры» имеет уже высокий уровень 30 %, средний – 45 %, ниже среднего – 25 %. Полученные результаты подтвердили, что предмет «Правоведение» способствует достижению более высокого результата и повышению уровня сформированности нравственно-правовой культуры у студентов-первокурсников вуза. Конечным результатом изучения курса явилось то, что большинство первокурсников к концу семестра осознавали: Я гражданин РФ; неизбежно вступаю в общество; осознаю, что нужно жить, опираясь на нравственные и правовые нормы; учусь вести себя в обществе нравственно и правомерно; через это приобретаю качество личности, знания и навыки, которые необходимы в дальнейшей профессиональной деятельности и в личной жизни.

Резюме. Формирование нравственно-правовой культуры современных студентов требует переосмысления сложившейся системы ценностей, нравственно-правовых идеалов учащейся молодежи. Сегодня гуманитарные науки, и правовая наука в том числе, могут развиваться, лишь опираясь на духовный опыт народа, сконцентрированный в его вере, нравственных ценностях, особенностях укоренения их правосознания. Приведенный в статье позитивный опыт работы свидетельствует о необходимости целенаправленной и системной профилактической деятельности со студентами в вузе. «Правоведение» как

дисциплина в вузах имеет огромный воспитательный потенциал, и именно в процессе усвоения содержания этой дисциплины возможно эффективное формирование нравственно-правовой культуры студентов с первого курса, которое им необходимо в дальнейшей профессиональной и личной жизни.

Список использованных источников

1. Графский, В. Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен / В. Г. Графский // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М., 1996. – 89 с.

2. Правоведение : учебник / А. В. Малько и др. ; под ред. А. В Малько. – 5-е изд., стереотип. – М. : КНОРУС, 2012. – 400 с.

3. Петрова, Т. Н. Формирование правосознания учащейся молодежи как педагогическая проблема / М. В. Павлова, Т. Н. Петрова // Психолого-педагогические проблемы в современной системе образования и пути их решения : материалы Российской (заоч.) науч.-практ. конф. – Чебоксары : Новое время, 2012. – 110 с.

4. Сальников, В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества / В. П. Сальников, Р. А. Ромашов // Право как явление из культуры : сб. тр. – СПб., 2004. – С. 245.

References

1. Grafskiy V. G. Traditions and maintaining in Law: value measurement of changes/ Problems of value approach in Law: traditions and maintaining. Moskow, 1996, 89 p.

2. Law Studies: manual. A. V. Malko; edited by A. V. Malko. 5 edition, stereotype. Moscow, KNORUS, 2012, 400 p.

3. Petrova T. N., Pavlova M. V. Formation of Law conscience of the students as a pedagogical problem. Psicho-pedagogical problems in the modern educational system and ways of their solution: materials of the Russian scientific – practical conference.Cheboksary: NovoyeVremya, 2012, 110 p.

4. Salnikov V. P. Law culrure as a factor of stabilization of modern Russian society. Law as a culture phenomenon: collected works.SPb., 2004, P. 245.

Поступила 20.05.2013 г.

УДК 378.014:004
ББК 74.58

Правосудов Роман Николаевич
кандидат физико-математических наук, доцент
кафедра информационно-вычислительных систем
Саранский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО ЦС РФ
«Российский университет кооперации», Саранск, Россия
praron@yandex.ru

Ботина Елена Николаевна
начальник центра вычислительной техники
управление информационных технологий
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», Саранск, Россия
it@mordgpi.ru

РОЛЬ СИСТЕМЫ 1С: ПРЕДПРИЯТИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ И ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме разработки основных образовательных программ и организационно-методическим аспектам подготовки бакалавров в условиях реформирования высшего профессионального образования и введения ФГОС ВПО нового поколения. Затрагиваются вопросы построения учебного процесса бакалавров по направлениям информационных технологий и экономического профиля.

Ключевые слова: система 1С: Предприятие, образовательная программа, учебный процесс, бакалавр.

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

Pravosudov Roman Nikolaevich
Candidate of Physical and Mathematical Science, Dotsent
Russian University of Cooperation the city of Saransk, Saransk, Russia

Botina Elena Nikolaevna
Head of the Centre of computer technology
management of information technology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

THE ROLE OF THE 1C: ENTERPRISE IN EDUCATIONAL PROGRAMS AND FORMATION OF BACHELORS PROFESSIONAL COMPETENCE

Abstract: The article deals with the development of basic educational programs and organizational and methodological aspects of bachelors training in conditions of reforming higher education and introduction of FSES HPE of a new generation. The article alsocovers the questions of an educational process scheme for bachelors in information technology and economics.

Key words: 1C: Enterprise, educational program, educational process, bachelor.

Условия реформирования высшего профессионального образования, ввод новых образовательных стандартов и нормативной базы, разработка и развитие профессиональных стандартов, развитие информационных технологий ставят сложные задачи обеспечения учебного процесса в вузе, требуют постоянного его совершенствования и развития. Данные потребности имеют особую специфику в подготовке и построении учебного процесса бакалавров ИТ– направлений.

Первая ступень высшего образования нацелена на формирование прикладных навыков, которые позволяли бы выпускникам быстро адаптироваться к потребностям рынка [8]. Особенно значимыми для бакалавриата становятся проблемы формирования профессиональных компетенций, направленности и качеств, их соответствия реальным потребностям работодателей. Очевидно, что решение данных проблем требует разработки качественных образовательных программ и учебных планов, а так же наличия квалифицированного преподавательского состава, постоянного повышения его квалификации.

Проблема проектирования образовательных программ, разработки учебных материалов и др. составляющих учебного процесса обретает особую актуальность, требует новых подходов и методов [1]. Более того, для ИТ-направлений подготовки в высшей школе динамика развития отрасли информационных технологий не даст снять с повестки дня указанную проблему в обозримом будущем.

В последнее десятилетие на российском рынке информационных систем автоматизации учета и управления все большую долю занимают программные продукты фирмы «1С» и программные решения на платформе «1С:Предприятие» [7]. Это неизбежно находит свое отражение в образовании и делает необходимым изучение системы в циклах профессиональных дисциплин. Сегодня признается то, что подготовка ИТ-профессионалов требует интенсивного освоения программных продуктов фирмы «1С», как и то, что они дают возможность студентам смоделировать свою профессиональную деятельность [3]. Опыт преподавания системы «1С:Предприятие» показывает, что на основе ее изучения, можно построить учебный процесс, позволяющий формировать любые компетенции бакалавров ИТ-направлений в соответствии с основными образовательными программами третьего поколения, профессиональными стандартами и реальными запросами работодателей. Такому положению всесторонне способствует достаточно продуманная политика фирмы «1С» – построение взаимовыгодного сотрудничества с системой высшего образования. Например, фирма «1С» совместно с учебно-методическим объединением вузов по университетскому политехническому образованию организовала проект по разработке рекомендаций для встраивания своих учебно-методических ресурсов в основные образовательные программы вузов [8].

Таким образом, для любого российского вуза очевидно и рационально включение системы «1С:Предприятие» в учебные планы, что уже и реализуется на практике, в том числе и в странах постсоветского пространства [4].

Изучение системы «1С:Предприятие» в вузах возможно по различным дисциплинам в определенных разрезах, но в каждом случае возникает комплекс технических, организационных и методических вопросов, требующих оптимальных решений. Глубина и аспекты освоения программного продукта зависят от:

а) направления, по которому готовятся студенты,

б) дисциплины, в рамках которой изучается система,

в) количества и вида академических часов, отводимых учебным планом.

Для большинства направлений подготовки логика построения курсов, подчиненная обеспечению знаний, умений и навыков, достаточных для практической работы, позволяет изучать систему

«1С:Предприятие» лишь в рамках конкретной узкой предметной области. Углубленное постижение системы, ее конфигурирования и программирования на встроенном языке возможно при подготовке ИТ-специалистов [5].

Преподавание в вузах конфигурирования, программирования и функциональных возможностей типовых конфигураций значительно упрощается в организационном и методическом плане при использовании материалов, разработанных для слушателей сертифицированных курсов фирмы «1С». Это позволяет существенно повысить мотивацию обучения и самообучения, в частности за счет выдачи свидетельств фирмы «1С» студентам, успешно освоившим курс.

Следует отметить, что в условиях стремительного развития программных продуктов «1С» разработка методических пособий силами вуза едва ли возможна и рациональна, а тем более поддержание их в актуальном состоянии. Централизованно разрабатываемые на базе учебных центров фирмы «1С» методические пособия и постоянная их актуализация являются неоценимым подспорьем [7, 5] в организации учебного процесса вуза. При этом задействуется зарекомендовавшая себя и признанная на открытом рынке информационных услуг система сертификации ИТ-специалистов. Однако для использования методических пособий сертифицированных курсов и выдачи студентам свидетельств и сертификатов установленного фирмой «1С» образца, единого на всей территории России, вуз должен обеспечить себе статус Центра сертифицированного обучения. Одним из главных условий создания такого центра является наличие в вузе сертифицированных преподавателей, желательно имеющих опыт практической деятельности. При этом обучение и сертификация преподавателей вуза на базе учебных центров 1С является обязательным условием.

Очевидно, что условием обеспечения вуза высококвалифицированными преподавателями является системный подход к повышению квалификации преподавателей [6] и только обучение в центрах является недостаточным для формирования их глубокого профессионализма. Важнейшим фактором является практическая деятельность преподавателя, которая дает требуемый уровень профессионализма. Для обеспечения условий получения практического опыта преподавателей 1С в российских вузах сегодня сложились благоприятные условия. Они позволяют организовать экономически выгодный и оправданный для вузов подход к повышению профессионализма преподавателей. Его идея заключается в создании центров автоматизации учета и управления на базе технологий 1С в вузе, основой штатного состава которого являлись бы преподаватели 1С. Это позволило бы вузу избежать привлечения внешних фирм для обслуживания бухгалтерских и других служб, с одной стороны, а с другой – дало бы возможность преподавателям получить практический опыт и возможность дополнительного заработка. Для организации такого подхода на сегодняшний день существуют все необходимые условия.

Очевидным и наиболее востребованным, рациональным и выгодным для всех сторон путем повышения квалификации и обеспечения практической деятельности преподавателей 1С в вузе является их привлечение для построения, развития и поддержки функционирования автоматизированной информационной системы (АИС) вуза на базе технологий 1С.

Построение АИС вуза на платформе 1С:Предприятие является актуальной задачей для многих вузов. Одно из очевидных условий построения современной информационно-образовательной среды вуза заключается в создание подобных систем [1]. Максимальная автоматизация всех составляющих управления учебным процессом является неизбежным и очевидным условием поступательного развития вуза [2]. Без внедрения перспективных технологий автоматизации во все составляющие функционирования процесса обучения, в том числе, в первую очередь, в сферу управления, вуз обречен на отставание в развитии и потерю конкурентоспособности в сфере образовательных услуг. В решении данных задач любой вуз мог бы опираться на своих преподавателей 1С.

Касаясь методики изучения программных продуктов и технологий 1С, можно отметить, что учебные планы по изучению информационных систем и технологий, как правило, предусматривают занятия лекционного и лабораторного типа. Учитывая связь методических и организационных вопросов, можно указать, что наиболее эффективным на сегодняшний день видится проведение занятий по изучению ИТ-технологий в аудиториях с мультимедиа-оборудованием, когда студенты обучаются индивидуально за своим ПК. При этом форма классической лекции слабо соответствует формированию практически направленных знаний и навыков студентов-бакалавров. При построении любого курса изучения ИТ-технологии целесообразны занятия лекционно-семинарского (лабораторного) типа. В этом случае студенты обеспечиваются соответствующими методическими материалами и, кроме этого, организуется поэтапное рассмотрение изучаемых вопросов (без классического конспектирования), с большей нагрузкой на самостоятельную работу и консультационный характер занятий лекционной направленности.

Следует отметить, что одним из актуальных и перспективных направлений совершенствования организационно-методического обеспечения учебного процесса изучения системы 1С является применение облачных технологий. Опыт и определенные результаты использования данного подхода уже существуют на практике [9, 2].

Список использованных источников

1. Вознесенская, Н. В. Индивидуально-ориентированная организация учебного процесса в информационно-образовательной среде вуза / Н. В. Вознесенская, В. И. Сафонов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 6–9.

2. Вознесенская, Н. В. Информационно-образовательная среда учебного заведения: портальные решения или облачные сервисы? / Н. В. Вознесенская, В. И. Сафонов // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 4 (12). – С. 14–17.

3. Еремина, И. И. Подготовка ИТ-профессионалов в условиях информационной образовательной среды (на примере технологических решений фирмы «1С») / И. И. Еремина // Новые информационные технологии в образовании (Технологии 1С для эффективного обучения и подготовки кадров в целях повышения производительности труда) : сб. науч. тр. 13-й междунар. науч.-практ. конф. 29–30 янв. 2013 г. – Саранск, 2013. – С. 304–307.

4. Иванова, Е. А. Об использовании системы «1С: Предприятие» для обучения студентов IT-специальностей / Е. А. Иванова, В. П. Шевченко // «Новые информационные технологии в образовании» (Технологии 1С для эффективного обучения и подготовки кадров в целях повышения производительности труда) : сб. науч. тр. 13-й междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2013 г. – Саранск, 2013. – С. 313–317.

5. Правосудов, Р. Н. Проблемы изучения «1С: Предприятие 8.0» в вузе / Р. Н. Правосудов // Новые информационные технологии в образовании. «Использование программных продуктов фирмы «1С» в инновационной деятельности учебных заведений» : доклады и выступления участников седьмой Междунар. науч.-практ. конф. 30–31 янв. – М., 2007.– С. 149–152.

6. Ситникова, М. И. Модель реализации системы гарантий качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода / М. И. Ситникова, Н. Н. Михайлов // Гуманитарные науки и образование. – 2012. –№ 2 (10). – С. 70–74.

7. Утяганов, Р. Ф. Опыт использования программных продуктов фирмы «1С» при обучении студентов экономической специальности «Прикладная информатика (в экономике)» / Р. Ф. Утяганов, Р. Ф. Утяганов // Новые информационные технологии в образовании (Технологии 1С для эффективного обучения и подготовки кадров в целях повышения производительности труда) : сб. науч. тр. 13-й междунар. науч.-практ. конф., 29–30 янв. 2013 г. – Саранск, 2013. – С. 378–381.

8. Филиппович, А. Ю. Встраивание курсов «1С» в основные образовательные программы вузов на базе ФГОС / А. Ю. Филиппович // Новые информационные технологии в образовании (Технологии 1С для эффективного обучения и подготовки кадров в целях повышения производительности труда) : сб. науч. тр. 13-й междунар. науч.-практ. конф., 29–30 января 2013 г. – Саранск, 2013. – С. 205–207

9. Чистов, Д. В. Существующие возможности и перспективы использования облачных решений «1С» в учебном процессе при подготовке экономистов / Д. В. Чистов // «Новые информационные технологии в образовании» (Технологии 1С для эффективного обучения и подготовки кадров в целях повышения производительности труда) : сб. науч. тр. 13-междунар. науч.-практ. конф. 29–30 января 2013 г. – Саранск, 2013. – С. 746–752.

References

1. Voznesenskaya N. V., Safonov V. I. Individual-based organization of the educational process in the educational environment of the university, The Humanities and Education, 2011, No. 3 (7), pp. 6–9.

2. Voznesenskaya N. V., Safonov V. I. Educational environment of educational institution: portal solutions and cloud services, The Humanities and Education, 2012, No. 4 (12), pp. 14–17.

3. Eremina I. I. Preparation of IT professionals in the information educational environment (for example, technology solutions company "1C"), Collection of scientific. labor.13-int. Scientific-practical conference.Conf. "New Information Technologies in Education" (Technology 1C for effective education and training in order to increase productivity), 29–30 January. Saransk, 2013, pp. 304–307.

4. Ivanova E. A., ShevchenkoV. P. On the use of the system "1C: Enterprise" for teaching students of IT-specialties, Collection of scientific.works. 13-int. Scientific-practical conference.Conf. "New Information Technologies in Education" (Technology 1C for effective education and training in order to increase productivity), 29–30 January. Saransk, 2013, pp. 313–317.

5. Pravosudov R. N. Problems of the study of "1C: Enterprise 8.0" in high school,New Information Technologies in Education. The reports of the participants of the seventh Int. Scientific-practical conference.Conf. "Using the software" 1C "in innovation schools", 30–31 January, Moscow, 2007, pp.149–152.

6. Sitnikova M. I., Mikhailov N. N. Implementation model of the system guarantees for the quality of teaching at university on the basis of a competence-based approach, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 70–74.

7. Utyaganov R. F., Utyaganov R. F. Experience with the software "1C" in teaching students economics from "Applied Informatics (in the economy)", Collection of scientific.works. 13-int. Scientific-practical conference.Conf. "New Information Technologies in Education" (Technology 1C for effective education and training in order to increase productivity), 29–30 January. Saransk, 2013, pp. 378–381.

8. Philipovich A. Y. Embedding rates "1C" in the main educational programs of universities on the basis of the GEF, Collection of scientific. works. 13-int. Scientific-practical conference.Conf. "New Information Technologies in Education" (Technology 1C for effective education and training in order to increase productivity), 29–30 January. Saransk, 2013, pp. 205–207

9. Chistov D. V. Existing capabilities and prospects of cloud solutions, "1C" in the educational process in the preparation of economists, Collection of scientific.works. 13-int. Scientific-practical conference.Conf. "New Information Technologies in Education" (Technology 1C for effective education and training in order to increase productivity), 29–30 January. Saransk, 2013, pp. 746–752.

Поступила 04.03.2013 г.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 378:001.891
ББК 74.58

Абрамова Инна Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра коррекционной педагогики и специальных методик
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
iva-76@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ*

Аннотация: В статье раскрывается значение научно-исследовательской деятельности студентов педагогического вуза для формирования профессиональной компетентности, а также представлен опыт по организации научно-исследовательской деятельности студентов кафедры коррекционной педагогики и специальных методик МордГПИ.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, студенты, профессиональная компетентность.

Abramova Inna Victorovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
DepartamentCorrectional Pedagogics and Special Techniques
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

THE IMPORTANCE OF THE STUDENTS' RESEARCH ACTIVITY FOR FORMATION OF THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE

Abstract: The article rewals the importance of research activity of students of a pedagogical institution of higher education for formation of their professional competence, and also presents the experiment on the organization of research activity of the students of the departament of correctional pedagogics and special techniques of MORDGPI.

Key words: research activity, students, professional competence.

Современная образовательная система должна обладать такими возможностями, которые позволили бы студентам играть активную роль в изменяющемся обществе через десятилетия. Быстрый рост знаний, новейшие технологии требуют модернизации образования. Эффективный путь достижения этого результата – сформировать поисковый стиль мышления, привить интерес к научно-исследовательской деятельности, сформировать готовность к инновационной деятельности в условиях постоянно обновляющейся школы во всех аспектах ее функционирования [2; 3].

Показателем такой готовности следует рассматривать высокий уровень сформированности научно-исследовательской компетентности студентов, предполагающей формирование у них интереса и потребности к научному творчеству, развитие творческого мышления, научной самостоятельности, повышение внутренней организованности, сознательного отношения к учебе, углубление и закрепление полученных в процессе обучения знаний, повышение эффективности взаимодействия научно-исследовательской деятельности студентов и ведущих ученых.

Основной задачей вуза является создание условий, позволяющих определить и развить научные интересы студентов для их дальнейшей работы в составе проблемных групп и индивидуально под руководством преподавателя. Следовательно, научно-исследовательскую деятельность студентов следует осуществлять по следующим направлениям: 1) повышение активности студентов в работе научных конференций, проведении внутренних и внешних конкурсов на лучшую научную работу, научных семинаров; 2) обучение студентов методике и способам самостоятельного решения научных задач и навыкам работы в научных коллективах; 3) обмен опытом организации и проведения научной

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

работы среди студентов; 4) подготовка из числа наиболее способных студентов резерва научных и научно-педагогических кадров; 5) выявление наиболее одаренных и талантливых студентов, использование их научного и интеллектуального потенциала для повышения эффективности образовательного процесса [6].

На кафедре коррекционной педагогики и специальных методик МордГПИ сложилась определенная система научно-исследовательской работы со студентами, включающая в себя различные формы и методы ее организации. Организация научно-исследовательской деятельности преподавателей кафедры осуществляется по двум направлениям: традиционному и инновационному. В рамках первого направления – это совершенствование процесса профессиональной подготовки студентов педагогического вуза; совершенствование образовательного процесса в учреждениях дошкольного и общего образования, обеспечивающих обучение, воспитание и коррекцию детей с ограниченными возможностями здоровья. В рамках второго направления – это деятельность таких инновационных подразделений, как научно-исследовательская лаборатория «Интегрированное обучение детей в современной системе образования» и научно-практический центр «Ресурсный центр интегрированного образования»; выполнение фундаментальных и прикладных исследований (магистерские, кандидатские и докторские диссертации); реализация программ дополнительного образования («Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья»); реализация в Центре продленного дня индивидуальных программ коррекционно-развивающего обучения детей с проблемами в развитии; включение студентов в работу научно-исследовательских групп, деятельность творческих коллективов, осуществляющих работу по грантам разного уровня [1; 5].

Как отмечено выше, одной из форм организации научно-исследовательской деятельности студентов является работа студентов в научно-исследовательских группах. Работая в научно-исследовательской группе, студенты под руководством преподавателя учатся выполнять свои первые учебно-исследовательские задачи, писать научные работы – эссе, рефераты, курсовые работы, дипломные проекты, осваивают элементы научной работы, в результате чего у них развиваются общие и специальные научные навыки проведения и обобщения результатов исследования. Студенты по результатам исследований публикуют тезисы, статьи, выступают с сообщениями и докладами на различных научных мероприятиях. Работы студентов участвуют и побеждают в конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу, на уровне института и во всероссийских конкурсах. Преимущество участия студента в группе заключается в преемственности его научных исследований: начиная с эссе, реферата по определенной теме, студент продолжает работать над данной проблемой в рамках курсового и дипломного исследования, таким образом, комплексно изучает проблему и достигает определенных результатов.

Кроме этого, под руководством преподавателей кафедры студенты принимают активное участие в общеинститутских научных мероприятиях: в ежегодных Евсевьевских чтениях, Осовских чтениях, конкурсе научно-исследовательских работ студентов, конкурсе «Лучший студент-исследователь года», Открытом конкурсе на лучшую научную работу студентов вузов и иных научных мероприятиях МордГПИ [4].

Другим направлением научно-исследовательской работы со студентами кафедры коррекционной педагогики и специальных методик является организация и проведение студенческих научных мероприятий различного уровня: факультетского, внутривузовского, всероссийского. Так, одной из форм организации научно-исследовательской деятельности студентов является факультетская рекламная акция «Мы и есть наука». Целями данной акции являются привлечение студентов 1–2 курсов к научно-исследовательской работе, презентация основных направлений научно-исследовательской деятельности со студентами, осуществляемой преподавателями кафедры коррекционной педагогики и специальных методик, знакомство студентов с деятельностью научно-исследовательской лаборатории «Интегрированное обучение детей в современной системе образования», выявление знаний студентов об основах научной организации труда и научно-исследовательской деятельности. В рамках данной акции проводится анкетирование студентов на тему «Нужна ли наука современному студенту?», которая дает возможность получить представление о важности научно-исследовательской деятельности студентов для формирования их профессиональной компетентности. Так, отвечая на вопросы о том, хотели бы Вы заниматься научно-исследовательской работой, обучаясь в вузе; что включает в себя научно-исследовательская работа студентов; хотели бы Вы выступать с результатами своей научно-исследовательской работы на научных мероприятиях различного вида; нужно ли Вам проводить научные экспериментальные исследования, большинство студентов ответили, что хотели бы заниматься научно-исследовательской работой, обучаясь в вузе, считая при этом, что научно-исследовательской работой должны заниматься все студенты. Процесс обучения студенты (63 %) воспринимают как процесс получения

необходимых знаний для будущей профессии, а также считают, что учиться следует постоянно, так как в будущей профессии важны будут знания по всем преподаваемым дисциплинам. Более 67 % студентов считают, что научно-исследовательской работой должны заниматься студенты по собственному желанию. Они отмечают, что научно-исследовательская работа включает в себя не только написание необходимых работ (рефератов, курсовых и дипломных работ), но и дополнительных статей, докладов, выступлений. Многие студенты отмечают необходимость и определенный интерес к проведению научных экспериментальных исследований при написании курсовой или дипломной работы.

Особое значение для совершенствования профессиональных знаний и умений, а также для формирования навыков научно-исследовательской деятельности представляет Внутривузовская олимпиада по специальной педагогике и специальной психологии среди студентов педагогических специальностей. В олимпиаде принимают участие студенты различных педагогических специальностей, так как основы специальной педагогики и специальной психологии, согласно ФГОС ВПО, изучаются практически на всех факультетах педагогического вуза. Основная цель олимпиады: привлечь внимание будущих педагогов к проблемам детей с ограниченными возможностями здоровья, научить их понимать и принимать этих детей такими, какие они есть, совершенствовать умения применять специальные психолого-педагогические знания в сфере профессионально-педагогической деятельности с детьми указанной категории.

Ежегодным студенческим научным мероприятием является Всероссийская научно-практическая конференция молодых исследователей «Коррекционно-развивающая среда как средство социализации детей с отклонениями в развитии». Целями конференции являются: расширение возможностей обмена научным опытом молодых исследователей, развитие диалога и укрепление научных связей студентов дефектологических факультетов ведущих вузов России; обсуждение современных достижений в области гуманитарных технологий специального образования. Тематика конференции затрагивает такие аспекты современного специального образования, как: современные технологии изучения, обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья; проблемы социальной адаптации и интеграции лиц с особыми образовательными потребностями; инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями здоровья; система трудовой и профессиональной подготовки учащихся специальных образовательных учреждений; ранняя психолого-педагогическая помощь детям с отклонениями в развитии и их семьям; психологическое сопровождение образования детей с ограниченными возможностями здоровья; подготовка и переподготовка психолого-педагогических кадров для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Результаты исследовательской работы молодых ученых, выполненные с учетом но-вейших теоретических и практических разработок в области специальной педагогики, обладают практической значимостью и могут оказать помощь практическим работникам специальных учебных заведений в решении проблем обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Итогом данной конференции является публикация сборника материалов конференции.

По результатам участия в научных мероприятиях студенты получают грамоты, дипломы, сертификаты, которые включают в портфолио, и имеют возможность получать повышенные, именные стипендии (имени Л. С. Выготского, К. Д. Ушинского и др.), премии и другие виды материального поощрения.

Таким образом, активизация научно-исследовательской деятельности студентов за счет организации разноплановых и разноуровневых научных мероприятий, всестороннего стимулирования на республиканском и федеральном уровне обеспечивает качественную профессиональную подготовку будущих педагогов-психологов, педагогов-дефектологов, формирование у них профессиональной компетентности.

Список использованных источников

1. Абрамова, И. В. Подготовка специалистов для инклюзивного образования / И. В. Абрамова, И. Е. Пушкова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 30–32.

2. Бережнова, Е. В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов : учебник для студентов средних учебных заведений / Е. В. Бережнова, В. В. Краевский. − М. : Академия, 2008. − 128 с.

3. Загвязинский, В. И. Исследовательская деятельность педагога / В. И. Загвязинский. − М. : Академия, 2006. – 176 с.

4. Карпунина, О. И. Факультет психологии и дефектологии: инновации и перспективы развития / О. И. Карпунина // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 28–31.

5. Рябова, Н. В. Мордовский базовый центр педагогического образования как инновационное структурное подразделение института / Н. В. Рябова // Гуманитарные науки и образование . – 2012. – № 2 (10). – С. 41–45.

6. Шукшина, Т. И. Развитие системы научно-исследовательской деятельности в педагогическом вузе / Т. И. Шукшина, П. В. Замкин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 13–18.

References

1. Abramova I. V., Pushkova I. E. Students training for inclusive education, The Humanities and Education, 2011, No. 1 (5), pp. 30–32.
2. Berezhnova E. V. The bases of the students educational and research activity.Moscow, Academy, 2008, 128 p.
3. Zagvyazinsky V. I. Research activity of a teacher. Moscow, Academy, 2006, 176 p.
4. Karpunina O. I. Fakulby of psychology and defectology: innovations and prospects of development, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 28–31.
5. Ryabova N. V. Mordovian basic center of pedagogical education as an innovative structural division of the institute, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 41–45.
6. Shukshina T. I., Zamkin P. V. The development of the system of research activity in a pedagogical institution of higher education, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp.13–18.

Поступила 12.03.2013 г.

УДК 346
ББК 74.3

Архипова Светлана Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра коррекционной педагогики и специальных методик
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
arhipova.swetlana2011@yandex.ru

Бибина Ольга Александровна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра коррекционной педагогики и специальных методик
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
bibina19@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (МАТЕРИАЛЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СЕМИНАРА-ПРАКТИКУМА)*

Аннотация: В статье изложены материалы межрегионального семинара-практикума «Современные технологии обучения и воспитания учащихся с ограниченными возможностями здоровья».

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, педагогические технологии, технологии обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья.

Arkhipova Svetlana Vladimirovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
Departament Correctional Pedagogics and Special Techniques
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Bibina Olga Aleksandrovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
DepartamentCorrectional Pedagogics and Special Techniques
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

MODERN TECHNOLOGIES OF TRAINING AND EDUCATION OF PUPILS WITH RESTRICTED ABILITIES OF HEALTH (MATERIALS OF THE INTERREGIONAL PRACTICAL SEMINAR)

Abstract: The article describes the materials of interregional practical seminar «Modern technologies of training and education of pupils with restricted abilities».

Key words: children with restricted abilities, pedagogical technologies, technologies of training and education of children with limited restricted abilities.

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

В течение последних лет в образовательных учреждениях Российской Федерации наметились инновационные тенденции, связанные с использованием технологического подхода в образовательном процессе.

Одной из составляющих технологического подхода является внедрение в образовательный процесс новых педагогических технологий, охватывающих процессы обучения и воспитания. В настоящее время на проблему понимания и употребления понятия педагогической технологии существуют различные точки зрения. Одни исследователи педагогическую технологию рассматривают как организационно-методический инструментарий (Лихачев Б. Т.) или как содержательную технику реализации педагогического процесса (Беспалько В. П.), другие – как модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя (Монахов В. М.) или как системную совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей (Кларин М. В.).

Под педагогическими технологиями многие исследователи понимают исследования с целью выявления принципов и разработки приемов оптимизации образовательного процесса путем анализа факторов, повышающих образовательную эффективность, путем конструирования и применения приемов и методов, а также посредством оценки применяемых методов. Другими словами, педагогические технологии представляют собой упорядоченные совокупности действий, операций или процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата в изменяющихся условиях образовательного пространства [6].

При анализе существующих на сегодняшний день определений педагогической технологии можно утверждать, что это понятие многоаспектное, включающее в себя в какой-то степени точки зрения всех ее авторов и заключающееся в идее оптимизации работы всего образовательного учреждения, повышения эффективности его основного звена – учебного процесса.

Специфика внедрения педагогических технологий состоит в конструировании и функционировании такого учебного процесса, который должен гарантировать качественное образование, соответствовать современным социальным ожиданиям детей и родителей, т. е. обеспечивать социальный заказ.

Активный поиск инновационных подходов к разработке и внедрению педагогических технологий на сегодняшний день охватывает все типы и виды образовательных учреждений, в том числе и специальные (коррекционные), в которых обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

В образовательной среде термин «ограничение возможностей» выступает как переменная величина трудностей педагогического воздействия, так как ограничение возможностей ребенка с отклонениями в развитии в традиционном образовательном процессе вызывает у него особые потребности в специализированной педагогической помощи, позволяющей преодолевать эти ограничения [2; 7]. Получение такими детьми качественного образования является неотъемлемым условием их успешной социализации – обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности в новых экономических условиях.

Учитывая их особые образовательные потребности, школе необходимо определять условия и пути формирования успешности социализации и самореализации детей с ОВЗ, чтобы на их основе конструировать содержание и способы их обучения и воспитания. В связи с этим педагоги все чаще сталкиваются с вопросами: «Какие педагогические технологии можно использовать в коррекционно-образовательном процессе специальных (коррекционных) школ?», «Как эффективнее организовать обучение и воспитание детей с ОВЗ с использованием педагогических технологий?».

Вышеобозначенные проблемы являются приоритетными для Научно-практического центра «Ресурсный центр интегрированного образования» (НПЦ «РЦИО»), созданного на базе Мордовского базового центра педагогического образования ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева». В задачи НПЦ «РЦИО» входит научное сопровождение педагогов-практиков, разработка эффективных образовательных моделей, проектирование новых методик и технологий, изучение возможностей их внедрения в образовательный процесс специальных (коррекционных) образовательных учреждений, осуществление обучающей и консультативной деятельности. В процессе деятельности НПЦ «РЦИО» организуется сотрудничество с учреждениями системы образования, здравоохранения и социальной защиты населения, правительственными учреждениями, общественными организациями и др. [1; 4; 5; 8].

В рамках взаимодействия НПЦ «РЦИО» с Министерством образования Республики Мордовия, ГОУ ДПО (ПК) С «Мордовский республиканский институт образования», специальными

(коррекционными) образовательными учреждениями Республики Мордовия был организован и проведен Межрегиональный семинар-практикум «Современные технологии обучения и воспитания учащихся специальных (коррекционных) школ».

Семинар-практикум прошел на базе Государственного казенного специального (коррекционного) образовательного учреждения Республики Мордовия для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья «Саранская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат I и II вида» г. о. Саранск в марте 2013 года при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2012–2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России» (проект 2.1.2 «Решение комплексных проблем формирования профессиональной компетентности педагога и психолога в системе непрерывного образования»). В нем приняли участие руководители и педагоги специальных (коррекционных) образовательных учреждений Республики Мордовия, Республики Чувашия, Алтайского края, города Москвы, преподаватели кафедры коррекционной педагогики и специальных методик, студенты факультета психологии и дефектологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

В рамках работы семинара-практикума участниками был обозначен ряд научно-методических проблем: инновационные технологии обучения, воспитание детей с ОВЗ в процессе учебной и внеучебной деятельности; технологии трудовой и профессиональной подготовки воспитанников с ОВЗ; дополнительное образование как условие успешной социализации лиц с ОВЗ.

Ученые и практики акцентировали внимание на проектировании и реализации в коррекционно-образовательном процессе специальных образовательных учреждений коррекционно-развивающих технологий, творческих технологий, компьютерных технологий, здоровьесберегающих технологий. Были рассмотрены их научно-теоретические, методологические основы, способы реализации в ходе учебной и внеучебной деятельности школьников с ОВЗ.

Внедрение педагогических технологий было проиллюстрировано педагогами-практиками при проведении мастер-классов на примере уроков, индивидуально-коррекционных, факультативных, кружковых занятий.

Особый интерес у участников семинара вызвал мастер-класс по использованию компьютерного тренажера по математике для первоклассников с нарушением интеллекта, представляющего некую методику оценки знаний, умений и навыков учащихся и их тренировки в процессе многократного решения различных заданий в тестовом режиме. В тренажере демонстрировались упражнения на получение и состав числа, на знание числового ряда, сравнение чисел и арифметические действия с числами. Каждое последующее задание по теме отличалось от предыдущего параметрами, условием и формулировкой вопроса, в процессе работы тренажера регулировалась не только степень требовательности к оценке и полноте ответов, но и время, предлагаемое школьникам для выполнения заданий.

Также заинтересовал участников семинара мастер-класс, посвященный внедрению художественно-трудовых технологий в коррекционно-педагогический процесс обучения детей с нарушениями слуха с учетом этнокультурных особенностей региона (на примере Республики Мордовия). Основной акцент был сделан на применении арттехнологий в условиях швейной, керамической мастерских, раскрыты возможности развития художественно-творческих способностей детей на кружковых занятиях [3].

Завершил работу семинара-практикума круглый стол, на котором все участники обменялись впечатлениями об увиденном, дали высокую оценку совместной деятельности ученых и практиков по проектированию и внедрению инновационных педагогических технологий в образовательный процесс специальных (коррекционных) школ и подчеркнули необходимость дальнейшего сотрудничества. Подобное взаимодействие теории и практики позволяет эффективно обмениваться инновационным опытом, информацией о способах решения правовых, организационных и методических проблем в отношении подготовки детей с ОВЗ к самостоятельной жизни в современном обществе в условиях образовательной интеграции.

Список использованных источников

1. Абрамова, И. В. Научно-методическое сопровождение деятельности ресурсного центра интегрированного образования / И. В. Абрамова, И. Е. Пушкова, Е. В. Золоткова // Казанская наука. – 2012. – № 7. – С. 205–210.

2. Абрамова, И. В. Подготовка специалистов инклюзивного образования / И. В. Абрамова, И. Е. Пушкова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 30–33.

3. Бобкова, О. В. Изучение национального (мордовского) декоративно-прикладного искусства как средство социальной интеграции ребенка с ограниченными возможностями здоровья / О. В. Бобкова // Интеграция образования. – 2010. – № 4. – С. 68–73.

4. Кадакин, В. В. Инновационные процессы в высшем образовании (из опыта работы Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева) / В. В. Кадакин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 9–12.

5. Карпунина, О. И. Факультет психологии и дефектологии: инновации и перспективы развития / О. И. Карпунина // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 28–31.

6. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. Т. 1 / Г. К. Селевко. – М. : НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.

7. Специальная педагогика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л. И. Аксенова, Б. А. Архипов, Л. И. Белякова [и др.] ; под ред. Н. М. Назаровой. – М. : Академия, 2008. – 400 с.

8. Рябова, Н. В. Мордовский базовый центр педагогического образования как инновационное структурное подразделение института / Н. В. Рябова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 41–46.

References

1. Abramova I. V., Pushkova I. E., Zolotkova E. V. Scientific and methodological support of activity of an Integrated Education Resource Center, Kazan science, 2012, No. 7, pp. 205–210.

2. Abramova I. V., Pushkova I. E. Training of the specialists of inclusive education, The Humanities and Education, 2011, No. 1 (5), pp. 30–33.

3. Bobkova O. V. Study of the national (Mordovia) arts and crafts as a means of social integration of children with restricted abilities, Integration of education, 2010, No. 4, pp. 68–73.

4. Kadakin V. V. Innovation processes in higher education (from the experience of Mordovia State Pedagogical Institute named after M. E. Yevsevev), The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 9–12.

5. Karpunina O. I. Department of Psychology and defectology: Innovation and prospects, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 28–31.

6. Selevko G. K. Encyclopedia of educational technology: A 2 T. T. 1. Moscow: Institute of Technology School, 2006, 816 p.

7. Special pedagogics: tutorial for stud of pectinstof .High.ped. Textbook.Institutions. L. I. Aksenova, B. A. Arhipov, L. I. Belyakova and others, ed. N. M. Nazarova. Moscow, Academy, 2008, 400 p.

8. Ryabova N. V. Mordovian base center of pedagogical education as an innovative structural unit of the institute, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 41–46.

Поступила 16.03.2013 г.

УДК 376-053.6
ББК 74.3

Гамаюнова Антонина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра коррекционной педагогики и специальных методик
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
gamaenova@yandex.ru

Пискайкина Анна Евгеньевна
магистрант 1 курса
направление подготовки 050400.68 – Психолого-педагогическое образование
магистерская программа Психология и педагогика инклюзивного образования
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
anna.piskajkina@mail.ru

УСЛОВИЯ ИНТЕГРАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ*

Аннотация: В статье представлены результаты изучения ряда условий интеграции подростков с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательное учреждение.

Ключевые слова: условия интеграции, подростки с ограниченными возможностями здоровья, общеобразовательное учреждение.

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

Gamayunova Antonina Nikolayevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
Departament Correctional Pedagogics and Special Techniques
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Piskaykina Anna Evgenyevna
1-year Master's Degree Student
Master's Degree Program 050400.68 – Psychology and Pedagogics of Inclusion Education
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

CONDITIONS FOR INTEGRATION OF ADOLESCENTS WITH RESTRICTED ABILITIES IN AN INSTITUTE OF GENERAL EDUCATION: A LEARNING EXPERIENCE

Abstract: The article presents the results of the study of a number of conditions for the integration of adolescents with restricted abilitiesin of general education institutions.

Key words: conditions of integration, adolescents with restricted abilities, of general education institution.

На современном этапе российская система образования претерпевает существенные изменения, обусловленные гуманизацией процесса воспитания и обучения детей, признания права лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) на свободу выбора форм образования, профессиональной деятельности и досуга.

В этой связи осуществляется создание системы образования нового типа, где особая роль отводится интегрированному образованию (совместное обучение детей с ОВЗ и нормально развивающихся сверстников) [5]. Эффективность обучения детей с ОВЗ в различных видах образовательных учреждений зависит от ряда условий: материально-технического и учебно-методического оснащения образовательного учреждения; готовности педагогов и родителей понимать и разделять проблемы учащихся с ОВЗ; целенаправленного развития способности детей с ОВЗ к коммуникации и взаимодействию со сверстниками и толерантное отношение последних к одноклассникам с ОВЗ; использования в образовательном процессе современных научно обоснованных и достоверных коррекционных технологий; наличия педагогических кадров, компетентных в понимании образовательных потребностей детей с ОВЗ и др.) [1; 2; 3; 4].

Изучение и анализ этих условий явились предметом нашего исследования.

Нами изучались:

– отношение педагогов массовой школы к личности детей с ОВЗ;

– отношение родителей учащихся массовой школы к возможности совместного обучения их детей с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья;

– уровень межличностных контактов подростка с ОВЗ со сверстниками.

В эксперименте принимали участие 16 педагогов, 29 родителей учащихся, 28 учащихся с задержкой психического развития МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 22» г. о. Саранск. Исследование проводилось в конце третьей четверти 2012–2013 учебного года.

Анкетирование педагогов выявило, что все анкетируемые (100 %) встречали в жизни детей с ограниченными возможностями здоровья, имеют определенный опыт общения с ними. В основном педагоги сталкивались с детьми, имеющими задержку психического развития, так как этот контингент учащихся обучается в классе коррекционно-развивающего обучения и в условиях обычного класса. При этом все 100 % учителей выделили «жалость» как основное чувство, которое они испытывают при общении с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Многие пытаются относиться к данным детям как к «обычным», однако им не всегда это удается. Все педагоги не отвергают возможности работы в интегрированном классе, но называют ряд проблем. Среди основных были отмечены: трудности организации обучения этих детей в обычных классах, усвоения обучающимися учебной программы, организации индивидуального подхода в условиях общеобразовательной школы, определения реальных возможностей детей с ОВЗ. Относительно условий принятия детей с ОВЗ современным социумом 31,2 % учителей высказали суждение о том, что они зависят от степени информированности окружающих; 56,3 % учителей считают, что хотя государство на данном этапе много делает для социализации этих детей, однако не во всех образовательных учреждениях создаются условия для включения учащихся с ОВЗ в среду нормально развивающихся; 12,5 % педагогов считают, что отношение к людям с ОВЗ со стороны общества во многом зависит от самих людей с ограниченными возможностями.

Таким образом, педагоги достаточно хорошо понимают проблемы и трудности детей с ОВЗ,

создают условия для взаимодействия учащихся с ОВЗ и их нормально развивающихся сверстников. К числу сложностей следует отнести разработку программ индивидуального развития детей с ОВЗ в условиях интегрированного класса.

Нам было также интересно изучить, как относятся родители нормально развивающихся детей к детям с ОВЗ. С этой целью было проведено анкетирование родителей. Анализ его результатов показал следующее: 44,8 % родителей знакомы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, у 51,2 % респондентов имеется опыт общения с ними. Большинство родителей (62,1 %) отметили, что никаких чувств в ходе общения с детьми с ОВЗ не испытывают; 31,0 % ответили, что испытывают к данным детям чувство жалости, 6,9 % – чувство удивления их упорству и терпению.

На вопрос «Разрешили бы вы своим детям дружить с ребенком, у которого есть какие-либо нарушения (слуха, зрения, интеллекта и др.)?» 6,9 % родителей ответили что, скорее всего, разрешили бы, однако за этим, как правило, следовало высказывание определенных условий; 41,4 % респондентов предпочли предварительно получить дополнительную информацию о семье ребенка с ОВЗ, а уж потом решить – разрешать своим детям дружить с ним или нет; почти половина родителей (51,7 %) негативно отнеслись к дружбе своего ребенка с ребенком с ОВЗ.

К совместному обучению своих детей с детьми с ограниченными возможностями здоровья не готовы 41,4 % родителей. Среди вариантов ответов были: «попрошу администрацию убрать этого ребенка из класса», «переведу своего ребенка в другой класс». Некоторые родители (17,2 %) проявили безразличие к тому, кто будет учиться в одном классе с их ребенком.

На вопрос «Могут ли дети с ОВЗ иметь какие-либо дарования (способности)?», 20,7 % родителей ответили, что «да, у всех детей есть способности»; 27,6 % опрошенных родителей считают, что «у таких детей не может быть способностей»; к сожалению, 51,7 % респондентов не выразили своего мнения, не ответив на данный вопрос, что может говорить как об отсутствии знаний психофизических возможностей детей с ОВЗ, так и о безразличии этой категории родителей к людям «с проблемами». Признают значимость общения со сверстниками для нормального развития детей с ОВЗ 24,1 % родителей. Пользу от взаимоотношений своих детей с детьми с ОВЗ видят 6,9 % родителей. Отвечая на вопрос об освещении проблем инвалидов в средствах массовой информации, большинство родителей (72,4 %) отметили недостаточность отражения проблем людей с ограниченными возможностями в СМИ.

Таким образом, анализ результатов анкетирования родителей нормально развивающихся учащихся показал, что большинство из них не имеет четких представлений о детях с ограниченными возможностями здоровья, их реальных возможностях, трудностях и проблемах. Прежде чем разрешить своему ребенку общаться с ребенком с ОВЗ, они предпочли бы предварительно получить дополнительную информацию о его семье. К совместному обучению своих детей с детьми с ограниченными возможностями здоровья большинство родителей не готовы.

Подростковый возраст является периодом для формирования и становления личности, что связано с усилением интереса к сверстнику. В связи с этим особое значение приобретают межличностные отношения в подростковых учебных группах и коллективах [6].

Специфика межличностных отношений подростков с ограниченными возможностями здоровья обусловлена, с одной стороны, нарушением в их развитии, а с другой – особенностями микросоциума, ближайшего окружения, сензитивного для развития подростков, в том числе общения их со своими сверстниками. В силу нарушения, которое неминуемо приводит к отставанию в развитии по сравнению с нормально развивающимися сверстниками, подростки с ОВЗ далеко не всегда интересны в общении, что, безусловно, не может не влиять негативным образом на межличностные отношения, а через них на становление личности.

Межличностные отношения, будучи закономерно включенными в самые разнообразные сферы человеческой жизнедеятельности и являясь одним из основных факторов любого социального процесса, всегда остаются актуальным предметом для исследований (А. И. Донцов, Б. И. Аристов, Я. Л. Коломенский и др.).

На следующем этапе нашего исследования выявлялись субъективные ощущения подростка с ОВЗ, обучающегося в коллективе с нормально развивающимися сверстниками. Нами была проведена диагностика уровня субъективного ощущения одиночества по методике Д. Рассела и М. Фергюсона.

В диагностике принимали участие 28 подростков с ОВЗ, возраст диагностируемых от 14 до 16 лет. Учащимся предлагалось ответить на 20 вопросов, каждый из которых имел 4 варианта ответа, из которых выбирался один. Результаты диагностики оценивалась по следующим критериям: высокий уровень одиночества показывают учащиеся, набравшие от 40 до 60 баллов; средний уровень одиночества характеризуется интервалом от 20 до 40 баллов; низкий – от 0 до 20 баллов.

Результаты анкетирования школьников представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни субъективного ощущения одиночества		
Уровни	**Количество детей с ОВЗ**	
	абс.	**%**
Высокий	15	53,6
Средний	10	35,7
Низкий	3	10,7
Всего	28	100

Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъективное осознание себя одиноким подростка с ОВЗ тесно связано с ограниченностью коммуникативных (прежде всего), а также эмоциональных контактов со своими сверстниками, не имеющих нарушений в развитии. Более половины анкетируемых ощущают себя одинокими, обозначая высоким баллом такие показатели, как изолированность от других, чувство отверженности, трудности налаживания контактов с одноклассниками, отсутствие среди них друзей.

Наше исследование ряда условий успешной интеграции подростков с ОВЗ в общеобразовательное учреждение позволяет сделать ряд выводов:

– учителя общеобразовательной школы знакомы с проблемами детей с ОВЗ, понимают и принимают детей в их качестве, не отрицают возможности совместной деятельности в условиях интеграции, но им необходимо освоение новых педагогических технологий в части организации форм, методов, приемов обучения учащихся, средств контроля, критериев оценки в русле требований инклюзивного образования и прежде всего – программ индивидуального развития ребенка в интегрированном образовательном пространстве. Для этого необходимы курсы повышения квалификации;

– изучение отношения родителей нормально развивающихся детей к детям с ОВЗ показывает, что многие родители не желают совместного обучения своих детей в интегрированном классе. Для профилактики негативных тенденций и формирования правильных установок на процесс совместного обучения коллектив школы, предполагающий осуществлять интегрированное образование, должен вести системную работу в двух направлениях. С родителями нормально развивающихся детей – по подготовке и принятию детей с ОВЗ, их права на совместное обучение, объяснению преимуществ интегрированного образования. С родителями детей с ОВЗ вести работу по повышению педагогической компетентности, включению их в процесс реализации коррекционно-образовательной программы развития ребенка, удовлетворения его социальных нужд;

– для преодоления отчуждения детей с ОВЗ учителям, классным руководителям, педагогам дополнительного образования следует вовлекать всех учащихся в совместную продуктивную деятельность, используя ситуации успеха для детей с ОВЗ, поощряя стремление нормально развивающихся учащихся к общению, взаимодействию с детьми, имеющими отклонение в развитии, оказания им необходимой помощи.

Список использованных источников

1. Бобкова, О. В. Технология педагогического сопровождения процесса коммуникативного развития детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях интегрированного обучения / О. В. Бобкова // Российский научный журнал. – № 5 (30). – 2012. – С. 124–131.

2. Гамаюнова, А. Н. Концептуальные положения психолого-педагогического сопровождения здоровьесбережения детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях интегрированного обучения / А. Н. Гамаюнова // Российский научный журнал. – 2012. – № 5 (30). – С. 131–137.

3. Ежовкина, Е. В. К проблеме педагогического сопровождения адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья / Е. В. Ежовкина, Н. В. Рябова // Российский научный журнал. – № 5 (30) – 2012. – С. 84–89.

4. Золоткова, Е. В. Взаимодействие специалистов по психолого-педагогическому сопровождению детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях интегрированного образования / Е. В. Золоткова, И. Е. Пушкова, И. В. Абрамова // Российский научный журнал. – 2012. – № 5 (30). – С. 153–158.

5. Малофеев, Н. Н. Интеграция и специальные образовательные учреждения / Н. Н. Малофеев, Н. Д. Шматко // Дефектология. – 2008. – № 2. – С. 86–95.

6. Фельдштейн, Д. И. Психологические аспекты изучения современного подростка / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 34–36.

References

1. Bobkova O. V. Technology of Pedagogical support of the process of Communication Development of Children with restricted abilities in the Integrated Learning, Russian Scientific Journal, 2012, No 5 (30), pp. 124–130.

2. Gamayunova A. N. Conceptual Provisions of Psychological and Pedagogical Support of Health of Children with Restricted Abilities in the Integrated Training, Russian Scientific Journal, 2012, No 5 (30), pp. 131–137.

3. Ezhovkina E. V., Ryabova N. V. Towardsthe problem of Pedagogical Support of Adaptation of Children with Resrticted Abilities, Russian Scientific Journal, 2012, No 5 (30), pp. 84–89.

4. Zolotkova E. V., Pushkova I. E., Abramova I. V. Interaction of Experts on Psychological Support of Children with Resrticted Abilitiesin the Conditions of Integrated Education, Russian Scientific Journal, 2012, No 5 (30), pp. 153–158.

5. Malofeev N. N., Shmatko N. D. Integration and Special Educational Establishments, Defectologya, 2008, No 2, pp. 86–95.

6. Feldstein D. I. Psychological Aspects of Study of Modern Teenager,Questions of Psychology, 2005, No 1, pp. 34–36.

Поступила 01.03.2013 г.

УДК 376.42 (045)
ББК 74.3

Савинова Евгения Александровна
магистрант кафедры коррекционной педагогики и специальных методик
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
evgeniya_savinova_90@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ*

Аннотация: В статье выявляются организационно-педагогические условия обучения дошкольников с ограниченными возможностями здоровья. Представлен анализ психолого-педагогической литературы по проблеме организационно-педагогических условий обучения дошкольников с ограниченными возможностями здоровья средствами инклюзивного образования, а также показаны возможности создания таких условий в Центре продленного дня, созданного на базе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия обучения, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование.

Savinova Evgenya Aleksandrovna
Master's Degree Student of the department of correctional
pedagogics and special techniques
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN WITH RESTRICTED ABILITIES

Abstract: In the article, organizational and pedagogical conditions of training preschool children with restricted abilities come to light. An analysis of psychological and educational literature on organizational pedagogical conditions of teaching preschool children with disabilities by means of inclusive education, as well as the possibilities to create suchconditions in the Center of extended-day classes created on the basis of Mordovian State Pedagogical Institute namedafter M. E. Evseviev.

Key words: children with restricted abilities, the organizational and pedagogical training conditions, inclusive education.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2013 год (проект «Модели и технологии психолого-педагогического сопровождения развития детей в системе образования»).

В теории и практике современной российской школы идет широкое обсуждение идей инклюзивного образования. Родителям детей с особыми образовательными потребностями предоставляется возможность выбора варианта обучения ребенка: в специализированном коррекционном образовательном учреждении или в массовой школе среди обычных детей.

Первый маршрут предусматривает активизацию сохранных функций ребенка и развитие его зоны ближайшего развития при участии коррекционных педагогов и специальных психологов.

Второй маршрут активизирует социально-психологические механизмы взаимодействия ребенка с особыми образовательными потребностями с внешней средой и только потом – коррекцию. Этот путь может оказаться гораздо более эффективным при условии грамотно организованного педагогического сопровождения ребенка. Вместе взрослея, дети учатся принимать собственные особенности и учитывать особенности других людей, учатся учитывать взаимные особенности.

В современном инклюзивном образовании имеется ряд моментов, требующих пристального внимания оценок специалистов непосредственно в образовательных организациях (учреждениях). Одним из таких аспектов является анализ организационно-педагогических условий образовательной организации. То есть тех условий школьной среды, которые позволяют совместно обучаться обычным детям и детям с ОВЗ во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие трудности или различия, существующие между ними.

Понятие «условие» в философской науке определяется как отношение предмета к окружающим явлениям, без которых он не существует; условия – это среда, в которой явление возникает, существует и развивается; это обстоятельства, которые определяют те или иные последствия, наступление которых благоприятствует одним процессам или явлениям и препятствует другим [8].

Обратимся к словарному толкованию понятия «условия». С. И. Ожегов рассматривает условия как обстоятельства, от которых что-нибудь зависит. Толковый словарь Ушакова определяет условия как правила, установленные для той или иной области жизни, деятельности. Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой трактует условия как обязательные обстоятельства, предпосылки, определяющие, обусловливающие существование, осуществление чего-либо [8].

В педагогической литературе условия трактуются как составные части или характеристики среды, в которой развивается учащийся, и делятся на необходимые и достаточные [4, с. 185]. Необходимые условия – внутренняя объективная закономерность возникновения, существования и результативности развития учащихся. Они обусловливают развивающее обучение и воспитание. Достаточные условия связаны с причинами, основаниями, противоречиями развития. Появление каждого новообразования подготовлено своей причиной, своими условиями. Отсутствие или недостаточность необходимых и достаточных условий приводит к прекращению или замедлению развития учащихся (в том числе в воспитании, обучении и социализации). В учебно-воспитательном процессе все три направления слиты в единую систему многостороннего развития учащихся, которое опосредовано влиянием среды, возможностями ребенка и целенаправленной деятельностью взрослых.

В педагогических исследованиях достаточно часто встречается термин «организационно-педагогические условия». Анализ научно-педагогической литературы показывает, что в настоящее время существуют различные подходы к определению этого термина. Е. Ч. Козырева дает следующее определение: организационно-педагогические условия – это совокупность объективных возможностей, обеспечивающая успешное решение поставленных задач [2, с. 26].

Н. А. Переломова выделяет внешние условия (создание инновационной среды, педагогизация учебно-воспитательного процесса в целях изменения инновационного фона, насыщение содержания духовными ценностями) и внутренние условия (увеличение «степеней свободы» личности, накопление духовно-практического опыта, овладение продуктивными формами самосозидательной деятельности) [5, с. 11]. Н. Н. Кузина обращается к инновационному методическому обеспечению как одному из организационно-педагогических условий в профессиональном образовании [3, с. 39].

Мы согласны с мнением ряда специалистов, что образовательная деятельность должна обеспечиваться целым комплексом организационно-педагогических условий, которые являются взаимосвязанными структурными компонентами целостной педсистемы [4; 6]. В качестве условий, обеспечивающих эффективность процесса достижения образовательных целей, предлагается рассматривать концепцию планированного результата образования, воплощаемую в образовательных стандартах и являющуюся конкретизированным описанием глобальной цели образования, отражающей ценностные ориентации учащихся, сопряженные с ценностными ориентирами общества, требованиями к воспитаннику и педагогам; технологии педагогического процесса, которые будут способствовать приведению в действие механизмов, обеспечивающих реализацию концепции планируемого результата образования, придадут

структуре образовательного процесса функциональный характер, обеспечат формирование необходимых знаний, умений и навыков, отраженных в содержании образования.

Общей составляющей для всех приведенных определений является направленность условий на совершенствование взаимодействия участников педагогического процесса при решении конкретных дидактических задач. Таким образом, правильно подобранные и воспроизведенные организационно-педагогические условия способны систематично и целенаправленно выполнять функции некоего регулятора образовательного процесса, что позволяет выделить и создавать их и в инклюзивном образовании для организации специальной среды обучения и воспитания, в равной степени комфортной для обычных детей и детей с ОВЗ.

Нами выделены основные организационно-педагогические условия инклюзивного образования, которые, с одной стороны, создают предпосылки для эффективного совместного обучений детей разных категорий (реализация инклюзивного образования), с другой стороны, нуждаются в тщательном анализе и при необходимости совершенствовании и коррекции (экспертиза образовательного учреждения):

1. Структурно-организационные условия обучения и воспитания включают наполняемость групп, продолжительность обучения в одной группе, организацию обучения группы в режиме дня, особенности комплектования групп по возрасту и уровню обученности на основе педагогической классификации. Е. Р. Ярская-Смирнова и И. И. Лошакова выделяют три стратегии формирования учебных групп [9, с. 26]:

А. Разделяются в зависимости от когнитивных способностей («сильные» и «слабые» группы).

Б. Дети в основном обучаются в группах «различных способностей», объединяясь в группы «равных способностей» только при изучении наиболее «важных» и сложных предметов.

В. Дети на всех занятиях объединены в группы «различных способностей».

2. Содержательные условия включают учебное и методическое содержание учебно-воспитательного процесса: образовательные программы, их соответствие требованиям нормативно-правовых документов, запросам детей и родителей, направленность деятельности программ, принципы, положенные в их основу, используемые педагогические технологии, реализация индивидуального и дифференцированного подходов к обучению, педагогическая диагностика.

3. Кадровые условия – штатное расписание и квалификационные категории специалистов, осуществляющих непосредственно всю учебно-воспитательную работу с детьми; кроме того, к кадровым условиям отнесены имеющиеся у педагогов трудности в работе с детьми с ОВЗ.

4. Ресурсно-материальные условия, оказывающие существенное влияние на работоспособность и самочувствие воспитанников, их заболеваемость. К ним относятся санитарно-гигиеническое состояние помещений (полезная площадь и кубатура, внутренняя отделка, световой и воздушно-тепловой режимы), мебели, игрового оборудования, учебного инвентаря.

Необходимо подчеркнуть, что выделенные условия будут различаться и иметь специфику в зависимости от типа образовательного учреждения (организации) для детей с ОВЗ: ясли-сады, детские сады, дошкольные детские дома, дошкольные группы при яслях-садах, детских садах и детских домах общего назначения, а также при специальных школах и школах-интернатах, детские сады с дополнительными образовательными услугами, группы продленного дня, детско-родительские клубы и т. д. Наиболее полно достижению образовательных целей детей с особыми образовательными потребностями соответствуют дошкольные учреждения комбинированного вида. У дошкольников имеется возможность участвовать в разнообразных видах деятельности, будь то групповые виды работы (режимные моменты, занятия, прогулки) или межгрупповые (экскурсии, праздники, театр), находиться среди своих сверстников, общаться с ними, видеть достижения других детей, стремиться увеличить свои. Именно в учреждениях комбинированного вида для детей доступны различные варианты интеграции (комбинированная, временная, частичная, полная).

При этом мы считаем, что ограничение организационно-педагогических условий обучения дошкольников с ОВЗ только внешними обстоятельствами учебно-воспитательного процесса недопустимо, поскольку образование личности представляет собой единство внутреннего и внешнего состояний субъектов педагогического процесса.

5. Поэтому необходимо выделение и учет такого организационно-педагогического условия, как вовлеченность ребенка с ОВЗ в учебно-воспитательную творческую деятельность. Учитывая специфику развития детей данной категории, необходимо уделять дополнительное внимание данному условию, формируя у дошкольников качества личности, которые позволяют ему успешно адаптироваться в кругу сверстников, не имеющих особенностей развития, и в дальнейшем социализироваться в обществе.

Организационно-педагогические условия в инклюзивном образовании целесообразно подвергать тщательному анализу и в случае необ-

ходимости корректировать, поскольку создание адаптивной среды несомненно важно как для самих обучающихся, так и для их родителей. В настоящее время родители детей с особенностями развития не хотят отдавать своих детей в обычную школу, опасаясь насмешек, конфликтов с одноклассниками и учителями, непонимания особых потребностей их детей и, соответственно, неадекватной реакции на особые потребности, неприспособленности помещений и учебного процесса к особым потребностям их детей и т. д. Родители «обычных» детей опасаются, что ребенок с особенностями развития будет мешать, отвлекать учителя и детей, что снизит уровень знаний всего класса. Учителя зачастую в замешательстве от того, что им нужно будет учить ребенка даже с незначительными нарушениями развития и поведения, они признаются, что не знают, как организовать его обучение. Нередко и учителя, и руководители общеобразовательных школ говорят о том, что им хватает проблем и с «обычными» детьми, а для «проблемных» детей есть специальные школы.

В настоящее время важно признать, что подобные сомнения и опасения вполне оправданы; концепция инклюзивного образования требует принципиальных изменений в системе не только среднего (как «школа для всех»), но и профессионального и дополнительного образования (как «образование для всех»).

Логично признать, что организационно-педагогические условия в инклюзивном образовании должны способствовать тому, чтобы каждому ребенку, несмотря на имеющиеся физические, интеллектуальные, социальные, эмоциональные, языковые или другие особенности, была предоставлена возможность быть вовлеченным в общий (единый, целостный) процесс обучения и воспитания (развития и социализации), что затем позволяет взрослеющему человеку стать равноправным членом общества, снижает риски его сегрегации и изоляции.

Список использованных источников

1. Андреев, В. И. Педагогика : учебный курс для творческого саморазвития / В. И. Андреев. – Казань : ЦИТ, 2006. – 608 с.

2. Козырева, Е. Ч. Педагогические условия повышения уровня педагогической культуры сельского учителя : дис. ... канд. пед. наук / Козырева Елена Чарльзовна. – Омск, 1999. – 226 с.

3. Кузина, Н. Н. Инновационное методическое обеспечение развития компетентности субъектов образования в учебных заведениях : дис. ... канд. пед. наук / Кузина Надежда Николаевна. – Тобольск, 2003. – 183 с.

4. Педагогика : учеб. пособие для студ. пед. вузов и пед. колледжей / под ред. П. И. Пидкасистого. – М. : Педагогическое общество России, 1998. – 640 с.

5. Переломова, Н. А. Ключевые компетенции в образовании: современный подход / Н. А. Переломова // Наука и практика воспитания и дополнительного образования. – 2007. – № 1. – С. 7–14.

6. Романов, П. В. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 44–55.

7. Словопедия : онлайн словари [Электронный ресурс]. URL : http://www.slovopedia.com (дата обращения: 09.03.2013).

8. Ферапонтова, О. И. Социальные аспекты инклюзивного образования детей-инвалидов / О. И. Ферапонтова // Вестник СамГУ. – 2007. – № 1 (51). – С. 165–171.

9. Ярская-Смирнова, Е. Р. Инклюзивное образование детей-инвалидов / Е. Р. Ярская-Смирнова, И. И. Лошакова // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 100–113.

References

1. Andreev V. I. Pedagogics: training course for creative self-development. Kazan, TsIT publishing house, 2006, 608 p.

2. Kozyreva E. H. Pedagogical conditions for increasement of the level of pedagogical culture of the rural teacher: abstract of the tresis «Cand of Pedag. Sciences». Omsk, 1999, 226 p.

3. Cousin N. N. Innovative methodical support for development of the competence of subjects of education in educational institutions: tresis «Cand of Pedag. Sciences». Tobolsk, 2003, 183 p.

4. Pedagogics: tutorial for the students ofped. Of higter education institutions and ped. colleges / Edited by of P. I. Pidkasistogo. Moscow, Pedagogical society of Russia, 1998, 640 p.

5. Perelomova N. A. Key competences of education: modern approach, Science and practice of education and additional education, 2007, № 1, pp. 7–14.

6. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Policy of disability. Problems of the available environment and possibility of the employment, Sociological researches, 2005, № 2, pp. 44–55.

7. Slovopediya: online dictionaries. URL: http://www.slovopedia.com (address date: 09.03.2013).

8. Ferapontova O. I. Social aspects of inclusive formation of disabled children, Messenger SAMGU, 2007. № 1 (51), pp. 165–171.

9. Yarskaya-Smirnova E. R., Loshakova I. I. Inclusive education of disabled children, Sociological researches, 2003, № 5, pp. 100–113.

Поступила 12.05.2013 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378.637(470.345)
ББК 74.3

Винокурова Галина Александровна
кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой
специальной и прикладной психологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
dusha_100@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА*

Аннотация: В статье представлены основные результаты деятельности и перспективы взаимодействия Регионального психологического центра с учреждениями системы образования республики Мордовия.

Ключевые слова: инновационное образование; психологическая помощь; развитие психологической службы образования; психолого-педагогическое сопровождение.

Vinokurova Galina Aleksandrovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Dotsent
Heat of the Departamentof Special and Applied psychology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

THE POSSIBILITY OF SOLVING THE PROBLEMS OF EDUCATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE FRAMEWORK OF REGIONAL PSYCHOLOGICAL CENTER

Abstract: The article presents the results activity and perspectives of interaction betwen the Regional psychological center and educational institutions of the Republic of Mordovia.

Key words: innovative education, psychological support, the development of psychological educational service, psychological and educational support.

Стратегические цели развития российского общества до 2020 г., представленные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, предполагают воспитание личности, способной решать инновационные задачи во всех сферах жизни современного общества. Инновационное образование в свою очередь выступает средством инновационного развития общества [6].

Уровень социально-экономического развития любого региона во многом зависит от качества созданной в нем системы образования. Образование – важнейший стратегический ресурс формирования инновационной экономики региона. Комплексный проект модернизации образования, право на участие в котором республика получила в 2007 г., стал мощным толчком для системных изменений в образовании Мордовии. Произошли институциональные изменения, связанные с совершенствованием финансово-экономических механизмов, расширением общественного участия в управлении образованием, развитием региональной системы оценки качества образования, оптимизацией сети общеобразовательных учреждений, обеспечивающей достижение необходимого качества образования через повышение эффективности использования ресурсов и создание возможностей использования современных образовательных технологий [2; 5]. Дальнейшее развитие региональной системы образования отражено в Республиканской целевой программе развития образования в Республике Мордовия на 2011–2015 годы. В качестве приоритетных на данный период ставятся следующие задачи: модернизация образования как института социального развития; создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров; формирование механизмов оценки ка-

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

чества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей [7].

Реализация этих задач возможна при консолидации сил всех участников образовательного пространства республики. Это нацеливает всех работников сферы образования, включая органы управления образованием различного уровня, на поиск наиболее оптимальных форм интеграции.

Именно педагогический вуз, оснащенный новейшими технологиями, информационно-коммуникационными средствами обучения, с учеными-педагогами, исследующими региональные проблемы образования, интегрированный с образовательными учреждениями, может стать системообразующим фактором реализации данной стратегии.

Создание в 2009 году на базе ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» Мордовского базового центра педагогического образования (МБЦПО), победа МордГПИ в конкурсе поддержки программ стратегического развития государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования способствовало созданию на базе института инновационных структурных подразделений, развитие которых направлено на укрепление связи науки и практики, разработку и внедрение инновационных технологий в практику регионального образования.

Одним из проектов, реализуемых в рамках программы стратегического развития МордГПИ на 2012–2016 гг., стало создание на базе факультета психологии и дефектологии Регионального психологического центра [4].

Актуальность создания Регионального психологического центра (далее – Центр) обусловлена потребностями республики в квалифицированной психологической помощи различным возрастным и социальным группам населения, государственным и негосударственным организациям. Деятельность центра носит комплексный характер, где наряду с задачами разработки модели и научно-методического обоснования деятельности регионального психологического центра, проведения научных исследований в области психологической помощи, решаются задачи практического характера. Среди них:

1. Разработка и апробация технологий развития и сохранения психического и психологического здоровья.

2. Разработка и реализация программ подготовки и повышения квалификации специалистов, оказывающих психологическую помощь населению.

3. Консультативная и методическая поддержка специалистов и руководителей организаций, оказывающих психологическую помощь населению.

4. Оказание психологической (диагностической, консультативной, коррекционной, профориентационной) помощи различным группам населения.

Преобладающими среди выполняемых научных исследований являются прикладные исследования и исследования-разработки. Получаемые теоретические, прикладные и практические результаты внедряются в учебный процесс в вузе, в образовательных и других учреждениях Республики Мордовия.

В рамках *научно-исследовательской и экспериментально-инновационной деятельности* Центра:

– разработан и проходит апробацию диагностический комплекс по изучению универсальных учебных действий (УУД) первоклассников в рамках реализации ФГОС начального образования [2];

– разрабатывается и апробируется теоретическая модель психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса на этапе подготовки к ЕГЭ [9];

– изучаются проблемы сохранения и развития психологического здоровья участников образовательного процесса, разрабатываются программы профилактики злоупотребления психоактивными веществами среди учащихся [1];

– разработана и проходит апробацию психологическая программа для педагогов образовательных учреждений различного вида «Профилактика деструктивного взаимодействия участников образовательного процесса» [8].

Научно-исследовательская деятельность Центра реализуется и через проведение научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов», конкурсов, направленных на обсуждение и решение наиболее острых вопросов оказания психологической помощи. Так, в 2012 г. в регионе впервые был проведен Республиканский конкурс психологических программ «Профессиональная перспектива», основными задачами которого стало обобщение опыта практических психологов различных учреждений региона по разработке и реализации психологических программ для различных категорий граждан; внедрение достижений современной науки, а также инновационных технологий и методов в практику работы психологов учреждений РМ; создание банка психопросветительских, психопрофилактических, психодиагностических, коррекционно-развивающих

и комплексных программ, соответствующих требованиям современной психологии; содействие профессиональному росту практических психологов, студентов и аспирантов психологических специальностей и направлений подготовки; интеграция и развитие единого профессионального психологического сообщества. В Конкурсе приняли участие педагоги-психологи г. Саранска и районов республики Мордовия, а также студенты, аспиранты и преподаватели МордГПИ. Победители Конкурса поделились опытом с коллегами, начинающими психологами, студентами в рамках мастер-классов, прошедшего 29 марта 2012 г. Республиканского научного семинара «Современная школа и психология: перспективы сотрудничества».

Одним из актуальных направлений деятельности Регионального психологического центра является психологическое просвещение работников системы образования, родителей и учащихся.

Сотрудниками Центра совместно с НПЦ «Акмеологический центр» был проведен семинар «Психологические аспекты педагогической компетентности молодых педагогов» для молодых педагогов образовательных учреждений Ичалковского района. В процессе работы семинара обсуждались актуальные вопросы формирования психологической и педагогической компетентности молодых педагогов. Практическая часть семинара была организована в тренинговой форме. В рамках тренинга «Конструктивное решение профессионально-личностных проблем молодых педагогов» анализируются типичные проблемы начинающих учителей, а также осваиваются эффективные стратегии решения конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности. Овладение данными стратегиями участниками семинара может способствовать профилактике эмоционального выгорания и повышению профессионального мастерства начинающих педагогов.

По запросу управления образованием администрации Ичалковского муниципального района были проведены научно-практические семинары «Профилактика деструктивного взаимодействия участников образовательного процесса» для воспитателей и заведующих детскими дошкольными учреждениями (30.01.12 г.), а также для классных руководителей старшего и среднего звена общеобразовательных школ (21.02.13 г.).

На семинарах обсуждались причины деструктивного взаимодействия в образовательных учреждениях, а также возможные пути решения данной проблемы. Практическая часть семинаров проходила в тренинговой форме. Ведущие тренинга помогли участникам проанализировать типичные проблемы, встречающиеся в деятельности работников образовательных учреждений, подобрать наиболее эффективные стратегии решения проблемных ситуаций в процессе профессиональной деятельности.

Сотрудники Центра принимают участие в организации и проведении педагогических советов образовательных учреждений, выступают на родительских собраниях по запросу родителей и администрации.

Мероприятия, проводимые сотрудниками Центра совместно с администрацией и педагогами образовательных учреждений, несут в себе большой потенциал. Такое сотрудничество обеспечивает психолого-педагогическое сопровождение организационным и административным ресурсом. Меняется характер задач, они приобретают системный характер, направленность на изменение образовательной среды учреждения.

Работая с педагогами образовательных учреждений, мы столкнулись с тем, что большинство курсов повышения квалификации, семинаров нацелены на совершенствование профессиональных предметных навыков, в то время как психологической составляющей при обучении и повышении квалификации педагогов уделяется не так много времени.

В связи с этим в работу с педагогами внедряются новые интерактивные формы работы, позволяющие сделать психологическое сопровождение для педагогов более доступным, отвечающим их актуальному запросу и оптимизирующие использование ресурсов Регионального психологического центра. Примерами такой формы работы является «семинар-практикум» и «групповая тематическая консультация». В отличие от обычной консультации данная форма кроме краткого сообщения специалиста, сопровождаемого мультимедиа-презентацией по проблеме, включает в себя: работу с ожиданиями участников (в психологических техниках); интерактивную часть (игры, упражнения по теме); дискуссию, обмен мнениями. Данная форма имеет следующие преимущества: небольшая продолжительность (1,5–2 часа); педагогам легче включить в свой план непродолжительные мероприятия; мероприятия проходят в «кругу». Это позволяет активизировать участников, создать доверительную и рабочую атмосферу. Включение в мероприятия интерактивной части позволяет педагогам получить конкретный опыт. Семинары-практикумы и групповые тематические консультации проводятся как на базе Центра, так и на базах приглашающих образовательных учреждений.

Актуальность тем и содержания работы определялась по результатам проведенных собеседований, анкетирования и экспертной оценки, в сотрудничестве с отделами образования муниципальных районов.

В работе с родителями учащихся общеобразовательных школ нами используется такая форма работы, как выездная психологическая сессия. Образовательное учреждение, заинтересованное в ней, подает заявку, организует место, приглашает родителей, составляет график консультаций. Специалисты Центра выезжают в учреждение в определенное школой время и проводят индивидуальные консультации с пришедшими родителями по графику. Консультации ведут параллельно несколько психологов. Продолжительность консультации 20–30 минут, родители приходят либо с ребенком, либо одни. Такая форма позволяет родителям познакомиться с психологом, с его работой, сформулировать свою проблему и узнать, чем психолог может помочь. В ходе консультации родители могут получить информацию по волнующей их теме либо записаться на дальнейшую ин-дивидуальную работу с психологом уже на базе Центра.

Региональный психологический центр расширяет перечень направлений работы и услуг организациям и населению РМ. Центр может предложить образовательным учреждениям республики содействие в организации психолого-педагогического сопровождения при переходе на новые государственные образовательные стандарты, а именно: 1) помощь в обеспечении системы внеаудиторных занятий для начальной школы (занятия развивающего и профилактического характера могут проводиться студентами старших курсов, прошедшими специальную подготовку). Так, в настоящее время разработана психолого-педагогическая программа «Развитие исследовательских способностей и подготовка младших школьников к участию в научно-исследовательских и научно-практических мероприятиях» (автор – Тарасова Дарья, студентка 5 курса факультета психологии и дефектологии, научный руководитель Г. А. Винокурова, к. психол. наук, зав. кафедрой специальной и прикладной психологии, руководитель Центра); 2) консультирование педагогов по вопросам формирования универсальных учебных действий (метапредметных навыков и личностных качеств) у учащихся; 3) психологический мониторинг сформированности универсальных учебных действий у учащихся младших классов и разработка совместно с учителем индивидуальной траектории развития УУД у учащихся с низким уровнем их сформированности. В настоящее время разработаны и апробированы диагностические комплексы для учащихся 1–2 классов (автор – А. Н. Яшкова, к. психол. наук, сотрудник центра).

Особо востребованы практико-ориентированные направления и виды деятельности Центра: 1) индивидуальная и групповая диагностика познавательных способностей и личностных особенностей детей, подростков и взрослых; 2) диагностика профессиональных интересов и склонностей старшеклассников на этапе профессионального самоопределения; 3) тренинги по активизации профессионального самоопределения учащихся старших классов; 4) психологические тренинги для специалистов – практических психологов и для населения.

В настоящее время разработаны и готовятся к реализации:

1. Программа дополнительного образования «Тренинг личностного роста» для специалистов, оказывающих психологическую помощь населению.

2. Программа дополнительного образования для населения «В ожидании малыша: психологическая подготовка к ответственному родительству».

3. Тренинг для родителей выпускников «Психологическая подготовка к ЕГЭ».

4. Программы коррекции поведения и различных личностных проблем; программы, направленные на преодоление трудностей в учебной деятельности, развитие познавательных способностей школьников разных возрастов.

Таким образом, создание и развитие на базе МордГПИ инновационных структурных подразделений позволит существенно повысить эффективность решения задач, стоящих перед региональным образованием.

Список использованных источников

1. Винокурова, Г. А. Формирование психологических ресурсов личности, препятствующих злоупотреблению алкоголем в старшем школьном возрасте / Г. А. Винокурова, М. А. Кечина // «Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии», III Всерос. заоч. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии», 27 апр. 2011 г.: [материалы] / редкол.: Г. А. Винокурова [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 22–26.

2. Винокурова, Н. В. Инновационная модель практической подготовки будущего педагога / Н. В. Винокурова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 46–48

3. Изучение универсальных учебных действий первоклассников : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. А. Н. Яшкова ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – 81 с.

4. Карпунина, О. И. Факультет психологии и дефектологии: инно-вации и перспективы развития / О. И. Карпунина // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 28–31.

5. Комплексный проект модернизации региональной системы образования Республики Мордовия / Н. Е. Юткина, Т. Ф. Каргина, Е. П. Солдатова [и др.]. – М. : Эврика, 2008. – 128 с.

6. Правительство РФ. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации от 17.11.08 № 1662 [Электронный ресурс] // URL : http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 23.03.13).

7. Постановление Правительства РМ от 27.12.2010 № 519 «Об утверждении Республиканской целевой программы развития образования в Республике Мордовия на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс] // URL : http://regionz.ru/index.php?ds=1799361 (дата обращения: 17.02.13).

8. Самосадова, Е. В. Профилактика деструктивного взаимодействия участников образовательного процесса / Е. В. Самосадова, Н. Ф. Сухарева // Актуальные проблемы психологии и дефектологии : материалы Междунар. науч.-практич. конф. с элементами научной школы для молодых ученых посвященная 50-летию института «48-е Евсевьевские чтения», (2012 ; Саранск) / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Н. В. Рябовой, канд. психол. наук Г. А. Винокуровой ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – С. 135–139.

9. Самосадова, Е. В. Социально-психологический тренинг как средство снижения тревожности выпускников при подготовке к ЕГЭ / Е. В. Самосадова, Н. Ф. Сухарева // Педагогическая наука и практика: мировые, российские и региональные тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Осовские педагогические чтения», 14–15 окт. 2008 г. : в 4 ч. Ч. 4 / редкол.: Т. И. Шукшина [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – С. 223–227.

References

1. Vinokurova G. A., Kechina M. A. Formation of psychological resources of the personality interfering with the abuse of alcohol at the advanced school age,«Actual problems and prospects of development of modern psychology», the III All-Russian correspondence scientitic.-the practical conference «Actual Problems and Prospects of Development of Modern Psychology», 27 Apr. 2011: [materials] / редкол.: G.A. Vinokurova [etc.]. Mordov. state. ped. in-t. Saransk, 2011, pp. 22–26.

2. The study of universal educational activities graders: a teaching aid / avt.-comp. A.N. Yashkova, Mord. State. ped. Inst. Saransk, 2013, 81 p.

3. Vinokurova N. V. Innovative model of practical training of future teachers, TheHumanities and education, 2012. No. 2 (10), pp. 46–48.

4. Karpunina O. I. Department of Psychology and defectology: innovation and prospects, The Humanities and Education, 2012,No. 2 (10), pp. 28–31.

5. Yutkina N. E. , Kargina T. F., Soldatova E. P. and others. Comprehensive project to upgrade the regional educational system of the Republic of Mordovia. Moscow, Eureka, 2008, 128 p.

6. The Government of the Russian Federation. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation of 17.11.08 № 1662 [Electronic resource], URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662 (date of treatment: 23.03 .13).

7. Resolution of the Government of the Republic of Moldova 27.12.2010 № 519 «On approval of the Republican target program for the development of education in the Republic of Mordovia in 2011-2015» [Electronic resource], URL: http://regionz.ru/index.php?ds=1799361 (date of treatment: 02.17.13).

8. Samosadova E. P., Sukhareva N. F. Revention of destructive interaction between the participants of the educational process,Actual problems of psychology and defectology International scientific and practical conference with members of the scientific school for young scientists «48th Evsevevskiyechteniya» dedicated to the 50th anniversary of the Institute (2012, Saransk) [materials]. Ed. N. V. Ryabova, G. A. Vinokurova, Mord. State. ped. Inst. Saransk, 2012, pp. 135–139.

9. Samosadova E. V., Sukhareva N. F. Socio-psychological training as a means of reducing anxiety in preparing graduates for the USE, Education science and practice: the world, Russian and regional trends of the International Scientific-conference «Osovskiechteniya reading», 14–15 October. 2008: Ch 4 hours IV // Editorial Board. : T. I. Shukshina, Mord.. State. ped. Inst. Saransk, 2009, pp. 223–227.

Поступила 26.08.2012 г.

УДК 37.015.3
ББК 88.4

Лежнева Екатерина Александровна
ассистент
кафедра психологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
eklezzz@ya.ru

МОТИВАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩЕГО ПСИХОЛОГА К РАЗВИТИЮ СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА ПОДРОСТКОВ: СУЩНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация: В статье представлены результаты исследования мотивации достижения успеха подростков. Автор характеризует компоненты мотивационной готовности будущего психолога к развитию стратегии достижения успеха, привлекает внимание к необходимости подготовки будущих психологов для эффективного осуществления данного вида деятельности.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, мотивационная готовность, мотив достижения, подростковый возраст, жизненная стратегия, успешность.

Lezhneva Ekaterina Aleksandrovna
assistant
Departament of Psychology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

MOTIVATIONAL READINESS OF A FUTURE PSYCHOLOGIST FOR THE DEVELOPMENT OF THE STRATEGY OF ADOLESCENTS TO ACHIEVE SUCCESS: ESSENCE, CONDITION, PERSPECTIVES

Abstract: The article presents the results of the research of adolescents motivation to achieve success. The author examines the components of the motivational readiness of a future psychologist for the development of the strategy to achieve success, and draws attention to the need to prepare future psychologists for the effective implementation of the activity.

Key words: professional activity, motivational readiness, achievement motive, adolesctnct, life strategy, success.

Изменения в социально-экономической жизни обусловливают качественные преобразования процесса и результата личностного становления подрастающего поколения. Современные условия жизни обусловливают необходимость воспитания конкурентоспособного человека, активного, целеустремленного, успешного. Поэтому важно создавать условия, чтобы ребенок вырос именно таким, т. е. стимулировать развитие его стремления к успеху в учебно-познавательной, коммуникативной и других видах деятельности.

Подростковый возраст – это сложный и противоречивый период онтогенеза, особый этап в развитии социальной активности ребенка. Деятельность, которая обеспечивает наиболее интенсивное развитие активности подростка, должна отвечать его потребностям в самоутверждении и создавать условия для достижения им социальной успешности. Оптимизация социальной ситуации развития подростков во многом связана с мотивационным компонентом личности, в частности с мотивом достижения.

Для оценки уровня мотивации достижения современного подростка нами было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 125 учащихся 8-х классов (возраст – 14–15 лет). Исходя из цели исследования были подобраны следующие методики: «Диагностика личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса, «Диагностика личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса, «Потребность в достижении цели» Ю. М. Орлова. Анализ данных показал, что в исследуемой выборке подросткам свойственны следующие уровни мотивации достижения: *мотив достижения успеха* – слишком высокий – 6,4 %, высокий – 20 %, средний –34,4 %, низкий – 39,2 %; *мотив избегания*

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

неудачи – слишком высокий – 4 %, высокий – 37,6 %, средний – 35,2 %, низкий – 23,2 %; *потребность в достижении цели* – высокий – 28 %, средний – 32 %, низкий – 40 %. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство подростков имеют низкий уровень мотива достижений успеха (39,2 %), высокий уровень мотива избегания неудачи (37,6 %) и низкую потребность в достижении цели (40 %). Поэтому в подростковом возрасте становится актуальным развитие мотивации достижения, что также обусловлено и социальным заказом на высокомотивированную личность.

Говоря о развитии мотивации достижения, многие исследователи имеют в виду прежде всего формирование успешной жизненной стратегии (К. А. Абульханова-Славская [1]; А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов [9]; Т. Е. Резник, Ю. М. Резник [10]; С. Л. Рубинштейн [11]). Но для того, чтобы сформировать стратегию успешной жизнедеятельности учащихся подросткового возраста, необходима специальная систематическая работа субъектов педагогического процесса, в частности психолога образовательного учреждения, который осуществляет психолого-педагогическое сопровождение личностного развития подростков. Таким образом, изменившиеся потребности обусловливают возникновение новых требований к содержанию деятельности психолого-педагогических кадров с учетом современных реалий. Для решения обозначенной проблемы необходимо специально организованное обучение, подготавливающее студентов психолого-педагогического направления профессионального образова-ния к реализации деятельности по развитию стратегии достижения успеха подростков, в основе которой лежит овладение психотехнологиями, позволяющими эффективно решать задачи развития их жизненных ресурсов и потенциала. Но в рамках изучения данной проблемы встает вопрос о мотивационной готовности будущего психолога к проектированию и осуществлению указанного вида деятельности.

Формирование готовности студентов к профессиональной деятельности является одной из целей современного педагогического образования [3; 14]. Но следует отметить, что мотивационная готовность к деятельности сравнительно недавно стала предметом внимания исследователей и поэтому относится в психологии к той группе понятий, которые являются недостаточно разработанными. Многие авторы мотивационную готовность рассматривают как компонент психологической готовности к профессиональной деятельности (А. А. Деркач, Е. В. Селезнева, О. В. Михайлов [4]; М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович [5]; Н. Г. Логинова [7]; В. А. Сластенин [12]; С. А. Черкасова [13]). М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович рассматривают мотивационную готовность как потребность успешно выполнить поставленную задачу, интерес к деятельности, стремление добиться успеха и показать себя с лучшей стороны [5]. Е. П. Ильин обозначает мотивационную готовность как намерение, которое будет осуществлено при появлении соответствующих условий [6].

Мотивы тесно связаны с интеллектуальной, волевой, эмоциональной сторонами психики. «Интеллектуальное» влияет на содержательную, а «эмоциональное» и «волевое» в большей степени определяют регуляцию динамической стороны мотивации [8]. Ю. В. Варданян указывает, что стержнем развития профессиональной компетентности (системы внутренних профессионально-значимых свойств личности) является профессионально-значимая реально-действующая мотивация [2]. Следовательно, мотивационная готовность субъекта является одним из главных условий усвоения знаний, приобретения навыков и умений и в конечном счете развития профессиональных компетенций.

Мы рассматриваем **мотивационную готовность** студента – будущего психолога к развитию стратегии достижения успеха подростков как компонент психологической готовности к указанному виду деятельности, аккумулирующий побудительно-смысловые ресурсы и представляющий собой интегративное личностное образование, которое характеризуется осознанием цели предстоящей деятельности, стремлением овладеть психолого-педагогическими технологиями развития стратегии достижения успеха и реализовывать полученные компетенции в психолого-педагогической деятельности. Нами определены следующие *структурные компоненты мотивационной готовности будущего психолога к развитию стратегии достижения успеха подростков*: побудительно-целевой; личностно-волевой; знаниево-технологический; учебно-профессиональный, аксиологический. Охарактеризуем каждый компонент подробнее:

– *побудительно-целевой компонент* представляет собой осознание важности овладения студентом психологической основой развития указанного аспекта деятельности, наличие стойкого интереса и стремления ставить и достигать цели в области развития стратегии достижения подростков;

– *личностно-волевой компонент* отражает личностные характеристики – целеустремленность, решительность, инициативность (как показатели воли и способности к волевому напряжению и самоконтролю при планировании и осуществлении деятельности по развитию стратегии достижения успеха подростков), а также

стремления активно выполнять профессиональную задачу;

– *знаниево-технологический компонент* характеризуется намерением качественно освоить профессиональные знания в области мотивации достижения успеха и установкой овладеть психотехнологиями, обеспечивающими осуществление указанного направления деятельности;

– *учебно-профессиональный компонент* определяется положительным устойчивым отношением к предстоящей деятельности по развитию стратегии достижения успеха подростков, преобладанием профессиональных мотивов и установкой на реализацию полученных знаний и навыков в профессиональной деятельности;

– *аксиологический компонент* отражает доминирование мотива достижения успеха студентов и потребность в самоактуализации и самореализации, наличие мотива профессионального самосовершенствования как ценностной основы успешной профессиональной деятельности.

Развитие стратегии достижения успеха подростков выступает отдельным аспектом профессиональной деятельности психолога. От мотивационной готовности, развития профессионально важных личностных качеств и способностей будущего психолога зависит успех и результат профессиональной деятельности. Поэтому наиболее перспективным является решение следующих задач:

1) разработка диагностического инструментария оценки мотивационной готовности будущего психолога к развитию стратегии достижения успеха подростков;

2) поиск путей развития мотивационной готовности к указанному виду деятельности (психологическое оснащение дисциплин профессионального цикла, разработка дополнительных образовательных программ, внедрение психологического кружка и т. п.);

3) организация специального обучения студентов психолого-педагогического направления психотехнологиям, позволяющим эффективно решать проблему развития жизненных ресурсов и потенциала учащихся подросткового возраста;

4) создание условий для применения полученных умений в конкретной деятельности и приобретения опыта в развитии стратегии достижения успеха подростков в реальных жизненных ситуациях (при работе с подростками в рамках разных видов практики, волонтерской деятельности, детских оздоровительных лагерях и т. п.).

Таким образом, теоретический анализ, данные пилотажного исследования и опыт практической деятельности показывают, что мотивационная готовность к профессиональной деятельности становится ключевым звеном в подготовке кадров психолого-педагогического направления, обеспечивающая действенность побудительно-смысловых профессионально-значимых ресурсов профессиональной самореализации.

Список использованных источников

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.

2. Варданян, Ю. В. Изучение психологии в вузе на основе модели субъекта педагогической компетентности / Ю. В. Варданян // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электрон. науч. журн. – Май 2009, ART 1331 . – СПб., 2009 г. – URL : http://www.emissia.org/offline/2009/1331.htm.

3. Винокурова, Н. В. Инновационная модель практической подготовки будущего педагога / Н. В. Винокурова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 46–48.

4. Деркач, А. А. Готовность к деятельности как акмеологический феномен / А. А. Деркач, Е. В. Селезнева, О. В. Михайлов. – М. : РАГС, 2008. – 96 с.

5. Дьяченко, М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – Минск : БГУ, 1976. – 176 с.

6. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 512 с.

7. Логинова, Н. Г. Исследование профессиональной значимости мотивации студента-бакалавра психологии / Н. Г. Логинова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1. – С. 109–112.

8. Мешков, Н. И. Природа мотивации в контексте развития личности / Н. И. Мешков // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 1. – С. 87–91.

9. Реан, А. А. Психология адаптации личности / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.

10. Резник, Т. Е. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник. – М. : Союз, 1995. – 69 с.

11. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 424 с.

12. Сластенин, В. А. Аксиологические основания образования // Сластенин. – М. : МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – С. 187–195.

13. Черкасова, С. А. Современные проблемы психологической готовности к профессиональной деятельности педагогов-психологов / С. А. Черкасова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2009. – № 1. – С. 113–117.

14. Яшкова, А. Н. Субъектность как психологическая предпосылка развития карьерной компетентности / А. Н. Яшкова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 116–120.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow, Thought, 1999, 299 p.

2. Vardanyan Yu. V. The study of psychology at university on the basis of the model of the subject of pedagogical competence, Letters to the issue. Offline (The Emissia.Offline Letters): electronic scientific journal. May 2009, ART 1331 .SPb., 2009. URL: http://www.emissia.org/offline/2009/1331.htm .Gos.reg. 0420900031.USSN 1997-8588.

3. Vinokurova N. V. Innovative model of practical training of future teachers, TheHumanities and education, 2012. No. 2 (10), pp. 46–48.

4. Derkach A. A., Selezneva E. V., Mikhaylov O. V. Willingness to work as an acmeological phenomenon. Moscow, RAGS, 2008, 96 p.

5. Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. Psychological problems of preparedness activities. Minsk, Belarusian State University, 1976, 176 p.

6. Ilyin E. P. Motivatsiya i motivy. St. Petersburg, Piter, 2011, 512 p.

7. Loginova N. G. A study of the importance of professional motivation of the student-bachelor in psychology, The Humanities and education, 2011, No. 1 (5), pp. 109–112.

8. Meshkov N. I. Nature of motivation in the context of personal development, The Humanities and education, 2012, No. 1 (9), pp. 87–91.

9. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. Psychology adaptation of the person. St. Petersburg, Prime Evroznak, 2008, 479 p.

10. Reznik T. E., Reznik Yu. M. Life strategies of personality: the search of alternatives. Moscow, the Union, 1995, 69 p.

11. Rubinshteyn S. L. Problems of General Psychology. Moscow, Education, 1973, 424 p.

12. Slastenin V. A. Axiologicat bases of education. Moscow, Master of press, 2000, pp. 187–195.

13. Cherkasova S. A. Modern problems of psychological readiness for professional educational psychologists, Actual problems of psychological knowledge, 2009, No. 1, pp. 113–117.

14. Yashkova A. N. Subjectivity as a psychological premise of career development competencies, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 116–120.

Поступила 21.04.2013 г.

УДК 796.01:159.9(075.8)
ББК 88.4 я 73

Майдокина Людмила Геннадьевна
кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедра теоретических основ физического воспитания
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
lyda_maydokina84@mail.ru

Кудашкина Ольга Васильевна
кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедра психологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
kudashkinao@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ СУБЪЕКТА СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности. Авторами подробно раскрывается содержание направлений психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности: психологическая диагностика, психологическое консультирование, психолого-педагогическое развитие, психолого-педагогическая коррекция негативного психического состояния, психолого-педагогическая профилактика, психолого-педагогическое просвещение.

Ключевые слова: субъект, субъект спортивной деятельности, саморегуляция, психическая саморегуляция, психолого-педагогическое сопровождение.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Психолого-педагогическое сопровождение развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности» (Соглашение № 14.B37.21.0722).

Maydokina Lyudmila Gennadyevna
Candidate of Psychological Sciences,senior lecturer
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Kudashkina Olga Vasilyevna
Candidate of Psychological Sciences,senior lecturer
department of psychology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

CONTENTS OF THE DIRECTIONS OF PSYCHO-PEDAGOGICAL ACCOMPANIMENT OF THE DEVELOPMENT OF SELF-REGULATION OF A SPORTS ACTIVITY SUBJECT

Abstract: The article is dedicated to problem of the development samoregulyaciisubject to atheletic activity. The author in detail opens the contents of the directions psihologo-pedagogical accompaniment of the development samoregulyaciiи subject to atheletic activity: psychological diagnostics, psychological consultancy, psihologo-pedagogical development, psihologo-pedagogical correcting the negative psychic condition, psihologo-pedagogical preventive maintenance, psihologo-pedagogical enlightenment.

Key words: subject, sports activity subject, self-regulation, psychic self-regulation, psihologo-pedagogical accompaniment.

Обращение к проблеме психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности является своевременным и актуальным, поскольку высокие достижения в спорте зависят в том числе от развитой саморегуляционной системы. Умение регулировать собственное психическое состояние позволяет ее субъекту полноценно реализовать спортивный потенциал.

Важную роль в спортивной деятельности играет саморегуляция, которая представляет собой умение спортсмена контролировать проявления и причины возникшего состояния, создавать образы-представления спортивных ситуаций, концентрировать и переключать внимание на любые объекты, отвлекаться от воздействия отрицательных психогенных факторов и раздражителей, использовать словесные формулы и специальные приемы [3; 7; 9]. Поэтому важной задачей в подготовке спортсмена является формирование навыков саморегуляции неблагоприятных психических состояний.

В психологических работах значительное внимание уделено проблеме психолого-педагогического сопровождения. Исследователями разработана как сама дефиниция «психолого-педагогическое сопровождение», так и предложено ее содержательное наполнение. М. Р. Битянова сопровождение рассматривает как систему создания социально-психологических условий для максимального личностного развития и обучения [2]; по мнению Э. М. Александровской, психолого-педагогическое сопровождение – особый вид помощи ребенку, обеспечивающей его развитие в условиях образовательного процесса [1]. Л. Г. Субботина под психолого-педагогическим сопровождением понимает систему профессиональной деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса (психолог, учитель), направленную на создание социальных, психолого-педагогических условий для успешного обучения и личностного развития ребенка, совершенствование педагогического мастерства учителя, формирование субъект-субъектных отношений и адаптации ребенка в социуме [8].

Психолого-педагогическое сопровождение развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности рассматривается нами как система мероприятий, осуществляемых психологом и тренером, направленных на оказание поддержки и создания необходимых психолого-педагогических условий формирования и развития саморегуляции в спортивной деятельности.

Нами разработана модель психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности, состоящая из нескольких взаимосвязанных блоков:

– *целевой:* включает развитие саморегуляции субъекта спортивной деятельности в условиях психолого-педагогического сопровождения;

– *содержательный:* определяет содержание основных направлений психолого-педагогического сопровождения: психологическая диагностика, психологическое консультирование, психолого-педагогическое развитие, психолого-педагогическая коррекция негативного психического состояния, психолого-педагогическая профилактика, психолого-педагогическое просвещение;

– *организационный:* включает реализацию психолого-педагогического сопровождения через проведение специализированного курса «Психическая саморегуляция в спорте»,

в ходе учебно-тренировочной и соревновательной деятельности, в переходный (восстановительный) период;

– *развивающий:* состоит из психолого-педагогических условий эффективного развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности;

– *процессуальный:* содержит этапы развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности (первый этап – актуализация и расширение знаний о способах саморегуляции в спортивной деятельности, второй – осознание значимости применения навыков соморегуляции для эффективности спортивной деятельности, третий – применение выработанных навыков саморегуляции в спортивной деятельности);

– *результативный:* представлен критериями сформированнности навыков саморегуляции субъекта спортивной деятельности (осознанность в управлении произвольной активностью, адекватность применения способов саморегуляции, гибкость регуляторных возможностей, надежность и устойчивость регуляторных навыков) и уровни развития саморегуляции (низкий, средний, высокий) [4].

Особое значение в модели уделено содержательному блоку, поскольку он включает конкретное содержательное наполнение психолого-педагогического сопровождения.

Далее представим содержательное обоснование каждого направления психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности.

Психологическая диагностика ориентирована на выявление уровня сформированности у спортсмена навыков саморегуляции и знаний в области психорегуляции. Для этого в работе были использованы методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения», модифицированная специально для спортсменов, а также анкета. Методика состоит из 46 утверждений и работает как единая шкала «Общий уровень саморегуляции», которая характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности спортсмена. Утверждения опросника входят в состав шести шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также регуляторно-личностными свойствами: гибкости и самостоятельности [6]. Данная методика позволит оценить наличный уровень сформированности навыков саморегуляции субъекта спортивной деятельности и наметить пути дальнейшей целенаправленной работы по развитию и совершенствованию указанных навыков.

С целью выявления знаний о психической саморегуляции и методов психорегуляции в спорте, интереса к получению дополнительной информации по психорегуляции и желания овладеть навыкам саморегуляции психического состояния в спорте нами разработана анкета. Она позволит получить ценные данные об имеющихся знаниях в области саморегуляции в спорте, раскрыть интерес и желание спортсмена к овладению навыками психической саморегуляции с целью качественного осуществления спортивной деятельности.

Психологическое консультирование представляет собой важное направление в психолого-педагогическом сопровождении развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности, подразумевающее работу со спортсменами, направленную на освоение ими способов саморегуляции и устранение негативного эмоционального состояния. Современная психологическая практика показывает, что данный вид деятельности является весьма востребованным у спортсмена. Консультирование спортсмена по поводу развития навыков саморегуляции должно начинаться с определения субъектом спортивной деятельности проблемы, которая повлекла необходимость обращения к специалисту. Результатом консультирования должно стать осознание спортсменом психологических трудностей, которые препятствуют качественному выполнению деятельности, желание преодолеть эти трудности и даже выработать собственные механизмы саморегуляции неблагоприятных психических состояний. Профессиональное консультирование поможет спортсмену определить траекторию дальнейшего самосовершенствования и с помощью собственных психических резервов реализовать спортивный потенциал.

Психолого-педагогическое развитие как направление психолого-педагогического сопровождения представляет собой целенаправленную работу со спортсменом, направленную на развитие навыков саморегуляции в условиях учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

Значительными резервами для развития навыков саморегуляции спортсмена обладает разработанная нами программа «Психическая саморегуляция в спорте», оснащенная изданным учебным пособием [4]. Данная программа направлена на развитие навыков саморегуляции неблагоприятных психических состояний в спорте. Она представлена теоретической и практической частями, которые взаимообусловлены и взаимозависимы. Теоретическая часть предполагает формирование психологических

знаний, необходимых для эффективного овладения навыками психической саморегуляции (понятие, виды предстартовых эмоциональных состояний, методы и способы саморегуляции психического состояния и др.). Практическая часть ориентирована на выработку конкретных умений и навыков, необходимых для качественного осуществления спортивной деятельности (умение управлять собственным эмоциональным состоянием в спорте, умение регулировать агрессивность и др.).

В процессе учебно-тренировочной деятельности спортсменом на практике применяются и отрабатываются полученные в ходе освоения программы «Психическая саморегуляция в спорте» навыки саморегуляции, а в условиях соревновательной деятельности оценивается их результативность.

Спортивная деятельность связана с повышенным нервно-психическим напряжением, которое может привести к «сбоям» в саморегуляционной системе. В этой ситуации необходима психолого-педагогическая коррекция негативного психического состояния, представляющая собой его исправление. В этой ситуации требуется особый подход, поскольку неправильно организованный процесс коррекции может привести к ликвидации уже имеющегося опыта саморегуляции спортсмена.

Психолого-педагогическая профилактика направлена на предупреждение негативного эмоционального состояния в спортивной деятельности. Она предполагает: 1) создание в спортивной среде необходимых психолого-педагогических условий, обеспечивающих благоприятное психическое состояние спортсмена; 2) своевременное выявление неблагоприятных психологических состояний спортсменов, которые могут привести к отрицательным результатам на соревнованиях; 3) предупреждение возможного возникновения неблагоприятного эмоционального состояния в спортивной деятельности.

В учебно-тренировочном процессе психолого-педагогическая профилактика может осуществляться как с отдельными спортсменами, командой спортсменов, так и с тренером.

Психолого-педагогическое просвещение внедряется в учебно-тренировочный процесс, с целью приобщения спортсменов и тренеров к психологическим знаниям. Основные задачи психолого-педагогического просвещения в области психической саморегуляции: 1) актуализация проблемы возникновения неблагоприятных эмоциональных психических состояний в спорте (тревога, страх, монотония, стресс, психическое перенасыщение, неуверенность, фрустрация, агрессия, апатия, предстартовая лихорадка) и их влияние на результат деятельности; 2) расширение знаний спортсменов и тренеров о способах психической саморегуляции; 3) осознание значимости применения навыков психической саморегуляции для эффективности спортивной деятельности; 4) формирование потребности в применении навыков психической саморегуляции в спорте.

К формам психолого-педагогического просвещения можно отнести лекции, беседы, семинары, выставки, подборка специальной литературы и др. Важно, чтобы они наглядно показывали, что полученные психологические знания в области психической саморегуляции имеют непосредственное отношение к успешной подготовке и реализации спортивного потенциала.

Охарактеризованные направления формируют целостное представление о процессе психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности, при содержательном наполнении которых были учтены особенности субъекта и его деятельности. Внедрение названных направлений обеспечит освоение спортсменом навыков психической саморегуляции, которые позволят качественно на ином уровне осуществлять спортивную деятельность.

Список использованных источников

1. Александровская, Э. М. Психологическое сопровождение школьников / Э. М. Александровская, Н. И. Кокуркина, Н. В. Куренкова. – М. : Академия, 2002. – 208 с.

2. Битянова, М. Р. Организация психологической работы в школе / М. Р. Битянова. – М. : Совершенство, 1997. – 298 с.

3. Варданян, Ю. В. Изучение психологии в вузе на основе модели субъекта педагогической компетентности / Ю. В. Варданян // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электрон. науч. журн. – Май 2009, ART 1331 . – СПб., 2009 г. – URL : http://www.emissia.org/offline/2009/1331.htm.

4. Майдокина, Л. Г. Модель психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности / Л. Г. Майдокина // Казанская наука. – № 10. – 2012. – С. 267–271.

5. Майдокина, Л. Г. Психическая саморегуляция в спорте : учеб. пособие / Л. Г. Майдокина, Н. П. Кондратьева ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – 113 с.

6. Моросанова, В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) / В. И. Моросанова. – М. : Когито-Центр, 2004. – 44 с.

7. Сетяева, Н. Н. Психическая саморегуляция в подготовке спортсменов высокой квалификации циклических видов спорта : монография / Н. Н. Сетяева, А. В. Фурсов. – Сургут : РИО СурГПУ, 2010. – 196 с.

8. Субботина, Л. Г. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности учащихся в образовательном процессе : монография / Л. Г. Субботина. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. – 152 с.

9. Яшкова, А. Н. Субъектность как психологическая предпосылка карьерной компетентности / А. Н. Яшкова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 116–119.

References

1. Aleksandrovskaya E. M. Psychological accompaniment of a schoolboy. Moscow, Academy, 2002, 208 p.

2. Bityanova M. R. Organization of the psychological work in school. Moscow, Perfection, 1997, 298 p.

3. Vardanyan Yu. V. The study of psychology at the university based on the model of the subject of pedagogical competence, Letters to the issue. Offline (The Emissia.Offline Letters): electronic scientific journal. May 2009, ART 1331 . SPb., 2009. URL: http://www.emissia.org/offline/2009/1331.htm . Gos. reg. 0420900031. USSN 1997-8588.

4. Majdokina L. G. Model of a psyho-pedagogical accompaniment of the development of self-regulation of the subject in sports activity, Kazanskaya nauka, 2012, No. 10, pp. 267–271.

5. Majdokina L. G. Psychic self-regulation in sport : ucheb. Allowance. Saransk, Mordov. gos. ped. in-t., 2012, 113 p.

6. Morosanova V. I. Oprosnik «Style self-regulation behaviours» (SSPM). Moscow, Kogito-Centre, 2004, 44 p.

7. Setyaeva N. N. Psychic self-regulation in preparation of an athlete to high qualification round-robin sports : monograph. Surgut, RIO SURGPU, 2010, 196 p.

8. Subbotin L. G. Psycho-pedagogical support of the personality development of the students in the educational process : monograph. Tomsk, Izd-in TGPU, 2008, 152 p.

9. Yashkova A. N. Subjectivity as a psychological premise career competencies, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 116–119.

Поступила 12.03.2013 г

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316(045)
ББК 87.6

Кадакин Василий Васильевич
ректор, кандидат педагогических наук, доцент
кафедра менеджмента и экономики образования
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
reception@mordgpi.ru

Мартынова Елена Анатольевна
доктор философских наук, профессор
кафедра философии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
martynovaelena56@mail.ru

Зейналов Гусейн Гардаш оглы
доктор философских наук, профессор
кафедра философии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
zggo@mail.ru

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА*

Аннотация: Весь мировой исторический опыт доказывает: уровень развития демократии зависит от того, в какой степени развито гражданское общество, а стабильность демократического процесса – от того, в какой мере политические институты отражают потребности гражданского общества, своевременно реагируют на протекающие в нем процессы. Россия – не исключение. Судьба демократии в стране определяется в конечном счете формированием зрелого гражданского общества. Это – краеугольный камень фундамента российского парламентаризма. Для реализации гражданских идеалов в России требуются радикальные трансформации в самом обществе. Должны произойти перемены в гражданской культуре общества и формирование высокой парламентской культуры у представителей партийной элиты. Здесь многому России следует учиться, вырабатывать собственный цивилизационный опыт.

Ключевые слова: гражданское общество, разделение властей, парламентаризм, политическая партия, демократия.

Kadakin Vasily Vasilyevich
Rector, Candidate of the Pedagogical Sciences, Dotsent
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Martynova Elena Anatolyevna
Doctor of Philosophycal Sciences, Professor
Departament of Philosophy
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Zeynalov Guseyn Gardash Ogly
Doctor of Philosophycal Sciences, Professor
Departament of Philosophy
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

CULTURAL DIMENSION OF CIVIL SOCIETY AND PARLIAMENTARISM

Abstract: The historical experience of thew hole world proves that the level of democracy depends on the extent of the development of civil society, and the stability of the democratic process depends on the extent to which political institutions reflect the needs of civil society, timely react to the processe staking place in it.

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

Russia is not an exception. The fate of democracy in the country is eventually determined, ultimately, by the formation of a mature civil society.This is the cornerst one of the foundation of the Russian parliamentary system. Radical transformation of the society is required to implement civil ideals in Russia. Changes in the culture of civil society and the formation of high parliamentary culture of the representatives of the party elite should take place. Russia should learn much in this sphere; should develop its own civilizational experience.

Key words: civil society, separation of powers, parliamentary system, political party, democracy.

Конец XX и начала XXI веков является переломным в жизни российского общества. Страна стремительно интегрируется в экономическое и культурное пространство мирового сообщества [2]. Полная реализация этой задачи невозможна без демократизации и становления гражданского общества. «Весь мировой исторический опыт доказывает: уровень развития демократии зависит от того, в какой степени развито гражданское общество, а стабильность демократического процесса – от того, в какой мере политические институты отражают потребности гражданского общества, своевременно реагируют на протекающие в нем процессы. Россия – не исключение. Судьба демократии в стране определяется в конечном счете формированием зрелого общества. Это – краеугольный камень фундамента российской демократии» [6, с. 97–98].

Основными условиями функционирования демократического государства в России являются:

- верховенство закона, но не в качестве социального идеала, а как силы, объединяющей общество вокруг общепризнанных человеческих ценностей, таких как демократия, гуманизм, права человека, гражданственность и др.;
- разделение властей, четкое разграничение функций каждой из ветвей государственной власти, создание системы регулирования работы государственного механизма;
- определение места партий и движений в политической системе;
- разработка механизма взаимоотношений центральных государственных органов с регионами;
- создание системы контроля за государственным аппаратом со стороны гражданского общества;
- конституционное решение противоречий в системе «индивид – общество – государство». Перспективность этого пути развития объясняется тем, что правовое государство является не просто удачной моделью, а тем, что оно давно уже стало принципом культуры и структуры современного общества. Важную роль в этом процессе играет парламентаризм как феномен политической и правовой культуры. В данном случае парламентаризм представляет собой систему организации государства, при которой четко разграничены функции законодательных и исполнительных властей при привилегированном положении парламента – высшего представительного и законодательного органа.

История парламентаризма уходит в глубину веков. Органы народного представительства существовали еще в древних государствах, таких как Древний Рим, Греция. Это могло быть народное собрание, совет старейшин, Сенат (Древний Рим), Комиции (народное собрание в Древнем Риме), вече (Новгород, Псков), курултай (монголы) и т. п. В Средние века получила распространение сословно-представительная система: роль, схожую с ролью парламента, играли органы, состоявшие из представителей различных сословий. Это – Генеральные штаты во Франции, Кортесы в Испании.

Самыми древними парламентами в мире считаются парламенты Острова Мэн (Тинвальд, создан в 979 году) и Исландии (Альтинг – X век). Родиной современного парламентаризма считается Англия, где в XIII веке король Иоанн Безземельный подписал «Великую хартию вольностей». Великобритания – первая страна, где парламент принял на себя всю полноту власти. Благодаря революции XVII века в Англии парламент из второстепенного органа, призванного сглаживать конфликты между властью и народом, превратился в высший государственный орган. Британская парламентская система стала своеобразной моделью для многих стран мира.

К народному представительству на основе выборности в Древней Руси люди стремились с глубокой древности. В Новгороде и Пскове, Москве и Рязани, Киеве и Владимире собиралось народное собрание (вече). Как действующий орган в России парламентаризм связан с Земским собором (Совет всей земли) как высшим сословно-представительским учреждением Российского царства, который регулярно созывался с середины XVI до конца XVII века (1549 год Иван IV «Собор примирения») и т. д. В период царствования Михаила Романова деятельность земских соборов была наиболее интенсивна. При Петре I элементы парламентаризма были упразднены.

По сути, парламентаризм как элемент политической культуры в России формируется только в XX веке и представлен: деятельностью

Государственной Думы 1906–1914 гг.[1], Советов 1917–1989 гг., Верховного Совета периода 1989–1993 гг., современного российского парламента – Федерального Собрания Российской Федерации.

Государственная Дума первого-четвертого созывов в 1906–1917 гг. не смогла значительно изменить природу существовавшего тогда в России государственного устройства власти. Государственная дума в России была номинальным законодательным органом. Реально законодательный процесс оставался прерогативой императора. Однако появились такие важные политические институты, как выборы, фракции, парламентская трибуна и гласность.

Следующий этап – Советы 1917–1989 гг. также не являлись представительными органами в современном понимании. В России в период с октября 1917 г. по октябрь 1989 г. сложилась не имеющая аналогов в развитых странах система органов государственной власти. С формально-юридической точки зрения съезды Советов (позже – Верховные Советы) РСФСР являлись законодательными органами государственной власти, однако целый ряд элементов их правового положения противоречил статусу законодательного органа в общепринятом смысле, а именно отсутствие принципа разделения властей.

Верховный Совет 1989–1993 гг. в Конституции РСФСР 1978 г. [4] не был назван парламентом, однако из всех представительных органов, сформированных за всю советскую историю, он единственный более или менее приблизился по своим характеристикам к статусу законодательного органа в общепринятом представлении. Альтернативные выборы, отсутствие партийного диктата, рост политической активности населения, вызванный «перестроечными» процессами, – все это говорит в пользу Верховного Совета.

Однако были и недостатки:

– недемократичный порядок формирования Верховного Совета. В соответствии со ст. 107 Конституции Верховный Совет формировался не электоратом, а съездом народных депутатов из его состава. В данном случае можно говорить о попытке партийно-государственной бюрократии воспроизвести традиционную для нашей страны двуединую систему законодательных органов: съезд Советов – ВЦИК, Верховный Совет – Президиум, съезд народных депутатов – Верховный Совет. Сохранялось также повышенное влияние КПСС на формирование части депутатского корпуса;

– полномочия Верховного Совета были ограничены по сравнению с полномочиями Съезда. Съезд являлся по Конституции высшим органом государственной власти и был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Союза ССР (ст. 108) [3]. Верховный Совет СССР определялся как постоянно действующий законодательный и контрольный орган государственной власти СССР, избираемый съездом из числа народных депутатов СССР и ему подотчетный (ст. 111);

– непоследовательность реализации принципа разделения властей в конструкции «Съезд – Президент». А поскольку в стране на основании решения референдума 1990 г. был учрежден пост президента, по логике он должен был избираться съездом народных депутатов. Но в соответствии со ст. 121–3 президент избирается гражданами на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права.

Важным элементом парламентаризма является наличие политических партий, которые приобретают в парламенте представительские функции. Политические партии в ходе выборов получают определенное количество мест в парламенте, что позволяет им участвовать в формировании и работе правительства, то есть реально влиять на развитие страны. В России политические партии стали формироваться в начале XX века, но этот процесс был прерван Октябрьской революцией 1917 года, когда была установлена жестко однопартийная система, основанная на абсолютном господстве коммунистической партии.

В новой, постсоветской России, в 90-е – начале 2010-х годов происходит бурный процесс формирования многочисленных партий. В действующей Конституции Российской Федерации 1993 года не содержится определения того, что должна представлять собой политическая партия. Это во многом привело к спорам о месте и роли этого важнейшего института современного гражданского общества и парламентаризма. Только в 2001 году был принят Федеральный закон «О политических партиях» [8], где было закреплено понятие политической партии как общественного объединения, созданного в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества. Парламент избирается на свободных выборах с участием политических партий. При этом устанавливаются юридические рамки деятельности партий и

[1] До 1917 года царская Россия была, как известно, не федерацией, а империей, в которой, однако, некоторые ее части пользовались высокой степенью самостоятельности (Финляндия, Область войска Донского, среднеазиатские ханства и др.), что было обусловлено историей их присоединения к российскому государству.

одновременно создается общая схема взаимоотношений политических партий и российского государства в целом.

Парламент выступает как место выработки стратегии перехода к демократии и является непосредственным участником этого процесса. Парламенту принадлежит значимая роль на всех этапах демократического транзита – либерализации автократии, демократизации и консолидации демократии. В современной России эти процессы по объективным причинам проходят очень медленно.

Россия – страна с традиционно мощной вовлеченностью государства в хозяйственную, социальную и политическую жизнь. Становление гражданского общества, его институтов – длительный процесс. В ближайшее время в России вряд ли появится полноценное гражданское общество и реально действующие структуры парламента. С целью защиты прав граждан вполне реальные функции обретает в современной российской истории общественная палата – структура, которая, не будучи гражданским обществом, выполняет его функции. Такая система, помогающая гражданам научиться защищать свои права, перспективна для России. При такой системе права меньшинства уважаются и гарантируются, но интересы большинства в определенной мере являются ведущими и господствующими.

Современная Россия переживает сложный период развития. В целом приходится признать, что у нас развитой, стабильной партийной системы (наподобие тех, что действуют в старых демократиях Запада) не существует. Становится все более очевидным, что взятые из опыта западноевропейского развития классические демократические институты и механизмы в России или не работают, или приводят к непредвиденным результатам. Так, не сложилось в России эффективной системы разделения властей. Проблемными категориями по-прежнему остаются федерализм и парламентаризм, отечественные партии по сей день остаются больше мнимыми, нежели реальными величинами, и так далее. В подобной ситуации оказался наиболее удачным политический центризм Единороссов в парламенте, который выступает стабильной основой партийно-политической системы.

Центризм в России квалифицируется исключительно как стремление избежать крайностей, занять срединную позицию в тех или иных вопросах, желание притормозить реформаторские проекты «левых» и «правых» сил. В разные годы позиционировали себя как центристские политические организации Демократическая партия России, движение «Наш дом – Россия», Блок Ивана Рыбкина, партия «Единство», движение «Отечество – вся Россия» и мн. др. На первый взгляд, обилие партий и организаций с центристскими позициями должно было развивать и укреплять политический «центр» российской многопартийности. По большому счету центризм «единороссов» строится сегодня на популярности президента В. В. Путина (по данным ВЦИОМ, деятельность главы государства сегодня одобряют более 65 % россиян), который как глава государства призван ориентироваться на интересы разных слоев населения [1].

Это во многом и объясняет преобладающее влияние в федеральном и региональных парламентах партии «Единая Россия», на которую опирается нынешнее политическое руководство страны. Типичный в этом отношении пример представляет Государственное собрание Республики Мордовия, в котором «Единая Россия» вообще является единственной организационно оформленной партийной фракцией.

Будучи правящей партией, «Единая Россия» определяет курс развития страны. В связи с этим уместной и обоснованной представляется трактовка партийной дисциплины, сформулированная премьер-министром Д. А. Медведевым, согласно которой внутри правящей партии могут и даже должны быть дискуссии по частным, тактическим вопросам, но партия должна быть единой в программе стратегического развития России, в том числе в таких вопросах, как территориальная целостность страны, ее экономическое процветание, вопросы образования, здравоохранения и т. д.

В любом парламенте, в том числе и в мордовском, должна четко действовать связь депутатов с избирателями. Независимо от партийной принадлежности депутаты должны быть подотчетны перед людьми по вопросам решения реальных и конкретных проблем. Сам парламент должен быть не полем политической борьбы, не объектом лоббирования узких интересов отдельных групп общества или отдельных регионов, а прежде всего, инструментом формирования эффективной политики, в основе которой лежат интересы всей страны.

Для развития российского парламентаризма коренные преобразования должны произойти в мышлении российского человека. Демократия не сводится к принципам и нормам политики, тем более к лозунгам. Она воплощается в институтах, отношениях, культуре, которые не висят в воздухе, а коренятся в своей первооснове – в гражданском обществе. Исторический опыт свидетельствует, что развитие демократии и уровень гражданской культуры в обществе тесно взаимосвязаны. Устойчивость

демократических процессов в стране определяется тем, насколько своевременно и позитивно политические институты реагируют на потребности гражданского общества. Данные процессы идут и в политической жизни России. Зрелость гражданского общества определяет сущность демократических процессов в стране и формирует фундамент российского парламентаризма. Мы согласны с мнением А. П. Кочеткова: «Гражданское общество – это система внегосударственных общественных отношений и институтов, дающая возможность человеку реализовать его гражданские права и выражающая разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества» [5, с.12].

Для реализации гражданских идеалов в России требуются радикальные трансформации в самом обществе [7]. Должны произойти перемены в гражданской культуре общества и формирование высокой парламентской культуры у представителей партийной элиты.

В узком смысле слова под «парламентской культурой» можно понимать публичное поведение депутатов в парламенте, регламентируемое и регулируемое парламентским регламентом, традициями поведения в законодательном органе, комиссией по парламентской этике, если таковая предусмотрена регламентом. В широком смысле слова парламентская культура – это часть политической культуры общества в целом. Это – система взглядов, убеждений, ценностных ориентаций личности, группы или общества в целом на политику. Здесь многому России следует учиться, вырабатывать собственный цивилизационный опыт.

Список использованных источников

1. ВЦИОМ: «Владимир Путин: итоги года на посту главы государства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : // http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1024312-echo/

2. Зейналов, Г. Г. Философское значение концепции устойчивого развития / Г. Г. Зейналов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 51–55.

3. Конституция (основной закон) СССР от 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tarasei.narod.ru/konst1977.htm.

4. Конституция (основной закон) РСФСР 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dslov.narod.ru/txt/t8.htm.

5. Кочетков, А. П. Россия на пороге XXI века / А. П. Кочетков. – М. : Христ. изд-во, 1998. – 188 с.

6. Красин, Ю. А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу / Ю. А. Красин // Полис. – 1992. – № 5–6. – С. 97–105.

7. Потапова, Л. А. Функции гражданского общества по предотвращению проявлений экстремизма в молодежной среде / П. А. Потапова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 102–104.

8. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144419

References

1. ARPORC: «Vladimir Putin:results of the yearat the head ofthe State» // http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1024312-echo/

2. Zeynalov G. G. Pphilosophical significance of the concept of sustainable development, The Humanities and Education, 2011, No.1 (5), pp. 51–55.

3. The Constitution (Basic Law) of the USSR from October 7, 1977 // http://www.tarasei.narod.ru/konst1977.htm

4. The Constitution (Basic Law) of the RSFSR in 1978 // http://dslov.narod.ru/txt/t8.htm

5. Kochetkov A. P. Russia on the verge of the XXI century M., Christ. Publishing House, 1998, 188 p.

6. Krasin Yu. A. Long Road to Democracyand Civil Society, Polis, 1992, No. 5– 6, pp. 97–105.

7. Potapova L. A. Functions of civil societyfor the prevention of extremism among young people, The Humanities and Education, 2011, No. (7), pp.102–104.

8. The Federal Law of July 11, 2001№95-FZ «On political parties» // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144419

Поступила 26.04.2013 г.

УДК 1/14
ББК 87.3

Салимов Раиль Халибович
аспирант
кафедра философии и социологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Елабужский институт, г. Елабуга, Россия

Салимова Дания Абузаровна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и контрастивного языкознания
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Елабужский институт, г. Елабуга, Россия
daniya.salimova@mail.ru

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ АВИЦЕННЫ НА РАЗВИТИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ВЗГЛЯДОВ К. НАСЫРИ

Аннотация: В статье речь идет о влиянии великого восточного ученого Авиценны на развитие татарской просветительской мысли и философских воззрений Каюма Насыри. Такая связь ощущается во взглядах на человека как субъекта познания и воспитания, поэтическом видении мира и в литературном творчестве. Для Каюма Насыри, как и для Авиценны, характерны широта интересов и кругозора, энциклопедизм знаний, рассмотрение философии, педагогики, поэтического творчества и медицины в тесном единстве.

Ключевые слова: история философии, татарские просветители, человек, воспитание, знания, поэтика.

Salimov Rail Khalibovich
Post-graduate student
Department of Philosophy and Sociology
Kazan Federal University, Yelabuga, Russia

Salimova Daniya Abuzarovna
Doctor of Philological Science, professor
Head of Russian Language Department
Kazan Federal University, Yelabuga, Russia

THE ROLE AND INFLUENCE OF PHILOSOPHICAL VIEWS ON AN AVICENNA HUMAN ON THE DEVELOPMENT OF KAYUM NASYRI' EDUCATIONAL VIEW

Abstract: The article deals with the influence of Avicenna, a great Oriental scientist, on the development of Tatar enlightening thought and philosophical views of Kayum Nasyri. Such a connection is seen in the views of a human as a subject of knowledge and education, poetic vision of the world and in his literary work. Kayum Nasyri and Avicenna have similar breadth of interests and outlook, knowledge encyclopedism, the consideration of philosophy, pedagogy, poetry and medicine in a close unity.

Key words: history of philosophy, Tatar enlighteners, man, education, knowledge, poetics.

Основной целью исследования, результатам которого посвящена данная статья, является интерпретация, экспликация категории «человек-личность» на основе системного анализа социально-философских концепций татарской просветительской мысли, в частности ее крупнейшего представителя Каюма Насыри. Мы исходим из положения о том, что Россия XIX века переживала переходную эпоху, во многом схожую с современным этапом развития. Ныне, в период очередной резкой ломки устоявшихся идеологических, социально-политических и экономических принципов, весьма важно учитывать опыт мыслителей прошлых веков. Совершенно очевидно, что многие идеи этих мыслителей имеют не только узкоспециальный интерес. Они могут оказать свое воздействие на выработку новой концепции развития современного российского общества, особенно сегодняшней татарской научной элиты, ищущей свой путь в сегодняшнем сложном и противоречивом научном пространстве [10, с. 95]. Многие идеи мыслителей XIX века могут быть использованы в современной философии России. Актуальный

взгляд мыслителей, татарских просветителей-философов XIX века на типологию личности, безусловно, является важным для понимания и анализа процессов, происходящих в сегодняшней России.

Подготовительный этап исследования позволил нам ознакомиться с первоисточниками, т. е. с работами Я. Г. Абдуллина, Р. М. Амирханова, Р. Ф. Мухаметдинова, А. Н. Юзеева, Ф. М. Султанова, Т. К. Ибрагима, Р. М. Мухаметшина, Р. С. Хакимова, М. М. Хасанова и др., в которых освещены и систематически изложены различные аспекты татарской общественной мысли с многообразием ее социальных, политических, этических и иных проблем. Серьезные труды, увидевшие свет в последние годы, среди которых «Очерки истории татарской общественной мысли» (научный редактор Р. М. Амирханов) (2000), «Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте» Т. К. Ибрагима, Ф. М. Султанова, А. Н. Юзеева (2002), «Проблема человека в трудах татарских богословов» Лейлы Тухватуллиной (2003), «Татарские интеллектуалы: исторические портреты (научный редактор Р. М. Мухаметшин) (2005) и «Философская мысль татарского народа» А. Н. Юзеева (2007) и др., послужили для нас не только теоретической базой, но и стимулом для дальнейших поисков.

Тем не менее далеко не все аспекты становления и развития татарской философской мысли нашли адекватное отражение и научное описание в специальной литературе. Особенно это положение справедливо по отношению к теме связей и истоков мыслей татарских философов-просветителей с древневосточными учеными, корифеями арабо-мусульманской философии. «А на мусульманский мир влияние идей Ибн Сины, Ибн Араби, Сухраварди, Ал-Газали прослеживается в той или иной степени вплоть до 20 века», – справедливо писал А. В. Журавский [3]. Имя Ибн Сины стало бессмертным и встало в один ряд с именами великих мыслителей древности, для которых была характерна широта интересов и кругозора. Энциклопедизм знаний в то же время – это одна из черт классического Просвещения, впитавшего в себя много прогрессивных идей древних мыслителей.

Совсем недавно вышел на экраны фильм «Авиценна», что еще раз свидетельствует, насколько высок интерес человека к его личности, оказавшей влияние не только на восточную и на западную культуру, но и на науку в целом (то, что, например, сегодняшняя медицина своим становлением обязана именно Авиценне, признают и ученые всего мира). В Бухаре в 1990 году открыт медицинский институт, названный в честь **Абу** Али ибн **Сина**.

О Каюме Насыри, об энциклопедическом уме талантливого представителя татарского народа написано и сказано много. Историк, фольклорист, языковед, этнограф, педагог, литератор, переводчик, он был по духу и энциклопедическому уму очень близок к Ибн-Сине. Великий татарский просветитель одним из первых внедрил в массы основы многих наук, знания, культуры и прогресса, твердо веря в силу разума человека, величие наук и нравственного воспитания личности. Насыри жил в XIX веке, в период, когда общество России, народы оказались свидетелями огромных перемен в общественно-экономической, политической, культурно-духовной жизни. И именно в плане революционных теорий в философских воззрениях татарских ученых 19-го века по-новому можно осмыслить и оценить тот вклад в науку о человеке, о его воспитании, что было подарено человеческому обществу еще в начале тысячелетия, то есть много сотен лет тому назад. Мысли Авиценны, особенно его слово о человеке и о его знаниях, о ценности нравов в той или иной мере экстраполированы в философско-поэтических строках Каюма Насыри. Совершенно восхищает при этом то обстоятельство, что по некоторым суждениям великий древний философ-ученый Авиценна был намного ближе к сегодняшнему знанию о человеке. Известные труды Авиценны «Книга знания», «Указания и наставления», «Книга спасения» вошли в историю философии и логики не только как комментарии древнегреческих философов (как иногда это преподносится в западной науке), а как оригинальное и значимое слово в мировой науке. Заслуживает научного внимания тот факт, что даже названия книг Каюма Насыри «Книга о воспитании», «Плоды собеседования», «Тридцать проповедей» есть отражение влияния великого восточного мудреца.

Именно благодаря Авиценне, воспринявшему и развившему учение аль-Фараби, средневековье узнало учение о единстве деятельной интелли-генции, источника интеллектуального познания для всего человеческого рода: характерная для учения Авиценны эпистемология сводится к тому, чтобы утвердить для всего человеческого рода один деятельный разум, оставляя при этом каждому индивиду некоторый возможный интеллект.

«Как известно, разум проходит две стадии. Первая стадия та, при которой разум не воспринимает ни добавления, ни убавления (вещи и предметы в покое, в природном, естественном состоянии). Разум на этой ступени (восприятия) называют естественным разумом. Вторая ступень связана с опытом и называется восприятием разума, основанном на опыте. На этой ступени разум воспринимает и убавления, и добавления...

Например, если познаешь некое событие через опыт, то получишь более верное представление об этом событии» [8, с. 126]. Ибн Сина в своей известной «Книге о знании» в части «Физика» делит ступени умозрительного восприятия души человека на три стадии – материальный разум, разум по опыту и действующий разум» [4, с. 217.] Ибн Сина дает более полное толкование процесса умозрительного восприятия души человека:

Пять чувств от слуха и до зренья
Даются нам для внешнего общенья
А мысль и память внутреннюю службу
Несут, определяя все решенья [5, с. 35].

Авиценна не сомневался в возможностях личности-человека познать мир, придавал огромное значение логике, рассматривая ее как основу любой науки. При этом воспевая разум человеческий, Ибн Сина осознает, что силы разума человека небезграничны и что все доступно и известно лишь Всевышнему:

Когда умрем, то все до одного
Познаем, что не знаем ничего [5, с. 36].

В вопросах психологии Авиценна идет вслед за Аристотелем и различает растительную, животную и разумную души. Рассматривая особо человеческую душу, ученый не отрицает ее бессмертия, при этом бессмертие понимает в философском смысле и не вкладывает в это понятие переселение душ. А Каюм Насыри отвергает кораническое утверждение о бессмертии души, существующей независимо от человеческого тела («Нет в человеке двух натур, душа от тела неотделима»). Так, Насыри по-своему интерпретируя суждения арабо-мусульманских философов, стремится привести их в соответствие с требованиями науки Нового времени.

Ученые всего мира признают, что в трудах Авиценны был первый грандиозный синтез католического Запада и мусульманского Востока в рамках классической культуры, который дал мощный импульс развитию западной философии. И в самом деле, нельзя не заметить «неоплатонический обжиг аристотелизма» Авиценны, к тому же с чертами исламской религии.

Философия Авиценны, признающего ценность действенности человека, его поступков, говоря современным языком «активного субъекта-личности», четко отражены в его строках:

Суть в существе твоем отражена.
Не сможет долго тайной быть она,
Не потому ль, что суть любой натуры
В поступке, словно в зеркале видна [5, с. 33].

Влияние идей Авиценны на просветителя Каюма Насыри очевидно еще в одном аспекте. Стремясь приобщить татар к лучшим достижениям науки и духовной культуры Востока, К. Насыри переводит с турецкого «Повесть об Абу-али-сине» (Авиценне), по сути, перерабатывая и вдыхая в повесть новую жизнь. Самое интересное заключается в том, что К. Насыри, великий татарский просветитель, не только впитал в себя поэтику философии «великого арабского мудреца», но и творчески воспроизвел его образ в своих художественных текстах. Как известно, в 1872 году К. Насыри заканчивает свою знаменитую повесть «Абугалисина». Задолго до открытия в Казани типографии эта повесть ходила в рукописном варианте из рук в руки и была опубликована в 1864 году (первое издание). Прототипом героя этой повести и был Авиценна. В этой повести Насыри не только рассказал татарскому народу в великом восточном мудреце Ибн-Сине (Авиценне), но и поэтически воплотил богатую фантазию народа.

Каюм Насыри в своем произведении, воссоздавая образ великого древнего ученого, сознательно использует слова-обращения *Платон, Аристотель*, тем самым подчеркивая великую связь восточного мудреца с философским видением древних греков:

– О великомудрый и всезнающий жрец науки, Платон нашего века!...

– О великий Аристотель! – сказал падишах. – То, что ты показал людям, – и величественно, и полно мудрого смысла... [7, с. 191].

Продвигая идеи просвещения, Каюм Насыри понимает, что далеко не каждый человек может достичь наук, разума. *Наставление шестое. Один почтенный человек отдал сына ученому наставнику для воспитания и обучения. И сказал: «О лучший из учителей, воспитай это дитя и дай ему знания, пусть станет мудр и учен». Наставник занимался с мальчиком, учил его наукам, но из этого ничего не вышло. И он отвел его назад к отцу, говоря: «Ребенок этот настолько глух к наукам и туп, что я чувствую, как сам глупею, когда учу его»* [7, с. 82]. В этих строках ощущаются отзвуки мысли Авиценны: *Как от слепцов скрыт солнца ясный свет, Так для глупцов дороги к правде нет* [5, с. 38].

Древневосточный ученый знания и науку не мыслил вне вопросов воспитания, то есть в его философские учения органично вплетены нравственно-этического характера суждения:

И юноше совет ты подавай, любя,
Но старика учить спаси господь тебя
[5, с. 17].

В «Книге о воспитании» Каюма Насыри обнаруживаем те же мысли-суждения: *Будь почтителен со старшими и не обижай младших* [7, с. 95]. Татарский просветитель в своей знаменитой книге «Фаваких ал-джуласа» (Плоды собеседников), в главе «О знании, мудрости, адабе» приводит суждения античных философов

Сократа, Платона, Аристотеля, арабо-мусульманских мыслителей, добавляя к их словам различные фольклорные и литературные элементы.

Так, А. Г. Сабиров особо подчеркивает, что К. Насыри, так же, как и Авиценна, «подлинным критерием оценки человека считал не богатство и не происхождение, а нравственный облик и личные заслуги человека перед людьми, его ум, внутренний мир и деловые качества» [9, с. 55].

Авиценна всегда оставался неутомимым борцом за разум, свободомыслие. Его жизнь, настроение и горести, протест против невежества, фанатизма и несправедливости нашли яркое отражение и в его поэтических произведениях:

Велик, прославлен в мире Авиценна,
Но он по-прежнему и наг, и сир,
О мудрости твердят: она бесценна,
Но за нее гроша не платит мир [5, с. 26].

У К. Насыри в его наставлениях приводится эпизод, где придворный падишаха к нему обращается со словами «не жалей для ученых ни золота, ни других благ, чтобы и другим хотелось заниматься наукой» [7, с. 85]. Удивительно то, что древневосточный философ в своих критических суждениях о подлинной ценности знаний более убедителен, нежели бесконечно верящий в знания Каюм Насыри. Еще более актуальными и справедливыми сегодня звучат слова Авиценны о социальной несправедливости:

А ныне вражда как зима воцарилась повсюду,
А скорбная доля досталась бесправному люду [5, с. 14].

Каюм Насыри же призывает к послушности, покорности, сдержанности и миру между людьми: *доброта и кротость берут города; надо быть добрым и снисходительным ко всем, остерегайся говорить дурно даже о своих врагах* [7, с. 83].

Так, наш такой даже поверхностный, фрагментарный анализ взглядов двух великих людей, известных для всех представителей татарского народа, Авиценны и Каюма Насыри, позволяет нам сделать вывод о том, насколько близки их философско-просветительские воззрения и как актуальны эти мысли и сегодня, а значит, их можно рассматривать вне временных рамок как вечное учение о человеке. Позволим себе выразить наше мнение и о том, если Каюм Насыри более просветитель-педагог, гибок, верящий в силу знаний и воспитания личности, но представивший научные знания в основном компилятивного характера, Авиценна же более глубок и убедителен в своих философских построениях, более резок в своих суждениях. Его рубаи яркое тому свидетельство:

Вашу ложь не приемлю, я – не лицемер,
Поклонюсь я истине – лучшей из вер.
Я один, но неверным меня не считайте,
Ибо истинной веры я первый пример [5, с. 26].

Объединяет же их обоих энциклопедизм знаний и стремление к поэтизации философских рассуждений, дар художественного творчества, именно последнее позволяет оставаться этим двум великим представителям науки интересными и для сегодняшнего читателя.

Список использованных источников

1. Абдуллин, Я. Г. Татарская просветительская мысль (Социальная природа и основные проблемы) / Я. Г. Абдуллин. – Казань, 1976. – 320 с.

2. Юзеев, А. Философская мысль татарского народа / Айдар Юзеев. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2007. – 214 с.

3. Журавский, А. В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога [Электронный ресурс] / А. В. Журавский. – М., 1990 // URL : http://krotov.info/lib_sec/07_zh/zhu/ravsky.htm (дата обращения: 16.03.2013).

4. Ибн Сина. Избранные философские произведения / Ибн Сина. – М. : Наука, 1980. – 554 с.

5. Ибн Сина. Избранная лирика Востока / Ибн Сина. – Ташкент, 1981. – 112 с.

6. Ибрагим, Т. К. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте / Т. К. Ибрагим, Ф. М. Султанов, А. Н. Юзеев. – Казань, 2002. – 239 с.

7. Насыри, К. Избранные произведения / Каюм Насыри. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1977. – 255 с.

8. Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань : Тат. кн. изд-во, 2000. – 119 с.

9. Сабиров, А. Г. Татарская философия: история, сущность и роль в духовном развитии татарского народа / А. Г. Сабиров. – Елабуга : Изд-во ЕИ КФУ, 2012. – 158.

10. Салимова, Д. А. Проблемы би- и полилингвизма в аспекте современного языкового образования в Республике Татарстан / Д. А. Салимова, А. А. Тимерханов // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3 (11). – С. 92–95.

11. Татарские интеллектуалы. Исторические портреты (Научный редактор и составитель Р. М. Мухаметшин). – Казань, 2005. – 271 с.

References

1. Abdullin J. G Tatar Enlightenment thought (Social nature, and the main problem). Kazan, 1976, 320 p.

2. Aidar Yuzeev. Philosophical thought of the Tatar people. Kazan, Tat. kn. Publishers, 2007, 214 p.

3. Zhuravsky A. V. Christianity and Islam: a socio-cultural problem of dialogue. Moscow, 1990 http://krotov.info/lib_sec/07_zh/zhu/ravsky.htm

4. Ibn Sina, Selected Philosophical Works. Moscow, Nauka, 1980, 554 p.

5. Ibn Sina. Selected poetry of the East. Tashkent, 1981, 112 p.

6. Ibrahim T. K., Sultanov F. M., Yuzeev A. N. Tatar religious and philosophical thought in general Muslim context. Kazan, 2002, 239 p.

7. Qayyum Nasyri. Selected works. Kazan, Tat. kn. izd, 1977, 255 p.

8. Studies in the History of Tatar social thought. Kazan, Tat. kn. izd, 2000, 119 p.

9. Sabirov A. G. Tatar philosophy: history, nature and role in the development of Tatar people. Yelabuga, Academy of Eu KFU, 2012, 158 p.

10. Salimova D. A., Timerkhanov A. A. The Problems of bi- and polyligualism in the Aspect of modern Language Education in the Republic of Tatarstan, The Humanities and Education, 2012, No. 3 (11), pp. 92–95.

11. Tatar intellectuals. Historical Portraits (scientific editor and compiler of the RM Mukhametshin). Kazan, 2005, 271 p.

Поступила 16.04.2013 г.

УДК 101:316
ББК 87.6

Родина Елена Николаевна
кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедра философии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
rodina197621@rambler.ru

Сюсина Надежда Михайловна
аспирант
кафедра философии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
susinanm@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В РАМКАХ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы становления информационного общества в контексте синергетической парадигмы, которая формирует особое понимание информации, детерминирующее определенную трактовку особенностей информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, информация, информатизация, бифуркация, энтропия.

Rodina Elena Nikolayevna
Candidate of Philosophical Sciens, senior lecturer
Departamentof Philosophy
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Syusina Nadezhda Mihailovna
Post-graduate student
Departamentof Philosophy
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

INFORMATION SOCIETY WITHIN A SYNERGETIC PARADIGM

Abstract: The article deals with the problems ofthe information society formation in the context of synergetic paradigm. This paradigm creates a special understanding of information, determines a certain interpretation of the features of the information society.

Key words: information society, information, informatization, bifurcation, entropy.

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Гуманитарные парадигмы инновационного сознания современного общества» (14.B37.21.2119).

Современное общество характеризуется стремительными инновационными преобразованиями. Целостность мира возрастает, показателем чего становится интернациональный характер, приобретаемый национальными экономиками, международное разделение производства, становление глобального рынка. Информатизация общества является совокупностью масштабных, радикальных инноваций, провоцирующих ускорение изменений, охватывающих все его сферы. Эти процессы, увеличивая возможности общества, также порождают ряд правовых, моральных, социальных проблем, требующих рассмотрения и анализа с целями прогнозирования и проработки вариантов управленческих решений для оптимизации дальнейших позитивных изменений [3, с. 42]. Новизна социальных условий и жизнедеятельности в них различных субъектов – обществ, государств, людей, порождают рефлексию, выражающуюся в появлении новых социальных парадигм и концепций.

Информационное общество – историческая фаза возможного эволюционного развития цивилизации, в которой информация и знания умножаются в едином информационном пространстве, главными продуктами производства информационного общества становятся информация и знание.

Понятие «информационного общества» появляется в начале 60-х годов почти одновременно в США и Японии как попытка понять определить ценностный статус знания в прогрессе человечества. В научный оборот оно было введено профессором токийского технологического института Ю. Хаяши. В многочисленных исследованиях, посвященных данному феномену, выкристаллизовалось понимание информационного общества как общества, в котором доминирует информация, возрастает число людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством соответствующих продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте. Нарастающие процессы виртуализации постоянно трансформируют социокультурную среду посредством включения общественных практик в электронно-коммуникативное пространство глобальной сети, заменой их информационными образами. Виртуализацию связывают с процессами замещения с помощью компьютеров реального пространства – как места воспроизводства общества – пространством виртуальным. Развивается электронная демократия, информационная экономика, электронное правительство, электронные социальные и хозяйствующие сети.

Подобные изменения ставят перед науками об обществе, в том числе философией, социологией, социальной философией, проблему нового миропонимания и совершенно новые нетрадиционные задачи [1, с. 51]. Необходимо создание новых эпистемологических парадигм. В процессе исследований информационного общества и информации особый интерес представляет синергетическая парадигма. В ней сложилось особое понимание информации, которое наложило отпечаток и на трактовку особенностей информационного общества.

Для синергетического подхода характерна функциональная концепция информации. Понятие информации связывается с функционированием самоорганизующихся систем. В синергетической парадигме важную роль для понимания природы информации имеют сведения. Они рассматриваются как результаты отражения, которые используются живыми организмами для выбора варианта «поведения», повышающего эффективность обмена веществ и поддержания жизни.

Потребность в исследовании сложных систем, процессов самоорганизации в динамическом аспекте потребовали выработки понятий и методов, которые позволили бы подходить к рассмотрению сложных систем с единой точки зрения. Возникла новая отрасль знания – синергетика как теория сложных систем.

В рамках синергетики поднимается вопрос о самом понятии сложности, которое понимается не только с точки зрения структурных отношений, но и возникает интерес к проявлениям функциональной сложности (системы со сложным поведением).

Наиболее значимый вклад в формирование проблем синергетики внесли Г. Хакен, Д. С. Чернавский и др. Г. Хакен констатирует зависимость уровня сложности от функциональной активности системы [4].

При исследовании сложных систем было обнаружено, что макроскопическое описание позволяет достигать сжатия информации и имеет качественно иную природу, поскольку при этом выявляются глобальные свойства исследуемого системного объекта. Рассмотрение сложных систем в контексте их развития предполагает исследование процессов самоорганизации.

Понятие самоорганизации является одним из базовых в синергетике. Под самоорганизацией подразумевается такое свойство сложной системы, которое определяет возможность поддерживать или самопроизвольно видоизменять внутренние взаимосвязи и внешние активные действия. В процессе самоорганизации из менее упорядоченных и хаотических состояний материи самопроизвольно возникают более упорядоченные. На основе принципов самоорганизации объясняется возникновение порядка из

хаоса, а также переход от одного уровня организации к другому. В синергетике мерой неорганизованности выступает понятие «энтропия» (от греч. *entropía* – поворот, превращение), а мера организованности – понятия «негентропия» или «информация».

С точки зрения синергетики, процессы возникновения макроскопических упорядоченных пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах могут происходить спонтанно вблизи особых точек, далеких от равновесных состояний, называемых точками бифуркации, в окрестностях которых поведение системы становится неустойчивым. В этих точках сложная система под воздействием самых незначительных воздействий, так называемых флуктуаций, может резко изменить свое состояние.

Большое значение для синергетических исследований имеет понятие информации. Г. Хакен считает, что в отличие от классического шенноновского подхода, согласно которому информация оценивается независимо от смысла, синергетика способна выработать подходы, решающие проблему самозарождения смысла.

Г. Хакен рассматривает проблему придания смысла сигналу через понятие «аттрактор» (от англ. *attract* – притягивать). В синергетике под аттрактором подразумевается состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество траекторий развития, возможных после точки бифуркаций. С точки зрения Г. Хакена, смысл сигналу можно приписать только в том случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал. Так мы приходим к понятию относительной значимости сигналов. Если система при получении сигнала остается в исходном состоянии, не переходит в новый аттрактор, то такой сигнал бессмыслен. В противном случае, если сигнал стимулирует переход системы в новый аттрактор, то можно говорить о возникновении смысла. В том случае, если различные сигналы приводят систему в один и тот же аттрактор, возникает избыточность сигналов. Г. Хакен считает, что предложенная им модель может объяснить, как возникает информация.

Синергетический подход является достаточно продуктивным и при исследовании проблемы возникновения нового смысла. С точки зрения Г. Хакена самозарождение смысла связано с возникновением новых системных качеств в сложноорганизованных динамичных системах. Процесс зарождения смысла, по Г. Хакену, становится возможным при возникновении особого рода информационной среды, существование которой поддерживается отдельными частями системы. Эти части, вступая во взаимодействия, порождают новое системное качество: возможность когерентной, кооперативной деятельности. Именно данная информационная среда и поставляет им конкретную информацию: каким образом возможно поддержание коллективной (кооперативной) деятельности. Коллективное поведение оказывается наиболее выгодным для всей сложноорганизованной системы. Система может переходить в различные состояния, и ей необходима информация о том, как осуществлять выбор. Выбор поведения системы может быть предопределен генетический информацией, влиянием окружающей среды. Полезность информации или ее бесполезность, проверяется только путем взаимодействия с окружающей средой.

В русле идей синергетики исследованием информационных процессов занимался один из крупнейших отечественных ученых Д. С. Чернавский. Им создана динамическая теория информации. Центральной проблемой концепции Д. С. Чернавского является вопрос о возникновении динамических систем. Вопрос о генерации информации, ее связи с целеполаганием в живых системах является центральным для Д. С. Чернавского. Констатируя многообразие подходов к определению информации, Д. С. Чернавский обращает внимание на то, что непродуктивно стремиться к выработке единого, охватывающего все ситуации понятия информации [6]. С его точки зрения выбор определения должен зависеть от аппарата и цели исследования. Динамическая теория информации принимает определение, предложенное Генри Кастлером и уточненное Д. С. Чернавским: «Информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [6, с.11–13].

Преимущества данного определения Д. С. Чернавский видит в следующем: 1) данное определение не противоречит основным базовым определениям, информации, принимаемым в естествознании; 2) подобный подход к информации позволяет исключить неявную связь информации с деятельностью сверхъестественных сил, продуцирующих цели и смысл; 3) данное определение позволяет применить математический аппарат для вычисления количественных параметров информации; 4) вводится динамический подход к пониманию информации, связанный с трактовкой понятия «выбор» как процесса и как результата процесса.

Важнейшей заслугой динамической теории информации является разработка методологии определения ценности информации.

Поскольку ценность информации зависит от цели, разработаны методы количественного определения ценности. При условии, если цель достижима несколькими путями, ценность определяется по уменьшению материальных или

временных затрат, благодаря использованию информации. Если достижение цели не обязательно, но вероятно, то для измерения ценности необходим анализ вероятности достижения цели до получения информации и после.

Анализ подхода по определению ценности информации позволяет Д. С. Чернавскому сделать вывод о том, что ценность информации субъективна. Ценность одного и того же количества информации может в одном случае быть достаточно высокой, а в другом равной нулю. Анализ информации с точки зрения определения ее ценности ставит вопрос о механизмах возникновения ценной информации и ее эволюции. По мнению Д. С. Чернавского, наиболее актуальными на сегодняшний день являются исследования того, как ценность информации эволюционирует: неценная информация становится ценной, бессмысленная осмысленной и наоборот» [6, с. 19].

Еще одной важной проблемой в исследовании информации является рецепция и генерация информации. Рецепция (от лат. reception – принятие) означает выбор, продиктованный извне, т. е. по чьему-либо указанию. С точки зрения динамической теории информации, рецепция информации означает, что система была переведена в заданное состояние, которое не зависит от того, в каком состоянии система находилась раньше. Что касается генерации информации, то она предполагает выбор, сделанный системой случайно, а не под влиянием чего-либо. Процессы рецепции и генерации информации тесным образом связаны с анализом иерархических информационных уровней. Чем выше ценность информации, чем шире она используется, тем более высокому иерархическому уровню она принадлежит [4].

Динамическая теория информации, анализируя характер информации с точки зрения семантики, подразделяет ее на условную и безусловную. Способы фиксации информации, не имеющие отношения к семантике, принято называть условными. Примером условной информации является код. Д. С. Чернавский определяет код как «соответствие между условными символами и реальными предметами (и/или действиями). По мнению Д. С. Чернавского, выбор варианта кода производится случайно и запоминается как передающей, так и принимающей стороной. Ценной кодовая информация может быть, только если ею владеют несколько объектов (человек), т. е. эта информация связана с коллективным поведением (общественной деятельностью)». Безусловная информация может продуцироваться сложноорганизованной системой без участия человека [6, с. 22].

Применительно к интерпретации понятия информационного общества синергетический подход исходит из идеи о том, что если рассматривать развитие человечества в целом с точки зрения самоорганизации, то возникновение информационного общества есть результат качественного скачка в эволюции человечества. Отсюда следует, что информационное общество есть принципиально новый тип организационного устройства человечества.

По мнению Н. Моисеева, ни широкое использование новых информационных технологий, ни перестройка под их влиянием социальных структур не дает нам оснований говорить о формировании информационного общества [2]. Анализ тенденций социотехнической эволюции дает основание для прогноза возможности создания общества данного типа. Несмотря на то, что его появление будет иметь характер бифуркационного процесса, оно не может утвердиться на планете само по себе без целенаправленного действия людей. Одна из предпосылок возникновения информационного общества – это изменение стереотипов нашего сознания. Ни развитие компьютерной техники и новых информационных технологий, ни создание информационной инфраструктуры не ведут автоматически к его возникновению. Вступление в информационное общество, по мнению Н. Моисеева, следует связывать с утверждением Коллективного общепланетарного разума, предпосылками формирования такого рода разума является рост образованности.

Опираясь на идеи Тейяр де Шардена и Вернадского, Н. Моисеев считает, что в силу своей образованности человечество примет на себя ответственность за дальнейшую эволюцию биосферы и социосферы. Выживание человека на Земле требует достижения общего консенсуса, который невозможен без коллективного интеллекта и коллективной воли. Подобная перестройка предполагает целенаправленное вмешательство общества, создающего условия для эволюции человека и природы. Эволюционирует и биологический тип человека. Если эволюция привела свое время к возникновению разума, то в новых условиях может возникнуть Коллективный Интеллект, а впоследствии и коллективный Разум. Формирование Коллективного Интеллекта Н. Моисеев рассматривает как природное явление, происходящее стихийно, без целенаправленного вмешательства личности и общества. Его формирование создает биологические предпосылки для возникновения Коллективного Разума. Но их недостаточно. Важнейшую роль призваны сыграть социальные факторы, а именно, коллективные формы деятельности.

По мнению Н. Моисеева, в развитии Коллективного Интеллекта особую роль играет обмен идеями. С появлением новых информационных технологий возможности такого обмена резко возросли. Главным признаком Коллективного Интеллекта является наличие информационной инфраструктуры, когда любое знание становится доступным и выдвижение любой инновации практически мгновенно становится достоянием человечества. На базе Коллективного Интеллекта вырабатывается способность и потребность в коллективных решениях. Дальнейшее развитие коллективной памяти и коллективных знаний, рост сложности связей и взаимодействий должен привести к бифуркации, следствием которой будет возникновение нового качества – возникнет Коллективный Разум. Как «своеобразная информационная система, способная не только к накоплению и передачи информации, но и к анализу и выводам» [2, с. 435].

По Н. Моисееву, возникновение информационного общества приведет к социальным переменам. Необходимо будет утверждение новой системы ценностей и научной парадигмы. Новая парадигма будет исходить из приоритета общечеловеческих ценностей. Коллективный интеллект преобразует множество индивидуальных открытий и изобретений в некоторую целостную программу действий, способную предупреждать человечество об опасности кризисов и предлагать альтернативные пути их преодоления. Новое информационное общество будет являться общепланетарной системой, произойдет синтез цивилизаций Запада и Востока, при этом будут сохранены их культурные особенности. Возникнет система цивилизаций, в которой индивидуальные различия породят новые общие системные качества.

Синергетический подход стремится к выделению принципиально новых, системных качеств информационного общества в предельно глобальном плане – в рамках всего человечества, но он носит футуристически-декларативный характер, апеллируя к потенциальному единству человечества, как в социально-политическом, так и в духовно-нравственном плане.

Список использованных источников

1. Зейналов, Г. Г. Философское значение концепции устойчивого развития / Г. Г. Зейналов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 51–55.

2. Моисеев Н. Информационное общество: возможность и реальность / Н. Моисеев // Информационное общество. – М. : АСТ, 2004. – С. 428–451.

3. Родина, Е. Н. Аксиологический статус творчества в информационном обществе / Е. Н. Родина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 42–44.

4. Сухарев, Л. А. Использование инновационных образовательных технологий в профессиональной подготовке педагогических кадров / Л. А. Сухарев, С. В. Маслова, Т. А. Наумова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 18–23.

5. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М. : КомКнига, 2005. – 414 с.

6. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации / Д. С. Чернавский. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

References

1. Zeynalov G. G. Philosophical significance of the concept of sustainable development, The Humanities and Education, 2011, No. 1 (5), pp. 51–55.

2. Moiseev N. Information society: the possibility and reality, Information Society. Moscow, AST, 2004, pp. 428–451.

3. Homeland E. N. Axiological status creativity in the information society, The Humanities and Education, 2011, No. 3 (7), pp. 42–44.

4. Sukharev L. A., Maslova S. V., Naumova T. A. The use of innovative educational technologies in the training of teachers, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 18–23.

5. Haken H. Information and Self-Organization. Macroscopic approach to complex systems. Moscow, KomKniga, 2005, 414 p.

6. Chernavskii D. S. Synergetics and information. Dynamical Theory of Information. Moscow, Editorial URSS, 2004, 288 p.

Поступила 11.12.2012 г.

УДК 316.472.4
ББК 60.5

Турутина Елена Сергеевна
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Томский государственный
педагогический университет», г. Томск, Россия
TurutinaES@tspu.edu.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме выявления взаимосвязи между формированием инновационного сознания, развитием социального капитала и гендером.

Ключевые слова: социальный капитал, инновационное сознание, гендер.

Turutina Elena Sergeyevna
Candidate of Philosophical Sciences, Dotsent
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF INNOVATIVE CONSCIOUSNESS DEVELOPMENT: THE GENDER ASPECT

Abstract: The article deals with the problem of identification of interconnection detween innovative conscionsness formation, social capital development and gender .

Key words: social capital, innovative consciousness, gender.

Проблема конструктивного включения женщин в инновационные процессы развития общества в российской науке изучена слабо. В данной статье предлагается одна из первых попыток осмысления этого вопроса.

Как известно, фундаментом социального капитала являются человеческие отношения. Социальный капитал – это социальное «богатство», которым обладает индивид или социальная группа, выраженное совокупностью социальных связей и отношений. Чем большим количеством социальных контактов обладает индивид, тем выше уровень его социального капитала. Учеными обнаружена связь между социальным капиталом и экономическим. Человек, будучи связанным с другими людьми, получает множество преимуществ, в том числе и материальных выгод. Мужчины и женщины, имеющие богатую социальную сеть, разнообразные социальные отношения, включенные в наибольшее количество социальных групп и организаций, владеющие высоким уровнем социальных контактов и взаимодействий, владеют наибольшим доступом к информации, легче и быстрее добиваются жизненных целей, делают карьеру и достигают, таким образом, желаемого уровня экономического благосостояния. Но там, где появляется последнее, имеют место и властные отношения. Политика, в смысле власти и управления, всегда связана с таким понятием, как гендер. Тем более, если речь идет об оценке инновационного потенциала личности.

Предметом философской рефлексии инновационное сознание становится сравнительно недавно, однако ориентация на нововведения была свойственна человечеству изначально. Становление человека как *homosapiens* невозможно было без новаций, служивших одновременно и целью, и средством деятельности, сыгравших важную роль в процессах адаптации к социокультурной и природной среде, а также ее преобразования [9].

Если понимать инновационное сознание как регулятор инновационного поведения, то традиционно в обществе оно приписывалось мужчине. Такие его индикаторы, как ориентация на новизну, креатив, риск, лидерские и организаторские способности, – изначально считались маскулинными качествами. В поведении женщин они проявлялись редко и не получали одобрения по причине особенностей их социализации в обществе.

Экономический уклад и модели социализации, разные для мужчин и женщин, способствовали большему развитию социального капитала у первых, нежели вторых. Женщины, оторванные от участия в преобразовании социально-

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по теме «Гуманитарные парадигмы инновационного сознания современного общества» (14.B37.21.2119).

экономической и политической сфер общества, зацикленные на частной, семейной жизни и воспитании детей, не способны были по объективным причинам, сложившимся на определенных этапах развития общества, накапливать социальный капитал. Количество их социальных связей и контактов было чрезвычайно мало и ограничивалось рамками семьи и родственников. У мужчин, напротив, сферой проявления и поведения была публичная сфера. Участие в производственных, экономических и социальных процессах приводило к столкновению с разными проблемами и требовало постоянных решений. Этому способствовало наличие социального капитала у мужчин, который в традиционном и индустриальном типах общества был значительно выше, чем у женщин. Мужчины были интенсивно включены в процесс создания нового, без чего невозможно представить сценарии развития человечества.

Инновационное мышление – это центральный познавательный и преобразовательный компонент сознания, характерный для личности мужчины. В отличие от последних воспитание женщин всегда было ориентировано на традиции, консерватизм, стандартную, а не инновационную деятельность. И лишь в последние десятилетия наблюдаются радикальные изменения в этом вопросе. Заметную роль сыграли процессы в экономике, давшие женщине возможность получать образование и профессию, за счет чего круг ее социальных контактов и связей постепенно расширялся и обогащался. Женщины окунулись в инновационную среду, стали вовлечены в нее не только как «объекты», но и субъекты, собственно творцы новаций. Требуется дополнительное исследование, которое бы помогло выявить занятость женщин в инновационном секторе экономики с ранжированием по должностям. Однако можно предположить, что их доля участия в инновационной деятельности возрастает, увеличивается их инновационная активность, однако при сохраняющемся традиционном типе гендерной социализации их пропорция, по сравнению с мужчинами-специалистами, невелика и заметна гендерная асимметрия.

В современном мире ориентация на нововведения и погоня за новизной не являются гендерно маркированными признаками, поскольку становятся универсальными потребностями и запросами личности, независимо от их половой и гендерной идентичности.

Темп современной жизни и ее ценности влияют на сознание и поведение личности, развивая в них инновационный элемент [2; 4]. Чаще всего инновационное сознание относят к структуре экономического сознания личности и общества, включающей интересы, цели, мотивы, ориентации, связанные с осуществлением нововведений [6]. По данным социологического исследования Ю. А. Карповой, в иерархии мотивов изобретателей, особенно молодого возраста, отмечается тенденция к возрастанию роли материального фактора и снижению собственно внутренней мотивации творчества, то есть доминирующим мотивом их инновационной деятельности все чаще становится материальное вознаграждение, занятия творчеством превращаются из самостоятельной ценности и самоцели в средство упрочения социального статуса и материального положения [5].

В России сложившаяся ситуация отчасти продиктована состоянием экономики: низкий уровень качества жизни, заработной платы и другие факторы формируют, особенно у молодежи, запросы на социальное и материальное благополучие. Поскольку, в силу действия прочных гендерных стереотипов, основными добытчиками в семье считаются мужчины, то они же и являются специалистами с «инновационной доминантой».

Однако инновационный потенциал российских женщин высок. Рассмотрим это на примере женщин, включенных в науку. Женщины-ученые достаточно распространенное явление в жизни современного общества. Однако такое стало возможным благодаря длительному наращиванию социального капитала между ними. Навыки консолидации, сотрудничества, взаимопомощи, неформального общения и самоорганизации способствовали становлению женщины в научной сфере. Основополагающую роль в этом процессе сыграл феминизм, и его самые разные программы были единодушны за включение женщины в науку. И хотя женщины-ученые все же встречались в человеческой истории, массовый характер феминизация науки обнаружила себя лишь во второй половине XX века. Закономерности этого процесса вполне объяснимы с позиции теории самоорганизации. Радикальные теории феминизма стали критическим моментом (своего рода точкой бифуркации) в развитии гендерных отношений, что в конечном итоге привело и к феминизации науки, но не в смысле того, что женщины стали количественно преобладать над учеными мужами, а потому, что их присутствие и влияние стали заметными.

Продуктом социального капитала являются ресурсы, которые получает индивид от взаимодействия с другими людьми (в материальном и символическом виде). Женская активность в обществе, включая развитие социального капитала

и инновационного сознания женщин-ученых, также плодотворно сказываются не только на их карьере в науке, но и в целом на положении в обществе, поскольку ресурсы помогают акторам в реализации своих интересов.

С точки зрения синергетической эпистемологии, научное знание плюралистично: «сколько ученых (или научных традиций), столько и ответов, которые дает природа на их вопросы… различные коммуникации порождают и различные рациональности, которые не отвергают, а, напротив, предполагают друг друга, что выступает условием плодотворности научного исследования» [6, с. 863]. Участие женщин в науке приводит к продуцированию нового типа научной рациональности. Синергетическая картина мира способствует рождению андрогинной рациональности, приходящей на смену андроцентристкой, характеризующей классическую парадигму науки. В нашем понимании, андрогинная рациональность – это продукт коэволюции мужского и женского начал в научном познания, в которой субъект познания представляется целостным человеком, андрогином, совмещающим маскулинные и фемининные качества познающей личности. В андроцентристкой рациональности субъектом познания выступал мужчина, отсюда и преобладание мужского взгляда в науке и «мужское лицо» в философии.

Феминисты, занимающиеся философией и эпистемологией науки, открыли факт гендерной принадлежности производителя знания. И учет этой принадлежности создает основу для истинно холистского понимания познающего опыта. Классическая концепция объективности, согласно феминисткой критике, «соответствует маскулинному когнитивному стилю: абстрактному, теоретическому, дедуктивному, атомистическому, ориентированному на доминирование…» [1, с. 137]. Феминистская эпистемология стремится избежать сексистские и андроцентристские заблуждения и привнести в научный дискурс «черты феминного когнитивного стиля: конкретного, практического, эмоционально вовлеченного, синтетического, интуитивного, качественного, холистического, ориентированного на заботу» [Там же, с. 137]. То, что в производство «современного» типа знания, а значит и в формирование инновационного климата интенсивно вовлечены женщины, ранее исключенные из этого процесса, не может не сказаться на природе самого знания и познавательного процесса. Таким образом, развитие социального капитала женщин-ученых и в целом процесс фемминизации научного знания приводят к синергетическому эффекту и способствуют формированию нового образа науки и инновационного сознания и культуры.

Гендерный подход важен при изучении всех процессов и состояний, имеющих отношение к человеческому фактору, поскольку он предполагает учет гендера, дифференциацию потребностей, ценностей и интересов мужчин и женщин в обществе. Без такого подхода невозможна грамотная государственная политика в области развития науки и технологий.

По мнению И. Прудникова, генерального директора Фонда содействия развитию нанотехнологий «Форум Роснанотех», «формирование инновационного мышления крайне важно: нельзя внедрить инновации в отсталом обществе» [7]. В этой связи актуален вопрос об изменении гендерных стереотипов о мужском и женском предназначении, разрушении традиционных моделей мышления и поведения, поскольку они тормозят адекватное восприятие реальности и модернизационные процессы в обществе. Это также важно и потому, что инновационное сознание зависит от действующих в обществе социальных норм и формируется под их влиянием.

Женщины смогут активно проявить инновационный потенциал только в благоприятных для их роста и развития условиях. По своей сути показатели инновационного сознания гендерно нейтральны и свойственны в равной степени мужской и женской личности, например, такие, как готовность к инновационной деятельности, фиксируемые инновационные потребности, наличие устойчивой мотивации к инновациям, широкие инновационные замыслы [3, с. 139–171]. Однако женщинам для формирования инновационного сознания препятствуют жесткие стереотипы о главном их предназначении (состояться прежде всего в качестве матери, жены и хозяйки), а также наличие институциональных барьеров в формах «стеклянного потолка» и «липкого пола».

Творческие и интеллектуальные способности и возможности современных женщин за счет развития социального капитала способствуют формированию не только их инновационного потенциала, но и в целом инновационной культуры российского общества, уровень которой в настоящее время, по оценке экспертов, существенно ниже аналогичных показателей в развитых государствах. Уровень инновационной культуры является показателем общей культуры общества. Таким образом, становление биархатной модели социокультурного устройства и адрогинной рациональности как альтернативы андроцентристкой станут возможными только в условиях инновационного сознания, формирующегося под влиянием гендерного подхода.

Список использованных источников

1. Вышегородцева, О. В. Гендерные исследования знания / О. В. Вышегородцева // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : Канон +РООИ Реабилитация, 2009. – 1248 с.

2. Замкин, П. В. Проблема культурной продуктивности личности в меняющейся социокультурной ситуации / П. В. Замкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4 (8). – С. 13–17.

3. Зверев, А. Л. Основные результаты исследования по проблеме формирования инновационного поведения российской молодежи / А. Л. Зверев // Проблемы формирования инновационного поведения молодежи в современной России : тр. Всерос. науч. конф. – М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2009. – 232 с.

4. Зейналов, Г. Г. Философское значение концепции устойчивого развития / Г. Г. Зейналов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 51–55.

5. Карпова, Ю. А. Введение в социологию инноватики / Ю. А. Карпова. – СПб. : Питер, 2004. – 192 с.

6. Косалс, Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов / Л. Я. Косалс. – Новосибирск : Наука, СО, 1989. – 287 с.

7. Порус, В. Н. Синергетическая эпистемология / В. Н. Порус // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : Канон +РООИ Реабилитация, 2009. – 1248 с.

8. Прудников, И. Формирование инновационного мышления крайне важно: нельзя внедрить инновации в отсталом обществе [Электронный ресурс] / И. Прудников. URL : http://www.expo66.ru/interview/prudnikov-22-07-10.

9. Родина, Е. Н. Аксиологический статус творчества в инновационном обществе / Е. Н. Родина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 42–44.

References

1. Vyshegorodtseva O. V. Gender research knowledge. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow, Canon + ROOI Rehabilitation, 2009, 1248 p.

2. Zamkin P. V. Problem of cultural productivity of the individual in a changing socio-cultural situation, The Humanities and Education, 2011, No 4 (8), pp. 13–17.

3. Zverev A. L. The main results of the study on the formation of innovative behavior of the Russian. Moscow, RIC MGGU them. Mikhail Sholokhov, 2009, 232 p.

4. Zeynalov G. G. Philosophical significance of the concept of sustainable development, The Humanities and Education, 2011, No. 1 (5), pp. 51–55.

5. Karpova Y. A. Introduction to Sociology of Innovation. St. Petersburg. Peter, 2004, 192 p.

6. Kosals L. Y. Social Mechanism of innovative processes. Novosibirsk, Nauka, CO, 1989, 287 p.

7. Porus V. N. Synergetic epistemology. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Moscow: Canon + ROOI Rehabilitation, 2009, 1248 p.

8. Prudnikov I. Formation of innovative thinking is essential: it is impossible to implement innovations in a backward society [Electronic resource], URL: http://www.expo66.ru/interview/prudnikov-22-07-10.

9. Rodina E. N. Axiological status of creativity in innovative society, Humanities and Education, 2011, No 3 (7), pp. 42–44.

Поступила 21.11.2012 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.511.152’373’72
ББК 81.66,3

Богдашкина Светлана Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
кафедра мордовских языков
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
svjatok@mail.ru

Рузанкин Николай Иванович
кандидат филологических наук, доцент
кафедра мордовских языков
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия

КЛАССИФИКАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ*

Аннотация: Синтаксические фразеологические единицы в мордовских языках, отличаясь друг от друга целым рядом категориальных признаков, представляют собой неоднородное образование. Они подразделяются на следующие типы: 1) коммуникемы; 2) фразеосинтаксические схемы; 3) устойчивые модели.

Ключевые слова: синтаксическая фразеологическая схема, коммуникема, устойчивая модель, деактуализации значения лексических компонентов, идеоматичность.

Bogdashkina Svetlana Vladimirovna
Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Ruzankin Nikolai Ivanovich
Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

SYNTACTIC CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MORDOVIAN LANGUAGES

Abstract: Syntactic phraseological units in Mordovian languages differ in a number of categorialfeatures but still present a single unit. In this regard, they are devided into: 1) kommunikemy, 2) frazeosintaksicheskie schemes, 3) stable models.

Key words: syntactic phraseoloqical scheme, communiceme, stable model, deactualization of the value of lexical components, idiomaticity.

Фразеологический состав языка представлен единицами лексического и синтаксического уровней. «К объектам фразеологии относятся не только образования, эквивалентные по значению слову, а по форме – свободным словосочетаниям и сочетаниям слов, но и единицы, эквивалентные свободным предложениям и предикативным сочетаниям слов» [1, с. 57], иными словами, синтаксические фразеологические единицы.

По степени фразеологизации, а также специфике структурно-семантической организации синтаксические фразеологические единицы в мордовских языках можно разделить на три класса: 1) коммуникемы; 2) фразеосинтаксические схемы; 3) устойчивые модели.

Синтаксические конструкции, которые выделяются такими наиболее характерными свойствами, как экономность и высокая степень

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки Российской Федерации в рамках Программы стратегического развития МордГПИ на 2012–2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России» (проект 3.1.2 «Организация и проведение конкурсов в образовательной и научно-исследовательской деятельности для аспирантов и научно-педагогических работников вуза»).

эмоциональности, называются ***эмотивными коммуникемами***: эрз. *Вана те да*, мокш. *Вага тя да* «Вот это да!»; эрз. *Оно кода!* мокш. *Вона кода!* «Вот как!»; эрз. *Оно мезе!* мокш. *Вона мезе!* «Вот оно что!»; эрз. *Кода истя!* мокш. *Кода тяфта!* «Как так!» и др.

Структурные схемы коммуникем не предназначены специально для сообщения, а только могут трансформироваться в коммуникативную единицу в определенной ситуации или языковом контексте. Они ситуативно обусловлены, зависимы от предшествующей реплики. Изучение не только семантики и прагматики, но и синтаксиса этих единиц позволяет сделать вывод о том, что они выступают в качестве одного из наиболее ярких средств вербализации коммуникативного смысла: эрз. *Исяк те бригадантень макссть Гвардия лем! –* ***Оно кода!*** *Те аволь берянь, – кецясь Сизов* [11, с. 45] «Вчера этой бригаде дали имя «гвардейская»! – Вот как! Это неплохо, – радовался Сизов»; мокш. – *Тон кельгсак калонь кундамать? –* ***Нинге кода!*** «Ты любишь ловить рыбу? – Еще как!» [9, с. 65]. Выделенные коммуникемы выражают положительную оценку, восхищение; эрз. – *Тон сонзэ, нать, содасак? – дивазь кевкстизе Степань. –* ***Кода эно!*** *Минь икеле вейсэ ЖКО-со роботынек* [12, с. 67] «Ты его, видимо, знаешь? – удивленно спросил Степу. – Как же! Мы раньше вместе работали в ЖКО», мокш. *Корхтайхть, сон козянди лиси? –* ***Кода ина.*** *Мувсь козясь* [9, с. 60] «Говорят, она выходит за богатого? – Как же. Богач нашелся». Эта коммуникема выражает эмоциональное утверждение.

Статус коммуникем как языковой единицы в мордовских языках до настоящего времени не определен, что затрудняет анализ текста, содержащего подобные конструкции. Нами они рассматриваются как самостоятельный тип языковых единиц. Но следует отметить, что в лингвистической литературе их состав и объем квалифицируется по-разному, что связано с неоднородностью оснований, на которых они выделяются, а также сложностью самого предмета. Так, в Грамматике-60 они входят в разряд односоставных предложений, а В. В. Бабайцева включает их в ряд «двусоставное предложение – односоставное предложение – нечленимое предложение» [2, с. 74].

Слово действительно потенциально может функционировать в качестве предложения, и эта особенность слова отмечается многими лингвистами [3, с. 112–115; 4, с. 61–64; 5, с. 70–72] . Однако при исследовании разговорной речи обнаруживается большое количество синтаксических конструкций (как членимых, так и нечленимых), состоящих тоже из одного слова. Именно поэтому данная характеристика не может служить дифференциальным признаком нечленимых предложений. Рассматриваемые конструкции целесообразнее характеризовать по синтаксическому основанию и квалифицировать их в качестве нечленимых или нерасчленных предложений. Следует отметить, что они способны выполнять особую, коммуникативную функцию, а также выражать особое, нестандартное значение лишь в составе определенной синтаксической структуры, что не может являться основанием для выделения их как специфического класса слов. Такие конструкции не расчленяются на отдельные лексические компоненты, в связи с чем не представляется возможным произвести в синхроническом аспекте анализ последних с точки зрения семантики, формы, сочетаемости и т. п. Слова в рамках коммуникемы опустошаются семантически и функционируют в качестве неразложимого единства [8, с. 172].

Коммуникема – коммуникативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов предложенческого характера, грамматически нечленимая, нерасчлененно выражающая определенное непонятийное смысловое содержание, являющаяся реакцией на те или иные факты объективной действительности и выполняющая в языке эмоциональную функцию. Ср.: эрз. *Степа. Тамашань тевть… Те алкукскак тон, Петя? … Петр.* ***Кие эно!*** *Мон* [12, с. 33] «Степа. Удивительные дела… Это действительно ты, Петя? …Петр. Кто же! Я»; мокш. *Кулевсь кенкшти калтадема. – Тядяй, алязе, улема, сась работаста. –* ***Кие ина!*** *Конешна сон!»* [9, с. 61]. «Послышался стук в дверь. – Мама, отец, наверное, пришел с работы. – Кто же! Конечно он!».

Нечленимые не номинативные предложения, или коммуникемы, представляют собой пласт эмоциональных языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи. Их особенности, своеобразие составляют самобытность любого языка: они отражают специфику языка, языкового мышления коммуникантов, а также уровень эмоциональности носителей того или иного языка.

Коммуникемы следует рассматривать как самостоятельный тип языковых единиц, так как к ним относятся предложения особого структурного типа. Основной чертой данного типа предложений является не только их синтаксическая нерасчлененность, но и абсолютная их нечленимость на обычные структурные составы – подлежащее и сказуемое, поэтому они противопоставлены членимым предложениям: эрз. – *Паряк, сыненсткак (ялгатненень) евтамаль, – кавтолдозевсь Вася. –* ***Еще мезе!*** *– лоткавтызе ялгантъ Ваня. – Сынь весе килейтнень*

таргсесызь… [12, с. 66]. «Возможно, и друзьям надо бы сказать, – засомневался Вася. – Еще чего! – прервал друга Ваня. – Они все березы повырывают…»; мокш. *Тон молят вели ваймама? –* ***Нинге мезе!*** *Кунара сърхксень* [9, с. 62]. «– А ты поедешь отдыхать в деревню? – Как раз! Давно мечтал! Не поеду!». Здесь нечленимое предложение выражает несогласие и удивление. Ср.: эрз. *Еще мезе*, мокш. *Нинге мезе*. «Еще чего». Это членимое предложение выражает значение количественного добавления, оно имеет вопросительное значение. Эрз. *На тенть вана! Сайсь ды тусь*; мокш. *На теть вага! Сявсь да тусь*. «Вот тебе на! Взял да ушел». Нечленимое предложение выражает удивление по поводу неожиданного ухода. Эрз. *На тенть, вана*; мокш. *На теть, вага*. «Вот тебе, на». Членимое предложение выражает значение передачи какого-либо предмета собеседнику.

Как видно из примеров, нерасчлененные предложения не просто передают эмоциональный оттенок (восклицания), но и выражают отношение к высказываемому. Поэтому коммуникема – это не особая лексема и не особая часть речи, а особым образом функционирующая единица языка, выражающая относительно законченную мысль, характеризующаяся наличием коммуникативной функции и выполнением текстообразующей роли. Это вынуждает нас признать ее синтаксический статус. Функциональный аспект в данном случае оказывается доминирующим. Их основное содержание сводится к утверждению или отрицанию, согласию или несогласию, т. е. коммуникемы служат для выражения отношения говорящего к окружающей действительности и употребляются преимущественно в ответных репликах диалогической речи, а также в монологической речи при самовозражении. Они ситуативно обусловлены, зависимы от предшествующей реплики, реакцией на которую являются.

Фразеосинтаксические схемы обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т. е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение и изменение [7, с. 170–174; 9, с. 102–105]. Фразеосхемы характеризуются набором обязательных синтаксических признаков: воспроизводимостью, устойчивостью, структурно-семантической целостностью, идеоматичностью и эмоциональностью. Они строятся по определенной фразеологической схеме. Например: *Ушосонть кармась экшелгадомо. Тусь начко лов. «Вана теть тундо, – марямга мерсь эстензэ Федор Иванович. – Теке кольниця тейтерь: васня тердевтсь кудат, мейле турват пуртни»* [6, с. 137] «На улице стало холодать. Пошел мокрый снег. «Вот тебе весна, – вслух произнес себе Федор Иванович. – Словно капризная девушка: сперва пригласила сватьев, затем дуется»; мокш. *Мон ласьконь паксява эрьхкти, лаподень модать лангс и аварьгодонь, а сяльде моразевонь, лафчемсь седизе,* ***вага теть ваймама!*** [10, с. 65] «Я убежал в поле к озеру, лег на землю и горько заплакал, а потом я запел, стало легче на сердце, вот тебе отдых!».

Анализ конструкций с неспециализированными семантическими функциями проведен на примере высказываний, построенных по модели эрз. «вана теть», мокш. «вага теть» «вот тебе» + существительное».

«Устойчивые модели – это синтаксические построения, обладающие понятийным значением, которое почти полностью равно семантике составляющих его лексических элементов; в их составе отсутствуют десемантизированные или фразеологизированные лексические компоненты» [8, с. 184]. Например: эрз. *Минек кудосо весе ули: и электороннонь, и бытэнь техника, кудоютконь оймсемань ды ярсамопельть.* ***Мезе седе ламо оште эряви!*** [12, с. 11]. «В нашем доме все есть: и электронная, и бытовая техника, домашняя мебель и посуда. Чего еще больше надо!»; мокш. *– А может, мон эряфсон аньцек фкянь кельгонь, тон въдь аф содасак? – Тя тонто?* ***Верондань мон тейть, мезе ина!*** *– Фкянь!* [9, с. 65]. «– А может, я всю жизнь одну люблю, ты же не знаешь? – Это ты-то? Поверю я тебе, как же! – Одну!».

В целом устойчивые модели представляют собой предложения промежуточного (переходного) типа: синтаксические отношения внутри модели такого предложения актуальны, порядок следования структурных компонентов обратим, их морфологическая парадигма, как правило, полная, они легко распространяются и вступают в синтаксические отношения с другими простыми предложениями для формирования сложных синтаксических структур. При этом они обладают целым рядом фразеологических признаков, которых, однако, недостаточно для их однозначного отнесения к синтаксическим фразеологическим единицам.

Исходя из вышеизложенного, констатируем: к ядру синтаксических фразеологических единиц в мордовских языках относятся коммуникемы и фразеосхемы, а устойчивые модели формируют их периферию.

Список использованных источников

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д, 1964. – 315 с.

2. Бабайцева, В. В. Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. – Воронеж, 1967. – 392 с.

3. Богдашкина, С. В. Семантическое своеобразие фразеологизмов в говорах мокшанского языка / С. В. Богдашкина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 2 (5). – С. 112–115.

4. Водясова, Л. П. Метафорическое представление концептов «жизнь» и «смерть» в мордовских, русском и английском языках / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 61–64.

5. Водясова, Л. П. Лингвистические сигналы начала и конца сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3 (11). – С. 76–78.

6. Доронин, А. М. Кочкодыкесь – пакся нармунь : роман / А. М. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1993. – 384 с.

7. Морозова, Е. Н. Компаративные фразеологические единицы со значением характеристики человека в русских говорах Мордовии / Е. Н. Морозова // Казанская наука. – № 9. – 2012. – С. 170–174.

8. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения / В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д, 2004.

9. Налдеева О. И. Жанровое своеобразие современной лирики Поволжья / О. И. Налдеева, В. В. Шигуров // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 102–105.

10. Мокша : лит.-худож. и общ.-полит. журн. – 2007. – № 5. – С. 45–67.

11. Сятко : лит.-худож. и общ.-полит. журн. – 1986. – № 6. – С. 11–45.

12. Сятко : лит.-худож. и общ.-полит. журн. – 1992. – № 11. – С. 33–67.

References

1. Arkhangelsky V. L. Set expressions in modern Russian. Rostov n / D, 1964, 315 p.

2. Babaytseva V. V. Transitive constructions in syntax. Voronezh, 1967, 392 p.

3. Bogdashkina S. V. The Semantic Peculiarity of Idioms in Dialects of the Moksha Language, The messenger of scientific research institute of the humanities at the Government of the Republic of Mordovia, 2011, No. 2 (5), pp. 112–115.

4. Vodyasova L. P. Metaphorical Representation of "Life" and "Death" Concepts of in the Mordvinian, Russian and English Languages, The Humanities and education, 2011, No 1 (5), pp. 61–64.

5. Vodyasova L. P. Linguistic signals of the beginning and the end of the complex syntactic whole in the modern Erzya language, Humanities and education, 2012, No 3 (11), pp. 76–78.

6. Doronin A. M. Kochkodykes – paksya narmun: novel. Saransk, Mordovian book publishing House, 1993, 384 p.

7. Morozova E. N. Comparative phraseological units with the meaning of the characteristic of the person in the Russian dialects of Mordovia, Kazan science, 2012, No 9, pp. 170-174.

8. Melikian V. Y. Modern Russian. Syntax of nondivisible sentence. Rostov n / D, 2004, 288 p.

9. Naldeeva O. I., Shigurov V. V. The genre originality of the Volga region's contemporary poetry, The Humanities and education, 2012, No 2 (10), pp. 102–105.

10. Moksha: literary and political Journal, 2007, No 5, pp. 45–67.

11. Syatko: literary and political Journal, 1986, No 6, pp. 11–45.

12. Syatko: literary and political Journal, 1992, No 11, pp. 33–67.

Поступила 14.02.2013 г.

УДК 398.2(=511.152)
ББК Ш3(2Рос-Мор)

Девяткина Татьяна Петровна
доктор филологических наук, профессор
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
АНО ВПО ЦС РФ «Российский университет кооперации»
Саранский кооперативный институт (филиал), г. Саранск, Россия
tatyana_devyatki@mail.ru

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТАХ МОРДВЫ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению религиозно-мифологического воззрения в культах предков, животных, деревьев в традиционной культуре мордвы и степень трансформации мировоззрения в современных обрядах.

Ключевые слова: культ, предки, религиозно-магические обряды, обереги, календарные праздники, боги, поверья, мифологическое представление, жертвоприношения, священные деревья, табу.

Devyatkina Tatyana Petrovna
Doctor of Philological Sciences, Professor
Department of Social Sciences and Humanities
Russian University of Cooperation, Saransk Cooperative Institute (branch), Saransk, Russia

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VIEWS IN TRADITIONAL CULTS OF THE MORDVA

Abstract: The article deals with the religious and mythological views reflected in the cult of ancestors, animals, and trees in the traditional culture of the Mordva. The author considers the present-day transformation of the Mordva world-view in the framework of the cults regarded.

Key words: cult, ancestors, religious and magic rituals, wording protection charms, calendar holidays, gods, legends, mythological view, sacrifice, sacred trees, taboo.

1. Культ предков

В научной литературе имеются различные определения понятия «культ» [2, с. 5–10]. В рамках данной статьи наиболее приемлемой является следующая формулировка: культ (от лат. *cultus* – почитание) – один из основных элементов религии; так называемые таинства, т. е. действия (телодвижения, чтение или пение определенных текстов и т. п.), имеющие целью дать видимое выражение религиозному поклонению или привлечь к их совершителям божественные силы [1, с. 607].

В традиционной культуре мордвы огромное внимание уделялось культу предков, так как они считались хранителями интересов своего рода. Мордва верила, что предки помогают живым, оберегают жизнь родственников от разных бед. С разложением патриархально-родовой организации общества носителем культа предков становится семья. Одним из представлений, составляющим этот культ, являлась вера в душу умершего, в загробное существование, в идею семейного покровителя. Без этого не было бы культа предков и их силе (благодетельной и карающей). Почитание предков ярко отражено в свадебных и похоронных обрядах. По верованиям мордвы покойники на том свете ведут такую же жизнь, как и на земле [5, с. 116]. В связи с этим во время похорон в могилу клали предметы домашней утвари, орудия труда, украшения и т. д. Признавалось, что некоторые божества-покровители находятся в ближайшем родстве с предками. Посредником между покойными и людьми считали богиню-покровительницу ветра Вармаву [6, с.183].

Не посоветовавшись с умершими предками, в повседневной жизни мордва практически ничего не предпринимала. По народным представлениям, кроме блага покойные, разгневавшись за что-либо, могли наслать болезни, несчастья, неурожаи и т. д. Мордва верила, что если их умилостивить, угостить, то они станут добрыми. В этих целях им приносили жертвы (коня, овцу, теленка) на кладбище, позднее – во дворе дома. Имена предков упоминались в праздничные дни, к ним обращались во время семейных и общественных молений. Перед Пасхой в великую пятницу кардафлейская мордва топила «*атянь баня*» (баню предков). В эту баню приглашали умерших. Специально для них готовили

теплую воду, веник и каждый, кто начинал мыть голову или париться, предлагал то же самое делать и своих предков [7, с. 367]. Умерших предков приглашали перед Пасхой домой и ставили для них на подоконник крашеные яйца. В первый день Пасхи в некоторых местностях совершали моление в доме, где хранилась и зажигалась (один раз в году) ритуальная родовая свеча предков – м. «*атянь штатол*» самодельная свеча, вставленная вместо подсвечника в липовую палку, которая непременно должна быть кривой и с корой). Каждый род имел свою свечу предков. Когда и кем они были сделаны – неизвестно [7, с. 368]. В последний день Пасхи (перед закатом солнца) за околицей устраивали проводы предков. Выносили их постель (подушку и войлок), шапку с деньгами и яйцами, свечу предков. Здесь угощали в последний раз предков и в дар им скоблили ножом монету (если кому из покойников на том свете потребуется заплатить за перевоз или за ночлег на пути). Предков просили собрать (на том свете) вновь умерших родственников и показать им дорогу на свои места. Вслед за покойниками стреляли из ружей в целях очищения пути от чертей, так как черти, по мнению мордвы, боятся ружейного шума. На проводах Пасхи в сторону кладбища катали яйца для умерших детей, чтобы они играли ими на том свете [7, с. 371].

Однако отношение к умершим у мордвы до сих пор двойственное. С одной стороны, присутствуют боязнь, стремление поскорее от них избавиться. В этой связи совершались различные магически-оберегательные действа [6, с. 184]. С другой стороны – покойных всегда чтили. В их честь устраивались специальные семейные или родовые поминальные дни (м. *калмалангонь ши*, э. *калмолангонь чи*), занимавшие в системе религиозно-мифологических представлений важное место. В поминках, устраиваемых в честь умершего в целях его почитания и поклонения другим предкам, отражены вера мордвы в загробный мир, земные потребности умерших, мифическая связь между мертвыми и живыми.

По языческим обычаям поминки справлялись шесть раз подряд по субботам [6, с. 228]. С принятием христианства стали соблюдаться поминальные дни по обычаям русской церкви. Наиболее значительными до сих пор считаются поминки сорокового дня. До этого дня соблюдались различные табу: нельзя было подметать пол, чтобы не ушибить ноги покойного; покрывать колыбель ребенка чем-либо, чтобы при качании не задеть покрывалом усопшего и т. д. Определенные запреты соблюдались и перед похоронами в доме покойного (ходить босиком, громко разговаривать и т. д.). По верованиям мордвы в некоторых случаях (в частности, при «вызове» дождя во время засухи, болезнях) помощь живым могли оказать умершие не своей смертью предки (м. «*аф эсь куломасост*») – кто утонул, покончил жизнь самоубийством и т. п.

Многие обереги, ритуалы, исполняемые в честь предков (посещение кладбища, поминки, приглашение на Пасху и др.), сохраняются до сих пор.

2. Культ деревьев

Как и другие этносы, мордва поклонялась некоторым деревьям, что ярко отразилось в мифологических песнях, преданиях, сказках, обрядах. Одной из наиболее почитаемых была береза (м. *келу*, э. *килей*), олицетворяющая в народной культуре плодородие, женское начало. По эрзянскому преданию, береза впервые выросла на могиле красивой и смелой девушки Кили, сражавшейся с ногайцами. В ее честь и было названо дерево [11, с. 50–52]. У мордвы-мокши береза олицетворяет взаимосвязь трех миров: ее корни уходят в подземный мир, отождествляемый в народных верованиях с миром умерших предков; крона – в мире мифологических покровителей; ствол находится в земном мире – соединяет миры покровителей и предков [9, с. 7]. Связью с потусторонним миром считают обычай сажать березу на могиле.

В свадебных песнях береза символизирует красоту, стройность невесты [3, с. 33]. Традицию хлестать по спине входящих в дом жениха гостей березовыми вениками, украшать ветками свадебный поезд, окна домов на Троицу, проводы праздника Весны считали оберегом от нечистой силы, ведунов, гнева богов [4, с. 467]. К священной березе ходили с мольбой о здоровье, около нее совершали религиозно-магические обряды с молянами (*озксы*). Чудодейственные свойства дерева отражены в причитаниях, песнях.

Наиболее распространенным объектом поклонения во время озксов был дуб (м. *тума*, э. *тумо*), олицетворявший силу, твердость, мужское начало. Совершая вокруг дерева ритуальный обряд, мордва просила послать им дождь. Согласно мифологическим материалам дуб оберегал людей от бед. Запрещалось находиться около этого дерева во время грозы: бог-покровитель грома – Пурьгинепаз (у эрзи), Атямшкай (у мокши) мог разгневаться и превратить человека в дуб. В песнях образ дуба отражал мифическую силу, указывал на необычное происхождение героя. В детских потешках дерево упоминалось как благое пожелание: «Расти сильным, стой твердо, как дуб». В бане для укрепления здоровья парились дубовыми вениками. В некоторых селах Чамзинского района Республики

Мордовия (2000 г.) сохранился обычай ходить к «озномо тумо» (молельному дубу) с просьбой послать дождь, рождение детей.

Красивую женщину сравнивали с яблоней (м. *марлю*, э. *умарина*). В мифологии яблоня олицитворяла равновесие мира: ветвями закрыла небо, корнями пронизала землю. Растет это дерево в середине большого темного леса на поляне, и охраняет ее сын Бога (Чипаз) – Нишкепаз. Плоды на ней двуцветные: красные на востоке, белые на западе. Дорогу к яблоне знает лишь златоглавая пчелиная матка, собирающая нектар [10, с. 32].

В деревне Вечкенино Наровчатовского уезда М. Е. Евсевьев зафиксировал так называемые «прощеные» липы (м. *пяше*, э. *пекше*). По религиозно-мифологическим представлениям мордвы эти деревья обладают свойством получать прощение от богов. По преданию прощеные липы выросли из крови двух сестер, которые некогда были растерзаны на этом месте волками. К липе обращались за помощью от всех болезней: приносили в дар еду, вешали на ветви холсты, платки, снимали с больных кресты, рубахи и оставляли под деревом, веря в то, что вместе с одеждой уйдет болезнь. Время поклонения липе не было регламентировано, но предпочтение отдавали лету и осени [7, с. 355].

Как оберег от нечистой силы использовалась осина (м. *пою*, э. *пой*). В то же время это дерево про́клятое, так как, согласно христианским источникам, на нем повесился Иуда. В строительстве осину не использовали. Верили, что под ней «кштихть шяйтаттне», м. (пляшут черти). В ритуально-магических заклинаниях известен мотив осинового кола, которой забивают на могиле колдуна или «приходящего» покойника [6, с. 140].

Рябина (м., э. *пизелкс*) оберегала от вредоносной магии при строительстве дома, в связи с чем ее с корнями закапывали в подполе или во дворе. Во время свадьбы жениху и невесте на счастье клали за пазуху ветку рябины. Это дерево ставили по обе стороны домашней двери, чтобы отвадить «приходящих» покойников домой; держали ветки в комнатах от сглаза, закапывали в угол хлева для восстановления плодовитости домашнего скота. По верованиям мордвы священные деревья запрещено рубить (чтобы не навлечь на себя гнев богов-покровителей). В современной культуре деревья в той или иной степени также используются по мере жизненной необходимости (в основном в народной медицине).

3. Культ животных

В религиозно-мифологических источниках отражено поклонение определенным животным. В обрядовых действах (свадебных, рождественских) значительное место отводилось медведю, его ритуальным пляскам. Согласно легенде медведь – про́клятый человек, поэтому у него ноги и ступни человечьи [11, с. 32]. Он символизировал богатство, здоровье, доброту, плодородие. В этом образе иногда представлялся эрзянский сын верховного бога Чипаза – Нишкепаз.

У мордвы-эрзи сохранились песни о похищенной медведем девушке и родившей от него детей звериного или человеческого облика, обладающих богатырской силой. В песнях о брачных союзах между людьми и медведями нередко упоминается медвежья страна, находящаяся далеко в лесу, куда медведь уносит похищенную девушку, свою будущую жену. В мокшанских сказках медведь сожительствует с женщиной, рождающей «*офтонь цера*» (м.) (медвежьего сына), растущего не по дням, а по часам. Он говорит человеческим голосом, исполняет песни, обращается за помощью к людям, в частности к женщине, чтобы она вытащила из лапы занозу, и в благодарность приносит ей мед [8, с. 26].

Убийство медведя считалось тяжким преступлением, за которым следовало наказание: умирали мать, отец, жена, ребенок. Однако в более поздних сказочных сюжетах он воспринимается уже не как культовое животное. Сын медведя и женщины убивает своего отца-медведя.

В свадебных обрядах медведя обычно изображала женщина в шубе и шапке, вывернутых наизнанку. Вместе с родителями жениха она выходила встречать приехавшую молодую пару. Медведь символизировал также чадородие и богатство у будущей супружеской пары. В связи с этим невесту и жениха сажали на медвежью шкуру или шубу [3, с. 42]. После венца молодая наступала при входе в дом жениха на шубу, ею же покрывали постель новобрачных. С плодородием связан обычай ряжения медведем на Святках.

Образу медведя приписывались оберегательные функции. На эрзянской свадьбе сваха, имитирующая медведя, хлестала веником всех входящих в дом [6, с. 214]. По народным представлениям медведя боятся нечистая сила и колдуны, поэтому в старину мордва держала в конюшне, в хлеву черепа медведей, чтобы злые духи не могли туда проникнуть и навредить скотине. М. «*офтонь бокон*» (шиповник; букв.: «медвежий пупок») вешали в целях оберега в хлеву. Некоторые заводили на двор и в конюшню живых зверей, когда в селе появлялись поводыри с медведями.

В связи с развитием земледелия роль культовых животных, деревьев, заметно уменьшается. Объектом поклонения становится лошадь

(м., э. *алаша*) – особо почитаемое и жертвенное животное. В мифологической песне «Конь и Сокол» в поединке с соколом за право быть кормильцем народа, владельцем земли конь становится победителем [10, с. 29–30]. Культ лошади отражен в различных ритуально-магических обрядовых действах. В Симбирской губернии при перенесении свадебных пирогов из избы в амбар, к месту брачного ложа молодых, на одну из женщин надевали узду и вели ее впереди всей процессии. При этом женщина, подражая лошади, топала ногами, скакала, ржала. В Атяшевском районе Республики Мордовия и теперь при встрече свадебного поезда пожилые женщины, «оседлав» разукрашенные палки, выходят навстречу молодым, возвращающимся из загса [6, с. 92]. В эрзянском селе Лобаски Атяшевского района Республики Мордовия лошадь приносили в жертву в поминальные дни по умершим мужчинам. После тризны кожу лошади оставляли на кладбище, развесив ее на дубе. Позднее, разрезав кожу на узкие ленты (в целях сохранения), клали ее на могилу. С принятием христианства лошадь перестала быть жертвенным животным. Конское мясо не употребляли на тризнах [6, с. 91].

Культ лошади также отразился в украшениях женщин эпохи железа (в частности, использовали подвески в форме лошадиной фигурки).

Обобщая изложенное выше, следует подчеркнуть, что в культах глубоко отражены религиозно-магические воззрения мордвы, представленные в различных обрядах, табу, оберегах, в которых в определенной степени выявляется специфика и менталитет культуры.

Список использованных источников

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл., 1997. – 1456 с.

2. Винокурова, И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов / И. Ю. Винокурова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГу, 2006. – 448 с.

3. Девяткина, Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 192 с.

4. Девяткина, Т. П. Культ деревьев / Т. П. Девяткина // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – Саранск, 2003. – 576 с.

5. Девяткина, Т. П. Мифология мордвы : учеб. пособие / Т. П. Девяткина. – Саранск : Саран. кооп. ин-т, 2005. – 124 с.

6. Девяткина, Т. П. Мифология мордвы : энциклопедия / Т. П. Девяткина. – Саранск : Крас. Окт., 2006. – 333 с.

7. Евсевьев, М. Е. Историко-этнографические исследования : избр. тр. Т. 5. / М. Е. Евсевьев – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. – 552 с.

8. Мордовские народные сказки. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1978. – 416 с.

9. Памятники мордовского народного музыкального искусства : в 2 т. Т. 2. Мокшанские неприуроченные долгие песни междуречья Мокши и Инсара. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 320 с.

10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : Т. 1. Эпические и лирические песни. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 400 с.

11. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : Т. 10. Легенды, предания, былички. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 255 с.

References

1. Gread Encyclopedic Dictionary, ed. A. M. Prokhorov. 2nd edition (revised and completed). Moscow, 1997, 1456 p.

2. Vinokurova I. Yu. Animals in Traditional Views of the Veps. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing, 2006, 448 p.

3. Devyatkina T. P. Moksha Wedding Rites and Songs. – Saransk, Mordvinian Publishing House, 1992, 192 p.

4. Devyatkina T. P. The Cult of Trees, Mordovia, Encyclopaedia. Vol. 1. Saransk, 2003, 576 p.

5. Devyatkina T. P. Mordvinian Mythology: Student's Book. – Saransk: Saransk Cooperative Institute Publishing, 2005,124 p.

6. Devyatkina T. P. Mordvinian Mythology, Encyclopaedia. Saransk: Krasny Oktyabr Publishing House, 2006, 333 p.

7. Evsevyev M. Ye. History and Ethnography Studies: Selected Woks. Vol. 5. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1966, 552 p.

8. Mordvinian Folk Tales. Saransk: Mordvinian Publishing House, 1978, 416 p.

9. Mordvinian Traditonal Music Records. Vol. 2: Moksha Longer Songs of the Country Between the Moksha and Insar Rivers. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1984, 320 p.

10. Oral Epic Works of the Mordvinian People. Vol. 1: Epic and Lyric Songs. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1963, 400 p.

11. Oral Epic Works of the Mordvinian People. Vol. 10: Legends, Stories, Tales. Saransk, Mordvinian Publishing House, 1993, 255 p.

Поступила 10.04.2013 г.

УДК 821.112.2:82.09(045)
ББК 83.3(4)

Дусина Наталья Викторовна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
dnv179@mail.ru

КАРНАВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ПРОЗА ГЕТЕ («РИМСКИЙ КАРНАВАЛ»)*

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме карнавализации в творчестве Гете, в частности в его «Путешествии в Италию». Особое внимание автором статьи сосредоточено на анализе феномена римского карнавала, амбивалентной природы карнавальных образов, основанном главным образом на теории М. М. Бахтина.

Ключевые слова: карнавал, карнавализация, дискурс, концепция карнавальности, карнавальное мировоззрение, карнавальные образы.

Dusina Natalya Viktorovna
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia
dnv179@mail.ru

CARNIVALESQUE DISCOURSE: GOETHE'S PROSE ("ROMAN CARNIVAL")

Abstract: This article is devoted to the carnivalization problem in Goethe's works, in particular, in his "Travel to Italy". The author focuses on the analysis of the phenomenon of the Roman carnival, the ambivalent nature of carnival images, mainlybased, on M. M. Bakhtin's theory.

Key words: carnival, carnivalization, discourse, conception of karnavalnost, carnival outlook, carnival images.

Произведения смеховых жанров – пример одного из немногочисленных воплощений карнавального сознания, описанного М. М. Бахтиным. В своей знаменитой работе о Рабле (1965) литературовед применил понятие карнавала – ежегодного праздника перед великим постом – ко всем явлениям культуры Нового времени.

В центре концепции карнавализации М. М. Бахтина – идея об «инверсии двоичных противопоставлений», т. е. о переворачивании смысла бинарных оппозиций. Выходя на карнавальную площадь, народ прощается со всем мирским перед долгим постом, в связи с чем все основные оппозиции христианской культуры и все бытовые представления меняются местами.

Карнавальное мироощущение возникло еще в первобытные времена, а затем получило особое развитие в эпоху Средневековья. Именно тогда односторонняя серьезность тона канонической средневековой культуры вызвала необходимость создания наряду с официальной культурой параллельных ей форм исключительно смехового характера, в которых находили выражение веселость и шутка.

В Новое время произошло значительное ослабление карнавального сознания в силу того, что карнавальность практически полностью вытеснило официальное литературное творчество. В то же время было бы неверно утверждать о полном исчезновении в эту эпоху карнавального сознания. Дело в том, что карнавальному мироощущению присуща могучая животворная преобразующая сила и неистребимая живучесть.

По справедливому утверждению М. М. Бахтина, «карнавальные формы, транспонированные на язык литературы, стали мощными средствами художественного постижения жизни, стали особым языком, слова и формы которого обладают исключительной силой символического обобщения, то есть обобщения в глубину. Многие существенные стороны жизни, точнее, пласты ее, притом глубинные, могут быть найдены, осмыслены и выражены только с помощью этого языка» [2, с. 176–177].

В XVIII–XIX вв. карнавал все еще достаточно четко сохранял ряд главных особенностей народно-праздничной стихии. Поэтому эпитетом «карнавальный» в широком смысле уместно характеризовать богатую и разнообразную народно-праздничную жизнь Средневековья и Возрождения, а также ее основные черты, которые наглядно представлены для последующих поколений.

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

В литературе и литературоведении тема карнавала и карнавальности возникает довольно часто. Одно из самых ярких описаний самой церемонии карнавала принадлежит И. В. Гете. Будучи свидетелем и участником римского карнавала, поэт в своем «Путешествии в Италию», написанном в 1787 гг., не только фиксирует каждый из эпизодов карнавального действа, но и анализирует их с позиции внимательного историка и, отчасти, с позиции ученого-философа, являясь практически первооткрывателем в области восприятия карнавала как эстетического явления и намечая тем самым пути для формирования романтической концепции карнавальности.

Как отмечают многие исследователи творчества немецкого поэта, итальянское путешествие Гете ознаменовало собой его перерождение и как человека, и как художника. По его собственным словам, здесь он понял свое человеческое предназначение. Поездка Гете в Италию в 1786 г. была своего рода побегом – так неожиданно и стремительно он покинул размеренную жизнь курортного Карлсбада, чтобы более двух лет не возвращаться в Германию. Вместе с тем резкий разрыв с «растворяющей» художественный образ повседневностью был следствием долгих размышлений и духовных странствий.

Именно в Риме Гете иначе стал воспринимать природу, историю и искусство. Г. А. Тиме отмечает: «Значение его римских и итальянских впечатлений трудно переоценить: все творчество зрелого Гете так или иначе определяются ими. Даже в виде непосредственных откликов на путешествие – это огромный творческий пласт» [9, с. 268]. Сюда можно отнести не только «Римскую элегию» (RömischeElegien) (1788–1790) и «Римский карнавал» (1789), но и дальнейшие размышления, материалы, воспоминания, дополнявшиеся и публиковавшиеся вплоть до 1828 г.

И. В. Гете был неравнодушен к таким элементам народно-праздничной игры, как переодевания и всякого рода мистификации, присутствовавшим еще в его раннем творчестве. Кроме того, и в зрелом возрасте Гете любил инкогнито путешествовать по Веймарскому герцогству, усматривая в этой забаве более глубокий и существенный смысл. На определенном этапе своей жизни его увлекала площадная масленичная комическая игра Сакса. А в Веймарский период, будучи присяжным организатором придворных праздников и маскарадов, Гете познакомился со специфической придворно-праздничной традицией карнавальных форм и масок. Все эти события послужили отправным пунктом для глубокого восприятия римского карнавала, описанного им в его знаменитом «Путешествии в Италию».

Гете обратился к описанию римского карнавала не случайно. Среди наиболее сильных впечатлений его ранней юности, пожалуй, самым ярким было воспоминание о присутствии на празднике избрания и коронации императора Священной римской империи германской нации во Франкфурте. Многие исследователи творчества поэта убеждены, что это было одно из юношеских впечатлений Гете, в известной степени определивших формы видения поэта на всю его последующую жизнь.

Первоначально поэт воспринял карнавал как одну из бесконечных форм лицедейства, неестественности, помпезной праздничности, порабощающих внутреннюю свободу человека. 3 февраля 1787 г. в письме герцогу Карлу Августу из Рима Гете писал: «Театр и церковные церемонии производят на меня достаточно удручающее впечатление, актеры прилагают много стараний, чтобы доставить радость, попы – чтобы возбудить набожность; но и те и другие действуют на определенную категорию людей, к которой я не принадлежу; оба эти искусства втравились в безумное великолепие» [Цит. по: 8, с. 149].

Однако через год поэт посмотрел на карнавальное действо совершенно другими глазами. В беспорядочной игре масок, веренице маскарадных образов, где «большая масса чувственных предметов должна непосредственно двигаться перед глазами, чтобы каждый мог на свой лад созерцать и воспринимать ее» [Цит. по: 8, с. 204], Гете находит нечто закономерное, символ жизни.

Рассмотрим гетевское описание римского карнавала, данное им в его «Путешествии в Италию», в котором отмечен народный характер этого праздника: «Римский карнавал – празднество, которое дается, в сущности, не народу, но народом самому себе» [Цит. по: 3, с. 264]. Его специфика заключается в том, что народ вправе делать то, что он хочет, не сковывая себя рамками официального праздника, на котором он вынужден с благоговением и благодарностью встречать царственные процессии и выражать пиететное уважение важным особам. Напротив, здесь каждый может валять дурака и как угодно сходить с ума. Во время карнавала дозволено почти все, кроме драк и поножовщины.

Гетевское описание римского карнавала представляет собой исследование образца итальянской народной жизни. Книга была издана с цветными гравюрами Крауса, причем преобладал не текст, а именно иллюстрации, на которых были изображены главным образом костюмы и

маски; текст же служил скорее для пояснения этих иллюстраций. Впоследствии Гете включил этот эпизод во «Второе пребывание в Риме», которое завершало автобиографическое «Путешествие в Италию».

В самом начале своего произведения автор занимает позицию стороннего наблюдателя: «Принимаясь за описание римского карнавала, мы боимся, как бы нам не возразили, что такое торжество, собственно, нельзя описать. Ведь столь большая масса чувственных предметов должна непосредственно двигаться перед глазами, чтобы каждый мог на свой лад созерцать и воспринимать ее» [6, с. 3].

Особого внимания заслуживает амбивалентная природа карнавальных образов. Все они двуедины, объединяют в себе два полюса: рождение и смерть (образ беременной смерти), благословение и проклятие (благословляющие карнавальные проклятия с одновременным пожеланием смерти и возрождения), хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, лицо и зад, глупость и мудрость. Для карнавала также характерно использование вещей наоборот: например, надевание одежды наизнанку, штанов на голову, посуды вместо головных уборов, употребление домашней утвари как оружия и т. п. В этом проявляется карнавальная категория эксцентричности, выражающаяся в нарушении обычного и общепринятого. Как отмечает О. И. Бирюкова, «ориентация на принцип структурности в исследовании жанра романа дает возможность восприятия его как целостного образования и указывает на то, что он является не совокупностью отдельно воспринимаемых признаков, а системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, подчиненных единой творческой идее» [4, с. 61].

Центральный момент карнавального превращения – изменение внешности с помощью маски, вывороченного тулупа или просто обмазывания сажей. Переодевание – «есть обновление одежд и своего социального образа» [3, с. 93], оно передает ту топографическую динамику, которую М. М. Бахтин называет перемещением «верха в низ» (возможным, по крайней мере, в трех планах: 1) космическом – земля вместо неба; 2) социальном – низшие сословия и классы вместо высших; 3) индивидуально-биологическом – органы низших человеческих функций вместо головы как органа сознания и мышления.

Правила карнавала создают свободу для индивидуальной импровизации: «Это не праздник, ослепляющий зрителя наподобие многих церковных праздников Рима; здесь нет фейерверка, из окон Сан-Анджело составляющего неповторимое зрелище; здесь нет иллюминации собора и купола Святого Петра, восхищающей и привлекающей чужеземцев из разных стран; нет блистательной процессии, при приближении которой положено молиться и изумляться, – здесь только подан знак, что каждый может сумасбродствовать и беситься сколько вздумается» [6, с. 21].

То многообразие форм, увиденное Гете в природе, где нет различия между высшим и низшим, а есть постоянные переходы, Гете находит в карнавале. В нем также стерто различие между высшим и низшим, на мгновение оно кажется снятым. Все охвачено «суматошной и бесконечной радостью» этого оазиса счастья. Карнавал только представляет, он вне логики понятия, он феноменален. Но в нем, однако, виден изоморфизм между жизнью в целом и игрой. Этот изоморфизм обладает особым смыслом, который вне всяких понятийных рубрик и дискурсивного мышления, ибо «жизнь в целом, подобно римскому карнавалу, остается необозримой, неподатливой, даже сомнительной, и пусть эта бесконечная толпа масок каждому из нас напомнит о важности любого мгновения наслаждения жизнью, часто кажущегося нам ничтожным» [6, с. 51].

Гете намеренно подчеркивает отмену каких бы то ни было иерархических граней, чинов и положений и на этом фоне абсолютную фамильярность карнавального веселья: «Различия между высшими и низшими на миг как будто перестают существовать: все сближаются, каждый относится легко ко всему, что с ним может случиться, и взаимная бесцеремонность и свобода уравновешиваются общим прекрасным расположением духа» [6, с. 19].

Глубоко амбивалентен образ огня в карнавале, который в одно и то же время и уничтожает, и обновляет мир. Практически на всех европейских карнавалах обязательно присутствовало сооружение в виде повозки с карнавальным барахлом, называвшееся «адом». Финалом карнавала было торжественное сожжение «ада».

Для римского карнавала характерен обряд «moccoli»: каждый участник карнавала нес зажженную свечу («огарок»), причем каждый старался погасить свечу другого с криком «Siaammazzato!» («Смерть тебе!»). В своем знаменитом описании римского карнавала Гете, пытающийся раскрыть за карнавальными образами их глубинный смысл, приводит глубоко символическую сценку: во время «moccoli» мальчик гасит свечу своего отца с веселым карнавальным криком «Sia am mazzatoil Signore Padre!» («Смерть тебе, синьор отец!»).

Карнавальный смех генетически связан с древнейшими формами ритуального смеха, имеющего своими целями осмеяние солнца, богов, высшей земной власти, чтобы заставить их обновиться. Все они были связаны со смертью и возрождением, с производительным актом, с символами производительной силы. По справедливому замечанию Л. П. Водясовой, жизнь «воспринимается как путешествие: рождение – пункт отправления, смерть – пункт назначения, конец путешествия, дороги. В течение всей жизни человек совершает путешествие между этими двумя станциями» [5, с. 65]. Ритуальный смех был реакцией на солнцевороты, кризисы в жизни божества, мира и человека. В нем осмеяние и ликование сливались воедино.

Подобная древнейшая ритуальная направленность смеха на божество и власть определила его привилегии в эпоху античности и в средние века. В формах комического разрешалось то, что было недопустимо в форме серьезности. В эпоху Средневековья под прикрытием узаконенной вольности смеха была возможна даже пародия на священные тексты и христианские обряды.

Карнавальный смех также направлен на смену властей и в целом миропорядка. В акте карнавального смеха сочетаются смерть и возрождение, отрицание (насмешка) и утверждение (ликующий смех). Это глубоко миросозерцательный и универсальный смех. Такова его специфика.

В небольших главах книги «Путешествие в Италию» Гете-наблюдатель детально описал карнавальное действо, со своей точки зрения упорядочив шум, столпотворение, необозримое скопление народа, брызжущее через край веселье. В заключительной главе «Среда на первой седмице поста» поэт пишет: «И вот уже, как сон, как сказка, промелькнул этот непутевый праздник, возможно оставив в душах тех, кто в нем участвовал, меньший след, чем в читателе, перед воображением и разумом которого мы развернули целое в его последовательной связи» [6, с. 57].

Рассказчик в состоянии разобраться в «ужасающей сутолоке» карнавала, во всем его «сумбуре», лишь описав его в деталях, выбрав те из них, которые, по его мнению, смогли бы удивительным образом выявить саму структурную основу происходившего. При этом, как утверждает Е. А. Жиндеева, «авторский миф, зачастую идентифицируемый как миромодель художественного сознания писателя, позволяет не только выявить нюансы восприятия окружающего мира, но и несет отпечаток временных и вневременных парадигм общественного развития» [7, с. 65].

Таким образом, карнавал в Риме стал для Гете особо значимым событием в его итальянском путешествии. Короткая заметка «Судьба рукописи», написанная поэтом в 1818 г., показывает нам особую значимость итальянского путешествия. Гете ставит «Римский карнавал» в один ряд с такими научными исследованиями, как «Простое подражание природе, манера и стиль», «Попытка объяснить метаморфозу растений». В течение всей жизни Гете фиксировал привычные для Италии представления, берущие свое начало в римских карнавалах и дающие ключ к пониманию сути и структуры маскарадных шествий, и далее, к развитию собственных мыслей об этом.

Список использованных источников

1. Аствацатуров, А. Г. Гете и мир игры / А. Г. Аствацатуров // Гете. Жизнь. Творчество. Традиции. Санкт-Петербургские Гетевские чтения (1998–2001). – СПб. : Мир и семья, 2002. – С. 4–34.

2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – С. 7–300.

3. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Языки славянских культур, 2010. – Т. 4 (2). – С. 9–508.

4. Бирюкова, О. И. Неканонические жанрообразования и жанровые вставки как явление деканонизации в мордовском романе на этапе становления / О. И. Бирюкова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 60–65.

5. Водясова, Л. П. Метафорическое представление концептов «жизнь» и «смерть» в мордовских, русском и английском языках / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 61–64.

6. Гете, И. В. Путешествие в Италию / И. В. Гете ; пер. с нем. Н. А. Холодковского. – М. : БСГ-Пресс, 2010. – 655 с.

7. Жиндеева, Е. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений / Е. А. Жиндеева, Н. А. Дергунова // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 1 (5). – С. 64–69.

8. Конради, К. О. Гете. Жизнь и творчество. Т. I. Половина жизни / К. О. Конради ; пер. с нем. ; предисл. и общ. ред. А. Гугнина. – М. : Радуга, 1987. – 592 с.

9. Тиме, Г. А. Два пути в Рим: Гете и русский «гетеанец» Вяч. Иванов / Г. А. Тиме // Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. – СПб. : Нестор-История, 2011. – 456 с.

References

1. Astvatsaturov A. G. Goethe and the game world. Goethe. Life. Creativity. Tradition. St. Petersburg reading Goethe (1998-2001). – St. Mir and the Family, 2002, pp. 4–34.

2. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Coll. Op. : 7 tons – Moscow: Russian dictionaries: Languages of Slavic Culture, 2002, T. 6, pp. 7–300.

3. Bakhtin. M. M. Art Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance. Coll. Op. : 7 tons. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. Volume 4 (2), pp. 9–508.

4. Biryukova O. I. Not-canonical genre units and genre inserts as the decanonization phenomenon in the Mordovian novel at the stage of formation, The Humanities and education, 2011, No. 3 (7), pp. 60–65.

5. Vodyasova L. P. Metaphorical representation of concepts "life" and "death" in the Mordovian, Russian and English languages, The Humanities and education, 2011, No. 1 (5), pp. 61–64.

6. Goethe I. V. Journey to Italy / Goethe, trans. with him. N. Kholodkovskiith. Moscow: BSG-Press, 2010. 655 p.

7. Zhindeeva E. A., Dergunova N. A. Mith on the Soviet era performed by Veins. Yerofeev and M. Yelizarov: experience of the comparative and comparative analysis of two works, The Humanities and education, 2011, No. 1 (5), pp. 64–69.

8. Conrad K. O. Goethe. Life and Work.T. I. Half Life / KO Conroy di, trans. with him. , Foreword. and Society. Ed. A. Gugnin. Moscow: Raduga, 1987, 592 p.

9. Thieme G. A. Two paths to Rome: Goethe and the Russian "geteanets" Vyacheslav. Ivanov. Russia and Germany: the philosophical discourse in Russian literature of XIX–XX centuries.St. : Nestor-History, 2011, 456 p.

Поступила 12.11.2012 г.

УДК 811.511.152
ББК 81.66.3

Иванова Галина Софроновна
доктор филологических наук, профессор
кафедра мокшанского языка
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия
galina17-05@yandex.ru

Жебраткина Ирина Яковлевна
соискатель
кафедра мокшанского языка
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени
Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия

ИСТОРИЯ ДИАЛЕКТНЫХ КЛАССИФИКАЦИЙ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье прослеживается история мокшанских диалектных классификаций, позволяющих определить изоглоссы распространения языковых явлений.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, говор, классификация, языковые явления.

Ivanova Galina Sofronovna
Doctor of philological Sciences, Professor
Department of the Moksha language
Mordovian State University, Saransk, Russia

Zhebratkina Irina Jakovlevna
Candidate for a scientifie degree
Department of the Moksha language
Mordovian State University, Saransk, Russia

THE HISTORY OF DIALECT CLASSIFICATIONS OF THE MOKSHA LANGUAGE

Abstract: The article traces the history of Moksha dialect classifications, allowing to determine isoglosses of linguistic phenomena distribution.

Key words: The Moksha language, dialect, accent, classification, linguistic phenomena.

Диалектные особенности мокшанского языка становились объектом внимания многих ученых, как отечественных, так и зарубежных, начиная от венгерского ученого-путешественника А. Регули (1819–1858 гг.) и заканчивая современными исследователями: Ю. Н. Азрапкиным, К. И. Ананьиной, Р. В. Бабушкиной, Т. Д. Блашкиной, С. З. Деваевым, Г. С. Ивановой, О. И. Чудаевой, С. И. Липатовым, Т. И. Ломакиной, О. Е. Поляковым, П. Е. Седовой, М. З. Левиной, Т. А. Плаксиной и др.

«Начало отрывочной фиксации мордовской речи в виде небольших текстов, словарей и одиночных слов – названий различных предметов и явлений из области мордовской этнографии – восходит к XVII в.» [17, с. 3]. Самым ранней является работа голландского ученого Н. Витсена «Северная и восточная Татария», которая датирована 1692 годом [2, с. 51].

В начале 60-х годов XX века возникла необходимость изучения фонетико-морфологической системы мокшанских диалектов и групп говоров, впоследствии нашедших отражение во II (1963 г.), III (1963 г.) и IV (1966 г.) томах «Очерков мордовских диалектов». Это монографические исследования средне-вадского диалекта [6, с. 261–433], темяшевского диалекта [3, с. 16–226], колопинского говора [1, с. 251–289], старо-пшеневского говора [19, с. 27–49] мокшанского языка.

В 70-х годах в диссертационном совете при Тартуском госуниверсите состоялись защиты кандидатских диссертаций по рыбкинско-мамолаевским [11], верхне-алатырским говорам [2] и городищенскому диалекту [12].

В первой половине 2000-х годов описаны северо-западные говоры [13] и атюрьевский диалект [4].

Диссертационное исследование Н. Ф. Кукушкиной посвящено описанию фонетики мокшанских диалектов с использованием метода лингвогеографии [10].

Мокшанские говоры отличаются друг от друга фонетической, морфологической и лексической неоднородностью. Четких изоглосс, отражающих то или иное языковое явление, не существует. Это в первую очередь связано с ассимилятивными процессами, которые вызваны миграцией мокшанского населения [9, с. 60].

Вопрос о классификации мокшанских диалектов остро встал в конце 20-х годов XX в. В 1929 году М. Е. Евсевьев в «Основах мордовской грамматики» определил ареалы распространения мокшанской и эрзянской речи [7].

Первым к диалектной классификации мокшанского языка обратился И. Г. Черапкин. В своей работе «Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии» (1930 г.) он выделяет три диалектные группы: спасскую, краснослободскую и инсарскую, приводя некоторые отличительные особенности фонетического и морфологического плана [18, с. 19–31]. Однако в данной классификации четкой грани системных отношений между диалектными группами не наблюдается.

Классификацию, данную И. Г. Черапкиным, уточнил и дополнил А. П. Феоктистов в работе «Мордовские языки и их диалекты» [15, с. 63–82]. Делая акцент на фонетических и морфологических особенностях, он делит мокшанские говоры на три диалекта: северный, распространенный на территории Краснослободского, Темниковского и бывших Пурдошанского, Ельниковского, Рыбкинского, Мельцанского районов; юго-западный, в основном на территории Торбеевского, Ковылкинского и Зубово-Полянского районов; юго-восточный – главным образом на территории Рузаевского, Инсарского и Кадошкинского районов Мордовской АССР. Но строгого учета различий в системе фонем не было.

В более поздних работах А. П. Феоктистов несколько пересмотрел свою классификацию мокшанских диалектов. Диалектное членение он произвел на основе сравнения фонетических систем, меньше внимания уделяя морфологическим особенностям, несколько изменил и названия диалектов: северный стал называться центральным (краснослободско-темниковским), юго-западный – западным. Причем он признает, что говоры, входящие в ту или иную диалектную группу, неоднородны. «Границы между зонами распространения диалектных групп обычно размываются пограничными переходными и смешанными говорами» [14, с. 39–40].

Исследователей мокшанских диалектов эта классификация не вполне устраивала. В частности, С. З. Деваев отмечал, что если взять, например, выделенный А. П. Феоктистовым юго-западный диалект, то в фонетическом отношении он не является единым: в северной части находим ту же фонетическую систему, что и в литературном мокшанском языке. В то время южная часть имеет отличные фонетические черты, сближающие ее с юго-восточным диалектом. В связи с этим С. З. Деваев предложил выделить еще один самостоятельный диалект мокшанского языка – средне-вадский, отличающийся единством фонетической системы и происходящих в ней процессов, а также общими грамматическими особенностями. Средне-вадский диалект по звуковой системе гласных совпадает с юго-восточным диалектом [6, с. 262].

В своих дальнейших работах С. З. Деваев выделяет четыре мокшанских диалекта: цент-

ральный, юго-восточный, юго-западный и северо-западный. При этом он отмечал, что и эта классификация имеет предварительный характер, так как, во-первых, не все мокшанские говоры изучены, во-вторых, между диалектами очень трудно провести четкую территориальную границу.

Идентифицируя, с одной стороны, гласные системы центрального и северо-западного диалектов, с другой стороны, юго-восточного и юго-западного диалектов [5, с. 5].

В своей последней классификации А. П. Феоктистов предлагает разделить мокшанские диалекты на пять типов: центральный, юго-восточный, западный, переходный и смешанный. Первые три расположены на территории Мордовии, последние два – за ее пределами. При диалектной классификации им учитываются три аспекта: фонетический, морфологический и территориальный. В качестве фонетических особенностей берутся междиалектные чередования *ä//e, e//i//ä, J//š', o//u* и т. д. Территориально им охвачены говоры восточной части Мордовии. Говоры, расположенные за пределами Мордовии, могут быть отнесены к тому или иному типу в зависимости от преобладающих сходных явлений. Все диалектные типы в свою очередь включают различные варианты, например, в центральный диалект входят говоры как с семифонемной, так и с шестифонемной гласной системой. При этом для отнесения говоров к тому или иному типу основным требованием становится соответствие данного говора по основным фонетико-морфологическим показателям с говорами, взятыми для данного диалектного типа в качестве опорных [16, с. 71–86].

Г. С. Иванова на основе территориально-лингвистического принципа выделяет äкающий, икающий и экающий диалекты мокшанского языка. Первый характеризуется присутствием исторической фонемы *ä; во втором произошло сужение гласных переднего ряда нижнего и среднего подъемов: *ä > e, *e > i; в третьем сохранился общемордовский *e, но общемордовский *ä перешел в e [8, с. 25–27].

Несмотря на большое количество работ, описание мокшанских диалектов до конца не завершено. Перед исследователями стоит задача системно и подробно изучить и описать мокшанские диалекты по «Проекту подробной инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков» с учетом фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей. Обобщающим этапом этого исследования должна стать объемная работа по диалектографии мокшанского языка.

Список использованных источников

1. Азрапкин, Ю. Н. Колопинский говор мокша-мордовского языка / Ю. Н. Азрапкин // Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 4. – С. 251–289.

2. Ананьина, К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. И. Ананьина. – Тарту, 1974. – 25 с.

3. Бабушкина, Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка / Р. В. Бабушкина // Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. –Т. 4. – С. 16–226.

4. Блашкина, Т. Д. Атюрьевский диалект мокша-мордовского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. Д. Блашкина. – Саранск, 2005. – 18 с.

5. Деваев, С. З. Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте / С. З. Деваев // Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 4. – С. 3–16.

6. Деваев, С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка / С. З. Деваев // Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – С. 261 – 433.

7. Евсевьев, М. Е. Основы мордовской грамматики / М. Е. Евсевьев. – М. : Центриздат, 1929. – 446 с.

8. Иванова, Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении / Г. С. Иванова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 179 с.

9. Козлов, В. И. Расселение мордвы (Исторический очерк) / В. И. Козлов // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. LXIII. – Вып. 1. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – С. 5–63.

10. Кукушкина, Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов в лингвогеографическом освещении языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. Ф. Кукушкина. – Саранск, 2012. – 27 с.

11. Липатов, С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис… канд. филол. наук / С. И. Липатов. – Тарту, 1972. – 24 с.

12. Ломакина, Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. И. Ломакина. – Тарту, 1975. – 27 с.

13. Плаксина, Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук / Т. А. Плаксина. – Саранск, 2002. – 17 с.

14. Феоктистов, А. П. Введение // Современные мордовские языки. Фонетика / А. П. Феоктистов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – С. 4–55.

15. Феоктистов, А. П. Мордовские языки и их диалекты / А. П. Феоктистов // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды института эт-

нографии им Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. LXIII. – Вып 1 – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. – С. 63– 3.

16. Феоктистов, А. П. Мокшанские диалекты / А. П. Феоктистов // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. – B. I. – Helsinki, 1990. – S. 71–86.

17. Феоктистов, А. П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII–XVIII вв. / А. П. Феоктистов // Очерки мордовских диалектов. – Т. 2. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – С. 3–37.

18. Черапкин И. Г. Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии / И. Г. Черапкин // Уч. записки Сарат. ГУ. – Вып. 3. – Саратов, 1930. – Т. 8. – С. 19–31.

19. Чудаева, О. И. Старо-пшеневский говор мокша-мордовского языка / О. И. Чудаева // Очерки мордовских диалектов. – Т. 3. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – С. 27–49.

References

1. Azrapkin Ju. N. Kolopinsky Moksha dialect of the Mordovian language. Sketches of Mordovia dialects. T. 4. Saransk, Morodvia Publishing House, 1966, pp. 251–289.

2. Ananyina K. I. Upper Alatirsky Moksha language dialects: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Tartu, 1974. 25 p.

3. Babushkina R. V. Temyashevsky Moksha dialect of the Mordovian language, Sketches of Mordovia dialects. T. 4. Saransk, Morodvia Publishing House, 1966, pp. 16–226.

4. Blashkina T. D. Atyuryevsky Moksha dialect of the Mordovian language: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Saransk, 2005. 18 p.

5. Devayev S. Z. Dialects moksha: the Mordovian language phonological aspect, Sketches of Mordovia dialects. Saransk, Morodvia Publishing House, 1966. T. 4. Pp . 3–16.

6. Devayev S. Z. College-vadsky Moksha dialect of the Mordovian language, Sketches of Mordovia dialects. T. 2. Saransk, Morodvia Publishing House, 1963. Pp. 261–433.

7. Evsevyev M. E. Fundamentals of Mordovian grammar. Moscow, Tsentrizdat, 1929. 446 p.

8. Ivanova G. S. System of vowels in the dialects of the Moksha language in historical interpretation. – Saransk , Publishing House of the Mordovia University Press, 2006, 179 p.

9. Kozlov V. I. Settling of the Mordva (Historical Review) // Problems of the ethnic history of the people of Mordovia. Proceedings of the Institute of Ethnography N. Maclay. New series. T. LXIII. Issue. 1. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, pp. 5–63.

10. Kukushkina N. F. Phonetics Moksha dialects lingvo-geografic coverage language: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Saransk, 2012, 27 p.

11. Lipatov S. I. Rybkinsko-mamolaevskie dialects moksha- the Mordovian language: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Tartu, 1972, 24 p.

12. Lomakina T. I. Gorodischenskiy Moksha dialect-the Mordovian language: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Tartu, 1975, 27 p.

13. Plaksina T. A. Areal studies of north-western dialects of the moksha-Mordovian language: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Saransk, 2002, 17 p.

14. Feoktistov A.P. Introduction, Modern languages of Mordovia. Phonetics. Saransk, Morodvia Publishing House, 1993, pp. 4–55.

15. Feoktistov A. P. Mordovskie languages and their dialects, Questions of the ethnic history of the people of Mordovia. Proceedings of the Institute of Ethnography of the N. N. Maclay. New series. T. LXIII. Issue. 1. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, pp. 63–83.

16. Feoktistov A. P. Moksha dialects, H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. B. I. Helsinki, 1990, pp. 71–86.

17. Feoktistov A. P. Mordovian languages and dialects in the historical and ethnographic literature of XVII – XVIII centuries. Essays Mordovia dialects. – T. 2. – Saransk: Morodvia Publishing House, 1963, pp. 3–37.

18. Cherapkin I. G. Dialects of the Mordva-Moksha of the former province of Penza. Uch. Sarath notes. GIs. – Issue. 3. Saratov, 1930, T. 8, pp. 19–31.

19. Chudaeva O. I. Old-pshenevsky Moksha dialect-of the Mordovian language, Sketches of Mordovia dialects. T. 3. Saransk, Morodvia Publishing House, 1963, pp. 27 – 49.

Поступила 11.03.2013 г.

УДК 392.51
ББК 63.5(2)

Матлин Михаил Гершонович
кандидат филологических наук, доцент
кафедра литературы
ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, Россия
matlin@mail.ru

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ПОСЕЩЕНИЯ ВОДНОГО ИСТОЧНИКА В РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация: Статья посвящена исследованию обряда послесвадебного цикла – посещение водного источника молодой или молодыми в русской и мордовской традиционной свадьбе. На основе анализа полевых записей и публикаций XIX–XX вв. определяется структура обряда и специфика его бытования в каждой из этнических традиций на территории Ульяновской области в XX в.

Ключевые слова: традиции, обряды, ритуал, русская свадьба, мордовская свадьба.

Matlin Mikhail Gershonovich
Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Departament of Literature
Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

WEDDING CEREMONY OF VISITING A WATER SPRING IN RUSSIAN AND MORDOVIAN WEDDING TRADITION OF THE ULYANOVSK REGION

Abstract: The article deals with the ritual cycle that takes place atter wedding and includes visiting a water spring by the bride and the groom in Russian and Mordovian traditional wedding. Basing on the analysis of the field notes and publications of the XIX-XX centuries, the author, determines the structure of the rite and its specificity in each of the ethnic traditions in the Ulyanovsk region in the XX century.

Key words: traditions, rites, ritual, Russian wedding, Mordovian wedding.

Обряды послесвадебного цикла, в том числе и обряд посещения водного источника на второй или третий день свадьбы, почти не подвергались отдельному изучению, да и публикаций их в фольклорно-этнографических сборниках XIX–XX вв. весьма немного, хотя по имеющимся данным на территории России он существовал не только у восточно-славянских народов [3, с. 539; 5, с. 580; 10, с. 155–156; 8, с. 122–123; 17, с. 218, 479–480; 14, с. 83], финно-угорских [13, с. 273; 7, с. 339–340; 11, с. 142], тюркских [12, с. 145; 2, с. 26] и др. Это, с одной стороны, свидетельствует о независимом происхождении данного обряда у каждого из этносов, а с другой – в случае совместного компактного проживания и длительных культурных контактов между ними обусловливает возможность взаимовлияний и различного рода диффузий.

Большой интерес в этом отношении представляет Ульяновское Поволжье – полиэтнический регион, где в течение трехсот лет эти контакты осуществлялись с разной степенью активности как в более или менее моноэтнических регионах, так и в смешанных, особенно на границах с соответствующими республиками.

Рассмотрим особенности бытования указанного обряда, анализируя записи из фольклорного архива кафедры литературы УлГПИ им. И. Н. Ульянова и некоторые публикации XIX–XX вв.

Русская традиция

«Затем молодой устраивали испытание: она метет избы, гости кидают мелочь туда, где она подмела, и кричат: “А невеста-то у вас не работница!” <…> Затем: “А умеет ли она за водой ходить?” И опять озорство начиналось. Лишь наберет молодая в колодце воду, кто-нибудь подбежит и опрокинет их. Она снова по воду идет. Намучают бедную так, что аж пот по лицу течет, причем жених ей не помогает, а стоит со всеми и смотрит: какая ему жена досталась?» (13.07.1995; р. п. Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области; Чудеснова Надежда Михайловна, 1925 г. р., русская; зап. Шихова С. М.).

Мордовская традиция

«На третий день идут за водой, на родник идут за водой. Невесте дают коромысло, два ведра. Это коромысло завернуто полотенцем,

* Работа проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00254).

красивым, обшитым, весь красивый с кружевами для невесты. Вот положат на плечи: «Идемте!». Гармошка, опять одеваются, кто как сумеет, берут вино, берут закуску. Вот, примерно, колодец, так колодец. Раньше большинство колодцы были, а сейчас ведь колонки. Если колодец, она идет, тащит, тащит, тащит – ра-аз! Возьмут опрокинут – обратно. Она опять тащит, тащит, тащит, тащит – ра-аз! – обратно. Если жених успеет отцепить ведро – и бегом – за женихом бегут. Если поймали, так обратно ведро взяли. Не поймали – так пошел, принес воды домой – все. [Эти испытания носили шуточный характер?] – Шуточный, конечно, шуточный, шутки. Мы уже раньше все время невесту предупреждали: “Ты уж не сердись! Это все шутки, не сердись!” Она и не сердилась, нет» (10.07.2009; р. п. Павловка Ульяновской области; Руссяева Зинаида Яковлевна, 1938 г. р., мордовка, родилась в с. Илюшкино Павловского района Ульяновской области; свадьба была в с. Илюшкино в 1959 г.; зап. Ибрагимова Д. М.).

Как видно из приведенных примеров, русский и мордовский обряды имели общую ритуальную основу – посещение молодой / молодыми водного источника, совпадали и некоторые детали: например, воду набирали из колодца; зрители старались разлить ее; для молодой этот обряд был своеобразным испытанием со стороны мужа и его родных. Похоже в данных описаниях и отношение участников обряда к нему – смеховое.

Обобщая все имеющиеся архивные записи данного обряда (русские и мордовские), сделанные на территории Ульяновской области, можно так описать его инвариантную структуру.

1. Причина, по которой посещают водный источник; 2. Цель посещения водного источника; 3. Тип водного источника; 4. Состав посещавших водный источник; 5. Действия у источника до набора воды; 6. Добывание воды из источника; 7. Действия с водой, добытой из источника; 8. Действия по дороге домой от источника; 9. Действия с водой в доме.

Рассмотрим теперь некоторые из указанных элементов и актов, зафиксированные на территории Ульяновской области как в русской, так в мордовской свадьбах.

В русской традиции Ульяновской области выявлены все четыре причины отправления молодой или молодых на источник из зафиксированных – посещение источника с благословления старших, отправление на него с указанием отправителя, посещение без указания отправителя, отведение на источник. «Утром встанут: “Тятенька, маменька, благословите на работу”. Пойдут за водой» (17.07.1979 г.; с. Солдатская Ташла Теренгульского района Ульяновской области; Анисимова Александра Семеновна, 1900 г. р.; зап. Т. Васильева). «На второй день родственники жениха рано будят их, посылают за водой. При этом родственники жениха мешают принести воды: сыпят в ведро камни, мусор» (14.07.1991; р. п. Николаевка Николаевского района Ульяновской области; Аргуткина Нина Николаевна, 1949 г.р., русская; зап. Аргуткина З. А.). «Молодая выполняла [на второй день. – *М. М.*] различную работу: ходила за водой, доила корову, могла даже затеять испечь пироги» (11.07.1996; с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области; Шарымова Дарья Федоровна, 1915 г. р., местная; зап. Карпунина Н. А.). «На второй день перед пиром молодых ведут к роднику или речке» (09.07.1978; с. Карпаты Вешкаймского района Ульяновской области; Жидкова Анна Григорьевна, 1907 г. р., русская, родилась в с. Сурки Вешкаймского района Ульяновской области; зап. Чередникова М. П.).

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области зафиксировано только три варианта – отсутствует благословление старших. «После [на второй день. – *М. М.*] все ряженые и жених с невестой идут к колодцу за водой» (17.07.1986; с. Давыдовка Николаевского района Ульяновской области; Чувашова Екатерина Емельяновна, 1918 г.р., мордовка; зап. Попова Н. Г.). «Примерно через месяц после свадьбы бывают “горны”. После “горнов” молодушку посылают на речку за водой или полоскать белье» (15.07.1995; с. Томылово Кузоватовского района Ульяновской области; Ключникова Анна Павловна, 1910 г.р., мордовка; зап. Юрченкова Е. В.). «На второй день невесту выводили за водой» (23.07.1989; с. Белое Озеро Николаевского района Ульяновской области; Бакина А. Е., мордовка; зап. Енотова Е.).

К сожалению, в имеющихся записях не отмечено, кто ведет ее, и только в одном сказано, что «на утро второго дня невесту брат жениха водил показывать колодец» (07.1993 г.; с. Мордовская Темрязань Барышского района Ульяновской области; Еремеева Ефросинья Никитична, 1912 г. р., мордовка; зап. Роганов Н.). Однако, как полагал М. Евсевьев, хождение молодой в мордовской свадьбе к источнику самостоятельно – поздний вариант традиции. «Помаевцы, судя по языку и некоторым сохранившимся старинным обрядам и обычаям, выходцы из (бывш.) Арзамасского уезда Нижегородской губернии, занимаются, кроме земледелия, выделкой овчин и торговлей, они как промысловый народ значительно обрусели, многие старые обычаи оставили. Оставили и обряд вывода молодушки на воду. Но обычай этот здесь

молодушка сама выполняет, так как без этого она не может ходить за водой ни в колодезь, ни на реку» [7, с. 340].

Из этих примеров видно, что данный элемент обряда во всех этнических традициях обладал вариативностью. Она определялась степенью активности молодой / молодых, что можно объяснить историческими изменениями в народной жизни и брачно-свадебной традиции. Видны здесь и определенные этнокультурные особенности. Так, в частности, особенностью русской традиции в сопоставлении с мордовской можно считать посещение источника молодой / молодыми с благословления старших (родителей), тогда как в мордовской свадьбе таковой может быть названа традиция отводить молодую на источник – показывать его.

Цель посещения водного источника зафиксирована всего в двух вариантах, но в русской свадьбе Ульяновской области абсолютно преобладала только одна – проверка молодой / молодых на хозяйственность, терпеливость и проч. «До прихода ряженых молодая мыла посуду, ходила по воду. Это было ее своеобразным испытанием, ибо все смотрели, чтобы она воду не расплескала “да накрыть не забыла”» (с. Араповка Сурского района Ульяновской области; Старостина Матрена Николаевна, 1925 г. р.; зап. Кожаева Е. А.).

Вторая цель посещения – молодая должна напоить пославших ее за водой – зафиксирована только в с. Баклуши Павловского района. «Утром [второго дня. – *М. М.*] приходили невестины родители и били горшки, кринки, черепки – это означало, что невеста – честная. Подходили к невесте и говорили: «Пить хотим». Невеста приносит воды, а они говорят, что грязная, и заставляют идти еще раз» (29.08.1978; с. Баклуши Павловского района Ульяновской области; Сидорова Мария Георгиевна, 1898 г. р., русская; зап. Хисаметдинова Н. Х.).

В мордовской свадебной обрядности на территории Ульяновской области по данным XX в. тоже существовала только первая цель посещения. «Затем [на второй день после того, как найдут «ярку». – *М. М.*] все вместе идут к колодцу, где невеста должна наполнить водой решето» (15.07.1996; с. Телятниково Николаевского района Ульяновской области; Олешина Мария Яковлевна, 1934 г. р., мордовка; зап. Кургашова Н.). Но, по данным М. Евсевьева, в конце 80-х годов XIX в. в с. Малые Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии присутствовала и вторая – напоить водой родственников мужа. «Дома ведра ставились на обычное место, и молодушка начинала обносить принесенной водой гостей. Сначала она подносила свекру, а потом и всем остальным. Все пили воду и хвалили молодую за то, что она принесла воды» [7, с. 340]. Правда, необходимо отметить, что по нынешнему административно-территориальному делению это село находится в Буинском районе Республики Чувашии и национальный состав в нем смешанный – мордва и чуваши.

Таким образом, посещение источника как форма испытания молодой / молодых было характерно для русской и мордовской свадебной традиции. Реализовывалось это испытание в двух основных формах – серьезной и шуточной. В обеих этнических традициях Ульяновской области абсолютно преобладала одна цель посещения водного источника – проверка молодой / молодых на хозяйственность, терпеливость и проч. Вторая цель посещения зафиксирована только в с. Баклуши Павловского района, где молодую за водой отправляли ее родственники, и их же, соответственно, она должна была напоить. Но в связи с тем, в Павловском районе 19 % жителей составляет мордовское население, можно предположить, что такой вариант обрядового акта возник под влиянием мордовской свадебной традиции.

Из водных источников, которые посещали молодая / молодые, в имеющихся записях названы три типа – родник или ключ, колодец и река. А так как все они существовали в русской свадьбе на территории Ульяновской области, то можно утверждать, что в XX в. выбор источника не мотивировался какими-либо мифологическими представлениями и верованиями, спецификой ритуального процесса, а, скорее всего, зависел от особенностей использования воды в данном селе для разных бытовых нужд. И в большинстве записей фиксируется семейно-бытовой характер этого посещения, четко указывая на его прагматику – включение молодой женщины в новую семейно-родовую общность.

В мордовской свадебной традиции, хотя отмечены и река, и родник в качестве источников воды в данном обряде, но все же абсолютно преобладает колодец. В 11 имеющихся записях родник и река указаны только по одному разу, а колодец – 9.

Ритуально-магический характер выбора именно колодца отчетливо проступает в описании этой традиции, данной М. Евсевьевым. «Затем подводят ее [молодую. – *М. М.*] к колодцу и объявляют, что взяли сноху, которая будет приходить к колодцу и утром рано и вечером поздно, чтобы хранительница колодца полюбила ее. Невеста и ей отвешивает поклон и дарит кольцо» [7, с. 339]. Однако в прошлом, как полагает Т. П. Девяткина, посещали реку или родник, так как это было связано с ритуалом в честь богини

воды Ведявы. «Интересный ритуал, совершаемый в честь богини воды – Ведявы, зафиксирован А. Примеровым. “Из свадебных обрядов достойно особенного внимания речное или родниковое шествие обвенчанной невесты. Оно совершается так: одетая в сапоги и большие рукавицы невеста отправляется от брачного ложа к реке или роднику. Во время шествия определяют ее название, каким должны честить ее младшие в семействе”. Здесь же, на берегу реки, устраивалось моление в честь покровительницы воды Ведявы. В совершаемом ритуале проявляются отголоски, связанные с культом Ведявы» [6, с. 45].

Принесение воды могло совершаться одною молодою, молодой вместе с молодым, а также в нем могли участвовать родственники мужа, дети, гости свадьбы, в том числе и ряженые. В записях в архиве кафедры литературы УлГПИ им. И. Н. Ульянова это посещение выступает или как своеобразное (смеховое) испытание молодой / молодых, или является семейно-бытовым обрядовым действием, призванным обозначить включение новобрачных в патриархальную семью.

В тех случаях, когда за водой ходили оба новобрачных, роль молодого могла быть пассивной – он только сопровождал свою супругу, активной – он помогал ей на разных этапах обряда или становилась активной на завершающем этапе.

Минимальным было участие молодого и в мордовской свадебной традиции. Только в двух случаях зафиксированы его действия: в с. Холстовка он вместе с молодой бросает в воду деньги, а в р. п. Павловка, чтобы помочь своей молодой жене, должен отцепить ведро с водой, которое она несет от источника. «Дают невесте ведра, ведут ее к колодцу за водой. Дойдя до колодца, молодые бросают в воду деньги. Набирает воду молодая, а гости стараются вылить воду» (10.07.1993; с. Холстовка Павловского района Ульяновской области; Нуждина Александра Петровна, 1948 г. р., мордовка, местная; зап. Трифонова О.).

В отличие от русской свадьбы в мордовской не зафиксировано участие в обряде какого-либо свадебного чина, хотя, как отмечал М. Евсевьев, возможен был сопровождающий из рода невесты. «День или два спустя после свадьбы она [молодая. – *М. М.*] берет новое полотенце и в сопровождении девочки из своего дома или из родни отправляется на реку или на родник (село и окрестности изобилуют родниками)» [7, с. 340].

Приведенные примеры показывают, что как в русской, так и в мордовской свадебной традиции, хотя и сохранилось осмысление этого посещения как «объединения», ритуально-магическая семантика к середине XX в. была уже в целом утрачена.

Рассмотрим теперь варианты действий у источника до набора воды.

В русской свадьбе на территориии Ульяновской области зафиксирован лишь один случай ритуального действия у колодца перед набором воды – бросание колечка. «На второй день молодая поутру идет за водой. У колодца бросает колечко. Это чтоб муж ей был верен» (19.07.1984; с. Назайкино Теренгульского района Ульяновской области; Жалеева Ольга Игнатьевна, 1919 г. р.; зап. Прокофьева С. А.).

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области также зафиксирован только один вариант – бросание кольца / колец или денег. «Примерно через месяц после свадьбы бывают “горны”. После “горнов” молодушку посылают на речку за водой или полоскать белье. Ребятишки, увидев ее, бегут к речке и не пускают подойти. Требуют выкуп. У молодушки в руках несколько медных колец. Она кидает их детям, и ее пропускают. И куда бы ни шла молодушка в первый раз (в первый раз к колодцу, к речке и т. д.) ее везде атакуют дети, требуют кольцо» (15.07.1995; с. Томылово Кузоватовского района Ульяновской области; Ключникова Анна Павловна, 1910 г. р., мордовка; зап. Юрченкова Е. В.).

Таким образом, здесь, как и в русской традиции, в целом, можно отметить два значения обрядового акта – отдание под покровительство «хранительнице колодца» и выплата своеобразной дани детям как представителям рода мужа.

Весьма разнообразны были действия над молодой / молодыми по дороге домой от источника.

В русской традиции на территории Ульяновской области это прежде всего действия окружающих, которые должны были помешать молодой донести воду до дома – ее расплескивали, отнимали и выливали, в ведра сыпали камни, мусор. «На второй день гуляли и у жениха, и у невесты. Молодых заставляли носить воду: проверяли хозяйственность. Невеста воду несет, а ее на полдороге остановят и выльют. Она возвращается» (18.07.1995; с. Малая Борла Кузоватовского района Ульяновской области; Суркова Пелагея Ивановна, 1913 г.р.; зап. Сергеева Л.).

В мордовской свадьбе также встречается опрокидывание ведра с водой у молодой, но в отличе от русской для носителей традиции актуальной оставалась ритуально-мифологическая семантика этого действия – «Невеста старается донести ведра полными, чтобы брак был

счастливым» (10.07.1993; с. Холстовка Павловского района Ульновской области; Нуждина Александра Петровна, 1948 г. р., мордовка, местная; зап. Трифонова О.).

Завершением данного обряда были действия с водой в доме, которые могли иметь как бытовое, так и ритуальное значение.

В русской традиции на территории Ульяновской области молодая могла просто передать принесенную воду свекрови, обязана была не забыть накрыть ведро, воду могли вылить родственники мужа и потребовать, чтобы она сходила еще раз, а по ее ответному действию – соглашалась или нет – судили о характере молодой.

В мордовской свадьбе на территории Ульяновской области какие-либо действия с водой после ее принесения не зафиксированы, но, как отмечал М. Евсевьев, существовала традиция поить принесенной водой родных мужа. «Дома ведра ставились на обычное место, и молодушка начинала обносить принесенной водой гостей. Сначала она подносила свекру, а потом и всем остальным. Все пили воду и хвалили молодую за то, что она принесла воды» [7, с. 340].

Вариативностью, этнодиалектными различиями в той или иной степени обладают и другие элементы данного обряда.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что обряд после-свадебного цикла – посещения водного источника – в XX в. был весьма значим и в русской, и в мордовской свадьбе. Он состоял из большого количества элементов и актов, обладавших вариативностью. Во всех этнических традициях прагматика обряда в целом, отдельных обрядовых актов в частности, было нацелена на включение молодой женщины в семейно-родовую и общинную группу мужа. Поразному в русской и мордовской свадьбах взаимодействовали празднично-игровое, смеховое начало и ритуально-магическое. Наличие данного обряда у разных этносов показывает, что сформировался и развивался он у каждого из них самостоятельно, так что говорить о каких-либо явных заимствованиях одного народа у другого на территории Ульяновской области, за редким исключением, не предоставляется возможным. В основе его, вероятно, лежат мифологические представления, связанные с водой и водными источниками, а также об-щинные и семейно-родовые нормы и законы, регулировавшие создание новой семьи и ее включение в существующие социальные общности.

Отдельные элементы и акты как в русской, так и в мордовской свадьбе, которые не имеют параллелей в традициях других этносов на данной территории, могут быть определены как региональные этнодиалектные особенности, а те из них, которые выделяются из этнической традиции региона и зафиксированы в единичных вариантах, могут быть квалифицированы как локальные этнодиалектные особенности. На территории Ульяновской области в мордовской свадьбе ритуально-мифологическая семантика обряда и отдельных обрядовых актов сохранялась частично до середины XX в., тогда как в русской свадьбе она была полностью утрачена, и определяющим стало празднично-игровое и смеховое начало. Однако его существование в обряде, скорее всего, обусловлено неотъемлемой и важнейшей стороной ритуала перехода, о котором писали исследователи как традиционных обрядов, так и современных социально-культурных процессов [4, с. 121–130; 16, с. 231–232, с. 247–251; 15, с. 100–101; 1, с. 90–95; 9, с. 138–197].

Список использованных источников

1. Артемова, Ю. А. Смеховое поведение: формы и функции (этнологопсихологический аспект) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.07. / Ю. А. Артемова. – М., 2006. – 203 с.

2. Ахмаров, Г. Н. Свадебные обряды казанских татар / Г. Н. Ахмаров // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXIII. Вып. 1–6. 1907. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1908. – С. 1–38.

3. Валенцова, М. М. Колодец / М. М. Валенцов, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 2. Д–К. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 536–541.

4. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Ван А. Геннеп. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.

5. Гура, А. В. Конец свадьбы / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 2. Д–К. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 580–583.

6. Девяткина, Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни: (В прошлом и настоящем) / Т. П. Девяткина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 192 с.

7. Евсевьев, М. Е. Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.

8. Зорин, Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 200 с.

9. Лащенко, С. К. Заклятье смехом: опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лащенко. – М. : Ладомир, 2006. – 316 с.

10. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / с вводной статьей проф.

Л. Я. Штернберга. – Л. : Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. – 267 с.

11. Попова, Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян: (конец XIX – 90-е годы XX вв.) / Е. В. Попова. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 241 с.

12. Салмин, А. Народная обрядность чувашей / отв. ред. член-кор. РАН С. А. Арутюнов / А. Салмин. – Чебоксары : Чувашский гуманитарный институт, 1994. – 339 с.

13. Смирнов, И. Н. Марийская свадьба / И. Н. Смирнов, И. С. Попов // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М. : Наука, 2000. – С. 269–273.

14. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов : избр. тр. / Н. Ф. Сумцов. – М. : Вост. лит., 1996. – 296 с.

15. Сычев, А. А. Природа смеха или Философия комического / А. А. Сычев. науч. ред. д-р филос. наук Р. И. Александрова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 176 с.

16. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Главная редакция издательства восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.

17. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края Т. I. Ч. 2. / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1893. – С. I-XXVI+1-585. (Белорусский сборник. Отд. 1. Обряды свадебные.) (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 51. № 3.)

References

1. Artyomova Yu. A. Laughter: forms and functions (ethno-logo-psychological aspect): abstract of a thesis… cand. hist. sciences: 07.00.07. M. 2006, 203 p.

2. Akhmarov N. Wedding ceremonies of the Kazan Tatars. Proceedings of the society of archeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University. V. XXIII. Issues 1-6. 1907. Kazan: Imperial University Typolithography, 1908, pp. 1–38.

3. Valentsova M. M., Vinogradova L. N., Kolodets M. M. Slavic antiquities. The ethno-linguistic dictionary under the editorship ofN.I. Tolstoy. In 5 v. V. 2. D-to. M: International Relations, 1999, pp. 536–541.

4. Gennep A. van. Transition ceremonies.Systematic studying of ceremonies. M: East Literature, 1999, 198 p.

5. Gura A. V. The end of the wedding ceremony. Slavicantiquities.The ethno-linguistic dictionary under the editorship of N. I. Tolstoy. In 5 v. V. 2.D-to. M: International Relations, 1999, pp. 580–583.

6. Devyatkina T. P. Moksha wedding ceremonies and songs: (In the past and the present). Saransk: Mordovian Publishing House, 1992, 192 p.

7. Evsevyev M. E. Mordovian wedding. Saransk: Mordovian Publishing House, 1990, 384 p.

8. Zorin N. V. Russian wedding in the Middle Volga Region. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1981, 200 p.

9. Lashchenko S. K. Laughter spell: Experience of interpretation of pagan ritual traditions of the Orthodox Eastern Slavs. M: Ladomir, 2006, 316 p.

10. Materials on a wedding and family patrimonial system of the people of the USSR. With an introduction article of prof. L. Ya. Shternberg. L.: Edition of the Commission on the device of the student's ethnographic excursions, 1926, 267 p.

11. Popova E. V. Family customs and ceremonies of the Besermans: (The end of the XIXth – the 90s of the XXth centuries). Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and literature. Ural devision of the Russian Academy of Sciences, 1998, 241 p.

12. Salmin A. The Chuvash national ceremonialism under the editorship of a corresponding member of the Russian Academy of Sciences S. A. Arutyunov. Cheboksary: Chuvash Humanitarian Institute, 1994, 339 p.

13. Smirnov I. N, Popov I. S.The Mari wedding. People of the Volga and the Ural Regions. Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts. M: Science. 2000, pp. 269–273.

14. Sumtsov N. F. Symbols of Slavic ceremonies: selected works. M: Eastern literature, 1996, 296 p.

15. Sychev A. A. Nature of laughter or philosophy of the comic. Under the scientific editorship of a doctor of philos. sciences R. I. Aleksandrova. – Saransk: Publishing House of MordovianUniversity, 2003, 176 p.

16. Turner V. Symbol and ritual / V. Turner. M: Main edition of eastern literature of Nauka Publishing House, 1983, 277 p.

17. Sheyn P. V. Materials for studying of a life and language of the Russian population of the North Western Region. V. 1. P. 1. SPb. : Publishing House of Imperial Academy of Sciences, 1893, pp. I-XXVI+1-585.

Поступила 23.04.2013 г.

УДК 81'372:003.63
ББК 81.055.1-31

Нерушева Татьяна Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли»,
г. Орел, Россия
nerushevat@rambler

ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Аннотация: В статье раскрывается понятие «фрейм», которое стало актуальным как для анализа понимания и воспроизводства различных жизненных ситуаций, так и для раскрытия значения лингвистических текстов. Фреймовый подход позволяет перейти от когнитивного уровня к языковому, т. е. основой систематизации служит ментальная модель фрагмента действительности, которая способна объяснять психологические особенности восприятия текста, и то, как эти особенности обусловлены сущностью произведения. Ситуационная модель, являясь одним из видов фрейма, представляет собой когнитивный коррелят между фрагментом действительности и ее языковым выражением.

В теории лексического поля понятие «поле» является аналогом представления о фрейме. Теория лексических полей отличается от семантики фреймов своей приверженностью к исследованию групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических областей как собственно языковых феноменов. Различия определяются тем, где именно концентрируется поиск структуры – в языковой системе или вне ее.

В свою очередь фреймовая организация лексики имеет более сложную и строгую структуру, внутри которой происходит группировка слов по их лексико-семантическим ролевым признакам. Между словами, отобранными на чисто внелингвистических основаниях, обнаруживаются и внутриязыковые связи.

Ключевые слова: фрейм, фреймовая организация лексики, когнитивный подход, семантическое поле, ситуационная модель.

Nerusheva Tatyana Vasilyevna
Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Departament of Foreign Languages
Orel State Institute of Economy and Trade, Orel, Russia

FRAME ORGANIZATION OF THE SEMANTIC FIELD

Abstract: The article considers the concept "frame" which has become actual for both the analysis of understanding and reproduction of various life situations, and disclosure of the meaning of linguistic texts. The Frame approach allows to pass from the cognitive level to the language one, i.e. the basis of systematization is mental model of a fragment of reality which is capable to explain psychological features of perception of the text, and how these features are caused by the essence of the work. The Situational model, being one of the types of the frame, represents a cognitive correlate between a fragment of reality and its language expression.

In the theory of the lexical field the concept "field" to a certain extent is the same as the idea of a frame. The theory of lexical fields differs from semantics of frames in its commitment to the research of groups of lexemes for the sake of themselves and the interpretation of lexical-semantic areas as language phenomena. The Distinctions are defined by, where the search of structure is – in a language system or out of it.

In its turn the frame organization of lexis has more complex and strict structure in which the words are groupedaccording to their lexical-semantic features. Between the words which have been selected basing on purely extralinguistic features, intralinguistic links can also be found.

Key words: frame, frame organization of lexis, cognitive approach, semantic field, situational model.

Фрейм (*frame*) – термин, широко распространенный не только в исследованиях искусственного интеллекта, но и в социологии, психологии и лингвистике. В самом общем виде фрейм – это способ организации представлений, хранимых в памяти. Он соответствует таким понятиям, как схема в когнитивной психологии, ассоциативные связи, семантическое поле. «Фрейм» также фигурирует как общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель.

В социологической концепции Э. Гоффмана фрейм ассоциирован с английским словом frame-work (каркас) и указывает на «аналитиче-

ские леса» – подпорки, с помощью которых мы постигаем свой собственный опыт. В этой концепции, лежащей далеко за пределами искусственного интеллекта, фреймы подчинены организующим принципам, «генерирующим» те или иные события, среди них социальные события. Эти же принципы регулируют и наше субъективное участие в событиях.

Фрейм – это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Особенно важно это по отношению к определенным эпизодам социального взаимодействия – поход в кино, поездка на поезде – и вообще по отношению к рутинным эпизодам. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение (скажем, когда мы платим за дорогу или покупаем билет привычным для нас образом). Фрейм при таком подходе – структура данных для представления стереотипной ситуации (например, нахождение в комнате, ритуал детского дня рождения). Фрейм повествования – скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм. Такой фрейм содержит конвенции о том, как может меняться фокус внимания о главных действующих лицах, о формах сюжета, о развитии действия и т. п. С каждым фреймом связано несколько видов информации: о его использовании и о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся. Фреймы можно классифицировать как:

1. Поверхностно-синтаксический фрейм – обычно структуры вида «глагол + имя». Отвечает, среди прочего, конвенциям о представлении предложных конструкций и о порядке слов.

2. Поверхностно-семантический фрейм: значения слов, привязанные к действию. Это квалификаторы и отношения, связанные с участниками, инструментами, траекториями движения и стратегиями, с целями, следствиями и попутными эффектами.

3. Тематические фреймы – сценарий и связанные с топиком деятельностью, портретами, окружениями.

4. Фрейм повествования – скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм. Такой фрейм содержит конвенции о том, как может меняться фокус внимания, о главных действующих лицах, о формах сюжета, о развитии действия и т. п.

Благодаря привлечению социокогнитивного анализа к изучению проблем понимания и воспроизводства дискурса Ван Дейка, удалось представить схему, способную интегрировать на эмпирическом уровне различные подходы социологии знания и теории коммуникации. В отличие от контент-аналитических средств, позволяющих получить характеристики производителей и субъектов сообщений, дискурс-анализ описывает содержание самих текстов, которое следует рассматривать с точки зрения его структурной организации. Таким образом, лингвистика выходит за рамки предложений и стремится представить дискурс как семантическую целостность, единство языковой формы, значения и действия. Для описания глобального содержания (связности) дискурса вводятся понятия макроструктур, суперструктур, фреймов и стратегий. Большие последовательности сложных семантических структур не могут быть успешно обработаны без обращения к структурам более высокого уровня, так как в процессе понимания мы не имеем доступа к прочитанному или сказанному. Каждый пользователь языка приписывает дискурсу свою макроструктуру, т. е. общие топики или темы текста. В качестве суперструктур выступают повествовательные схемы, задающие форму дискурсу. Макроструктуры выводятся из пропозиций, содержащихся в тексте, и фоновых знаний о мире по определенным правилам. Эти правила действуют как прагматически эффективные стратегии использования личного знания. Понимание осуществляется в оперативном режиме, часто в отсутствие полной информации, с привле-чением данных, относящихся к разным условиям организации дискурса и коммуникативного контекста. Понимание, кроме того, определяется целями и представлениями отдельных индивидов. Как следствие, стратегические процессы не имеют четкой линейной структуры и представляют собой семантические и риторические ходы различной степени сложности. Фоновое знание организовано во «фреймы» (сценарии) и ситуационные модели, репрезентирующие информацию стереотипного характера. Фреймы содержат общедоступное в данной культуре знание, описывая то, что в данном обществе является типичным. Ситуационные модели – аккумуляция предшествующего, биографически детерминированного опыта. Сценарии используются только через актуализацию в моделях по принципу релевантности (значимости).

Психолог Ф. Бартлетт в книге «Память» (Remembering, 1932) обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые

знания Бартлетт называл схемами. Например, схема квартиры включает знания о кухне, ванной, прихожей, окнах и т. п. Характерная для России схема поездки на дачу может включать такие компоненты, как прибытие на вокзал, покупка билета на электричку и т. д. Наличие схематических представлений, разделяемых языковым сообществом, решающим образом влияет на форму порождаемого дискурса. Это явление было заново «открыто» в 1970-е годы, когда появился целый ряд альтернативных, но весьма близких по смыслу терминов. Так, американские специалисты в области искусственного интеллекта предложили термины «фрейм» (М. Минский) и «скрипт» (Р. Шенк и Р. Абельсон). «Фрейм» в большей степени относится к статическим структурам (типа модели квартиры), а «скрипт» – к динамическим (типа поездки на дачу или посещения ресторана), хотя сам Минский предлагал использовать термин «фрейм» и для динамических стереотипных структур. Английские психологи А. Сэнфорд и С. Гаррод пользовались понятием «сценарий» (scenario), очень близким по смыслу к термину «скрипт». Очень часто никакого различия между понятиями «скрипт» и «сценарий» не проводится; при этом в русском языке используется обычно второй термин.

Лингвист Ч. Филлмор адаптировал понятие «фрейм» к нуждам лингвистики. В его статьях начала 1980-х годов была предложена концепция фреймовой семантики, представлявшая собой адаптацию для нужд лексической семантики понятия фрейма – структуры для представления знаний, предложенной в искусственном интеллекте М. Минским. Использование понятия фрейма позволяет описывать, каким образом понимание языковых выражений определяется человеческими знаниями о тех ситуациях, которые этими выражениями описываются: так, мы по-разному понимаем относительное расположение сидящих в выражениях кот на стене и муха на стене, обозначаемое предлогом *на*. Синтезом идей падежной грамматики, фреймовой семантики и взглядов на роль в языке фразеологических формул стала концепция конструкционной грамматики, разрабатываемая и преподаваемая Филлмором в 1990-х годах совместно с П. Кеем. Конструкционная грамматика постулирует в качестве главной единицы языка комплексную грамматическую конструкцию, своего рода грамматический фрейм, в котором представлена одновременно лексическая, грамматическая, синтаксическая и семантическая информация.

Общение оказывается возможным не только при наличии в сознании каждого говорящего, в его картине мира неких смысловых, информационных «сгущений» (которые часто именуются фреймами, т. е. определенным образом организованных, структурированных, упорядоченных «порций» знания).

При коммуникации коммуниканты обращаются не только к знанию языка, норм и правил его функционирования, но и к своему опыту, сведениям о содержании текста, стратегиям и процедурам освоения опыта и представления знаний.

Различные типы знаний хранятся в памяти в виде единиц представления знаний о стереотипных ситуациях, входящих в систему общих знаний о мире и фрагменте реальной действительности.

Фреймовый подход имеет принципиальное отличие от других способов группировки лексики. Это отличие состоит в том, что, группируя лексические единицы, мы идем от когнитивного уровня к языковому, т. е. основой систематизации служит ментальная модель фрагмента действительности. Помимо понятия стратегий существует понятие ситуационной модели (модели ситуации) и скрипта [13, с. 151–157]. Скрипт (в концепции Шанка, Абельсона) – один из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющего некоторое специальное задание в обработке естественного языка: привычные ситуации описываются скриптом как стереотипные смены событий. Большинство скриптов усваивается в детстве, в результате прямого опыта сопереживания при наблюдении над другими людьми: мало кто лично участвовал в ограблении банка, угоне самолета и т. п., но из книг, телевизора и кино почти все примерно представляют себе, как это делается, то есть обладают соответствующими скриптами [4].

Ситуационная модель – это форма представления личного опыта, представляющая собой когнитивный коррелят некоторого фрагмента мира, который мы именуем ситуацией: это то, что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней. Следовательно, ситуационная модель представляет собой личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями подобного рода [13].

Когнитивный подход представляет собой один из способов объяснения языковых явлений.

Фреймовая организация лексики – это выделение лексических групп, каждая из которых представляет единое целое, поскольку является лексическим представителем некоторой единой

схематизации опыта на когнитивном уровне. В каждом случае, для того чтобы понять значение одной из лексических групп, необходимо соотнести ее с фреймом как целым. Поскольку знание, которое лежит в основе объединения слов каждой группы, постигается как целостная сущность, группировка этих слов представляется естественной.

Исследование номинативного фрейма актуально в связи с рассмотрением близких проблем, касающихся изучения ментального лексикона. Центральными вопросами в этой области являются вопросы относительно когнитивных функций слова и проблемы организации словаря. Существует большое количество теорий устройства, формального и семантического строения лексикона, имеющих большое значение для изучения проблем обработки и переработки языковых знаний, процессов соотнесения слова с лексикализацией структур знания, вербализацией разных концептов. «В то же время исследования по структурации лексикона, по типам представленных в нем отношений и связей, по формирующимся здесь более крупным разрядам слов (лексическим полям, категориям, фреймам и т. п.) требуют зачастую специальных экспериментов, что способствует выработке совместных научно-исследовательских программ по изучению лексикона в рамках когнитивной науки» [4].

Говоря о семантических связях лексем внутри структуры, Ч. Филлмор в своей статье «Фреймы и семантика понимания» отмечает близость категории фрейма понятию семантического поля (И. Трир, И. Л. Вайсгербер, Э. Косериу и др.). Понимание значения слова у И. Трира сводится к пониманию структуры, в которой это слово функционирует, и эта структура существует именно потому, что существуют другие слова. Ч. Филлмор доказывает, что лексическое значение в большей степени связано со своим понятийным основанием, чем со стоящими в одном с ним ряду словами. Тем не менее в рамках этой теории поля значение слова не существует вне некоторой совокупности других лексем, связанных с этим словом по смыслу. Носитель языка в полной мере знает значение слова лишь в том случае, если ему известны значения других слов из того же семантического поля. В качестве примера автор приводит различные системы оценок знаний учащихся И. Л. Вайсгербера. Таким образом, по мнению Ч. Филлмора, в теории лексического поля понятие «поля» является аналогом представления о фрейме. Отличается теория лексических полей от семантики фреймов прежде всего своей приверженностью к исследованию групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических областей как собственно языковых феноменов. Различия определяются тем, где именно концентрируется поиск структуры – в языковой системе или вне ее [10, с. 218].

Систематизация лексики по так называемым семантическим ролям также соотносится с фреймовой организацией лексики. М. Минский проводит аналогии между такими глубинными структурами и выделяемым им уровнем поверхностных семантических фреймов – групп слов, объединенных вокруг действий; для них необходимы определители и отношения для действующих лиц, инструментов, траекторий, стратегий, целей, последствий и побочных явлений [5]. Исходя из уровневой типологизации фреймов, предложенной М. Минским, мы определяем интересующие нас типы фреймов как тематический фрейм – сценарий для видов деятельности, окружающих условий, изображений кого-либо или чего-либо, наиболее важных проблем, обычно связанных с данной темой, и повествовательный фрейм – скелетную форму для типичных рассказов, объяснений, аргументации. Необходимыми здесь являются соглашения о формах построения изложения.

В своей теории М. Минский не проводит границы между теорией человеческого мышления и теорией построения «думающей» машины (искусственного интеллекта). Он считает, что и процесс мышления человека основан на наличии в его памяти каким-то образом материализованного огромного набора разнообразных фреймов, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы визуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения, действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы) и т. д. Процесс понимания при этом сопровождается выбором из памяти соответствующего фрейма [5].

Сближается с фреймовой организацией лексики систематизация, предложенная Л. В. Сахарным и А. С. Штерн. Набор ключевых слов (НКС), рассматриваемый ими как специфический текст, обладает и цельностью, и связностью. Эта цепочечная структура «приближается к инварианту содержания, стремится отразить в наиболее чистом виде семантическое ядро цельности данной парадигмы текстов» [8, с. 34–51].

Отбор ключевых слов представляет собой один из важнейших моментов анализа соотношения текста и словника в работе А. И. Новикова. Ключевые слова являются той частью словника, которая содержит наиболее существенные для понимания текста элементы. С целью формализованного выделения содержания текста автор проводит эксперименты по восстановлению текста, доказывая, что текст может быть восстановлен испытуемыми более или менее успешно

по словнику. Автор говорит о том, что словник тоже представляет собой определенный текст, который в некоторой степени соответствует исходному: «слова в таком списке поставлены в исходную грамматическую форму. Их совокупность представляет собой текст, из которого устранены все формальные показатели связности, а также разбиение на отдельные предложения» [7] . А. И. Новиков подчеркивает существование в тексте содержательной связи слов, отличной от грамматической. Если в словнике слова расположены по алфавиту, восстановление текста идет с опорой на ключевые слова, актуализирующие фрагменты системы знаний, соответствующие теме текста. Автор отмечает, что в основе внутренней связи слов, их взаимодействия в семантическом пространстве текста «лежат преимущественно предметные отношения, а не языковые, понятийные и другие. Именно наличие в мышлении представления о главном предмете текста, основной ситуации, делает возможным внутреннюю связь всех слов в семантическом пространстве» [7].

Ю. Н. Караулов, рассматривая соотношение текста и тезауруса, проявляющееся в процессе порождения и восприятия текста, говорит о том, что понимание текста связано с восприятием и пониманием ключевых слов, которые потенциально входят в определенную статью тезауруса. Тезаурус определяется Ю. Н. Карауловым и как материально существующий словарь, и как «мир», отраженный и упорядоченный в сознании «лексикон», – идеальная «картина мира», где «первый является просто удобной формой представления и изучения второго» [3]. Рассматривая взаимодействие тезауруса и текста, автор указывает как на стремление текста сохранить стандартный тезаурус, так и на стремление изменить его. В обычном, хорошо воспринимаемом тексте «знаки текста (слова и словосочетания), рассредоточиваясь и комбинируясь в процессе чтения привычным образом (стандартный тезаурус), формируют некоторый заданный в тексте и тоже относящийся к числу стандартных концепт. Возможности введения новизны исчерпываются либо новым знаковым наполнением старого концепта, либо введением оригинальных концептов и смещением акцентов путем придания статуса концептов знакам, которые в узусе данной речевой общности такого статуса не имели; либо изменением отношений между существующими в стандартном тезаурусе концептами» [3]. Крайние случаи представляют собой либо отсутствие корреляции со стандартным тезаурусом и как следствие – полное непонимание, либо развертывание в текст самой статьи тезауруса. Такой текст называется Ю. Н. Карауловым псевдотекстом и характеризуется предельно возможной связностью, обладая минимальной информативностью [3]. Такой псевдотекст соотносится с абстрактным текстом, в качестве которого могут быть представлены лексические единицы, заполняющие номинативный фрейм «происшествие».

Лексико-семантические группы (ЛСГ) являются одним из наиболее распространенных типов структурирования словаря, но именно словаря, поэтому их связь с текстовой организацией речи и представлением знаний о типичных ситуациях оказывается гораздо более опосредованной в сравнении с фреймовой организацией. К тому же в ЛСГ обычно включаются слова одной части речи, чем еще сильнее подчеркивается собственно лингвистическая сущность ЛСГ и чем одновременно «отдаляется» состав и строение ЛСГ от состава и строения конкретных текстов о фрагментах мира.

От более традиционных понятий лексико-семантической группы, семантического класса, семантического поля и т. п. отличается введенное Ю. Д. Апресяном понятие лексикографического типа (ЛТ). «ЛТ – это ключевое понятие системной лексикографии. Лексика описывается как система. «Система» понимается в общенаучном смысле – как множество элементов, распадающееся на классы единиц с общими свойствами, с определенными для каждого класса операциями. Единицами являются лексемы; классами – группы лексем с общими семантическими, прагматическими, коммуникативными, просодическими, синтаксическими, сочетаемостными или другими свойствами; операциями – правила «грамматики» в широком смысле, т. е. любые достаточно общие правила, включая семантические, прагматические, коммуникативные, просодические, сочетаемостные и т. п. Под ЛТ понимается группа лексем, имеющих такие общие свойства, к которым обращаются определенные правила «грамматики» данного языка и которые требуют поэтому единообразного описания в словаре.

Состав и специфику ЛТ языка для данного языка определяют формально-грамматические особенности данного языка и характерная для данного языка концептуализация действительности, так называемая «наивная», или языковая картина мира» [2; 1]. Основное отличие ЛТ от фреймовой организации лексики лежит в области принципов отбора лексических единиц. Вхождение слов в лексикализованный фрейм определяется наличием их в корпусе исследуемых текстов, внутритекстовыми связями, принадлежностью соответствующих лексическим единицам концептов к фрейму на когнитивном уровне, в ЛТ – наличием хотя бы одного общего свойства, которое требует единообразного описания в словаре.

Известна группировка словарного состава языка по темам [11, с, 73; 9]. Тематическая группировка слов отчасти сближается с систематизациями лексики на основе идеографических принципов [3; 6]. Однако тематическая группировка слов гораздо ближе к фреймовой организации лексики. Тематические группы, как и фреймы, выделяются на внеязыковой основе и имеют много общего с ними. В частности, тематическая группа может быть представлена в тексте достаточно полно. Однако, в отличие от тематических групп, фреймовая организация лексики имеет более сложную и строгую структуру, внутри которой происходит группировка слов по их лексико-семантическим ролевым признакам. При исследовании тематических групп было выявлено, что между словами, отобранными на чисто внелингвистических основаниях, обнаруживаются и внутриязыковые связи [11, с. 73], что должно быть характерно и для фреймовой организации лексики. Специфика фреймового представления лексики состоит в том, что, в отличие от других способов систематизации лексики, фреймовая организация показывает связи слов внутри типового текста, их структурное и иерархическое расположение, роль слов в тексте.

Список использованных источников

1. Апресян, Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1994. – № 4. – С. 27–39.

2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – С. 3–69.

3. Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука,1981. – 367 с.

4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.

5. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.

6. Морковкин, В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М., 1970. – С. 12–22.

7. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М., 1983. – 213 с.

8. Сахарный, Л. В. Набор ключевых слов как тип текста / Л. В. Сахарный, А. С. Штерн // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. – Пермь : Пермский политехнич. ин-т, 1988. – С. 34–51.

9. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк / Ф. П. Филин. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 656 с.

10. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 318.

11. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М., 1973. – С. 73.

12. Schenk, Roger C. Scripts, plans and knowledge / Roger C. Schenk, R. P. Abelson // Advanced Papers of the 4th IJCAL. – Tbillisi, 1975. – Vol. 1. – P.151–157.

13. Van Dijk, T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T. Van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

References

1. Apresyan Y. D. About the language of interpretation and semantic primitives, Izv. Academy of Sciences of the USSR. Series of lit. and a language,1994, No 4, pp. 27–39.

2. Apresyan Y. D. Selected works. Lexical semantics. Synonymic means of language. Moscow, 1995, pp. 3–69.

3. Karaulov Y. N. Lingvistic designing and thesaurus of literary language. Moscow, Nauka, 1981, 367 p.

4. Kubryakova E. S. etc. Short dictionary of cognitive terms. Moscow, Moscow State University, 1996, 245 p.

5. Minsky M. Frames for representation of knowledge. M oscow, Energy, 1979, 151 p.

6. Morkovkin V. V. Ideographic dictionaries. Moscow, 1970, pp. 12–22.

7. Novikov, A. I. Semantics of the text and its formalization . Moscow, 1983. 213 p.

8. Saharniy L. V., Stern A. S. Set of keywords as the type of the text, Lexical aspects in the system of professional- oriented training of foreign-language speech activity, Perm, Polytechnical institute of Perm, 1988, pp. 34–51.

9. Filin F. P. Origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages: historical - dialectological sketch. Moscow, P.h. LKI, 2009, 656 p.

10. Fillmore C. D. Frames and semantics of understanding, New in foreign linguistics, Moscow, 1988, No 23, p. 318.

11. Shmelev D. N. Problems of the semantic analysis of lexicon. Moscow, 1973, p. 73.

12. Schenk Roger C., Abelson R. P. Scripts, plans and knowledge, Advanced Papers of the 4th IJCAL, Tbillisi, 1975, Vol. 1, pp. 151–157.

13. Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York, Cambridge University Press, 2008, 267 p.

Поступила 02.03.2013 г.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Осовский Олег Ефимович
доктор филологических наук, профессор
кафедра русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия
Osovskiy_oleg@mail.ru

БАХТИН ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: К ЗАВЕРШЕНИЮ ИЗДАНИЯ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ М. М. БАХТИНА

Аннотация: Основная цель статьи – анализ значения идей М. М. Бахтина в современном российском и международном гуманитарном пространстве, научного уровня комментария завершившегося собрания сочинений ученого, роли этого проекта в развитии гуманитарных наук сегодня и в ближайшем будущем.

Ключевые слова: современная гуманитаристика, бахтиноведение, собрание сочинений М. М. Бахтина, проблема «спорных текстов».

Osovsky Oleg Efimovich
Doctor of Philological Sciences, Professor
Departament of Russian and Foreign Literature
Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia

BAKHTIN YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW: AFTER PUBLICATION OF M. M. BAKHTIN'S COLLECTED WORKS

Abstract: The main goal of the article is to analyze M. M. Baktin's influence on contemporary Russian and international humanitarian space, the scientific level of the comments on the scholar's Coollected Works, the role of this project in the development of the humanities nowdays and in the nearest future.

Key words: contemporary humanitaritics, M. M. Baktin's Complete Works, the "disputed texts" problem.

Появление последнего из запланированных томов собрания сочинений М. М. Бахтина [1] ознаменовало собой окончание научного и издательского проекта, не имеющего аналогов в интеллектуальной истории постсоветской России. Эта уникальность определяется тремя факторами: масштабом самого собрания сочинений, характером и содержанием публикуемых материалов, объемом и качеством научного комментария.

Главное, конечно же, бахтинские тексты. Среди них и те «ключевые», ставшие научной классикой и изменившие лицо не только отечественной, но и мировой гуманитаристики, и совсем неизвестные читателю фрагменты, наброски, заметки, обширные конспекты и даже указатели содержания рабочих тетрадей, приобретающие со временем статус важнейших научных документов. Каждый из них (даже объемом в несколько строк или абзацев) оказывается событием, поводом для размышлений, импульсом к осмыслению или переосмыслению устоявшихся мнений.

Чтобы не быть голословными, приведем лишь один пример, наглядно свидетельствующий о том, насколько важен любой новый материал, расширяющий наши представления о методологии и методах, которые использовал М. М. Бахтин на разных этапах. Фрагмент рабочих тетрадей ученого конца 1930-х годов, кажется, впервые процитированный И. Л. Поповой [12], как нельзя лучше характеризует ту степень научной свободы, которая пронизывает все творчество одного из величайших отечественных мыслителей: «Мы слишком много протягиваем нитей от Раблэ во все стороны, слишком далеко уходим от него в глубину прошлого и будущего (будущего относительно Раблэ), позволяем себе слишком далекие и внешние сопоставления, сравнения, аналогии, слишком ослабляем узду научного метода. Можно усмотреть в этом неуместное увлечение раблэзианским духом, необузданностью его сопоставлений, аналогий (часто по внешнему звуковому сходству слов), его coq-à-l'âne. Это, однако, не ситуация Раблэ (в некоторой степени допустимая в книге о нем). Определение нашего метода. Мы собираем все прослеженные вперед и назад опыты в один раблэзианский узел» [1, т. 4, ч. 1, с. 890].

Мы не случайно приводим здесь столь значительный по объему фрагмент: с одной стороны, он позволяет увидеть и почувствовать

поразительную глубину авторской саморефлексии, проявляющейся даже в подготовительных материалах, а с другой – понять всю ценность публикуемого в собрании сочинений, если помещенные в приложения и комментарии, явно «вторичные» по своему предназначению наброски имеют столь глубокий смысл и играют такую важную роль для понимания истоков бахтинских замыслов и даже предварительной конфигурации его основополагающих работ.

Год окончания проекта – это можно констатировать со всей определенностью – оказался полон заметными событиями для отечественного и международного бахтиноведения. Завершение издания собрания сочинений Бахтина, продолжавшегося полтора десятилетия с лишним, казалось, должно было бы стать триумфом прежде всего российской гуманитарной мысли, торжеством академической науки, серьезнейшим импульсом не только для новых подходов в изучении научного творчества Бахтина, но во многом и для уточнения контуров истории российской филологии и в целом гуманитарной науки 1920–70-х годов. Сегодня, однако, можно сделать вывод, что на звание «бахтиноведческого события» конца 2011 и последующего годов претендует, скорее всего, появление скандального антибахтинского опуса двух, так сказать, исследователей из швейцарского «захолустья» [См.: 16], попытавшихся поставить под сомнение не только участие Бахтина в создании известных «спорных текстов», но и его индивидуальное авторство «Проблем творчества Достоевского». То, что в кругу сторонников бахтинского присутствия в тексте «Фрейдизма», «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка» и др. 10–15 лет назад предлагалось в качестве шутки: мол, логика противников авторства Бахтина в конечном итоге должна привести их к мысли, что «и Бахтина никакого не было», – обернулось зловещей явью. Причем явь оказалась настолько зловещей, что, похоже, немалое число активных сторонников «бахтинского круга» пребывает сегодня в некоем научном ступоре. Одно дело – признавать паритетное сосуществование Бахтина, П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, и совсем другое – смотреть на то, как полностью перечеркивается имя «мастера», в отсутствии которого[1] было так удобно говорить об остальных, показывать, чем они отличаются от него в «лучшую сторону», и все-таки подспудно соглашаться с тем, что без Бахтина понятие «круг Бахтина» не имеет смысла. И здесь нужно сказать, что самим существованием семи книг бахтинского собрания сочинений дан однозначный ответ всем сомневающимся и по поводу Бахтина, и по поводу его места в истории филологической и философской мысли прошедшего столетия[2].

Напомним, что сама история публикации бахтинских текстов извилиста и противоречива: начавшись в 1919 году трактатом «Искусство и ответственность» в невельской однодневной газете «День искусств», через десятилетие она продолжается «Проблемами творчества Достоевского» и статьями о Толстом, загадочным появлением в 1934 году статьи в «Советской торговле», затянувшимся на более чем двадцать лет молчанием, прерванным в конце 50-х рецензиями в газете «Советская Мордовия» и – «возвращением» Бахтина, связанным с изданием в 1963 году переработанной книги о Достоевском и публикацией два года спустя книги о Рабле. Посмертная публикация «Вопросов литературы и эстетики», «Эстетики словесного творчества» и фрагментов трактата «К философии поступка» завершают «позднесоветский» образ Бахтина-мыслителя. Именно этот круг изданий и определял отечественные и зарубежные представления об ученом (мы намеренно оставляем за пределами внимания вопрос о «спорных текстах» [Подробнее см.: 6]), сложившиеся к концу 80-х – началу 90-х годов, т. е. к тому моменту, когда принимается решение о подготовке академического собрания сочинений.

В шести томах собрания сочинений составители разместили преимущественно в хронологическом порядке, все (за небольшим исключением, о чем будет сказано ниже) известные на сегодняшний день тексты ученого. Соответственно, в первый том вошли философские работы 1919–1924 годов: «Искусство и ответственность», сохранившиеся части трактатов «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», статья «К вопросам методологии эстетики словесного творчества…». Второй том объединил монографию «Проблемы творчества Достоевского» со статьями о Л. Н. Толстом и лекциями по русской литературе (в записи Р. Миркиной). В третьем томе опубликован ряд работ о романе, включая «Слово в романе», сохранившиеся фрагменты книги «Роман воспитания и его значение в истории реализма»,

[1] Напомним, что именно так «Круг Бахтина в отсутствии мастера» назывался сборник статей, изданный в 2004 году по итогам научной конференции [См.: 8].

[2] Впервые эта мысль прозвучала в отзыве на швейцарский опус известного специалиста в области современной литературной теории С. Н. Зенкина. Вскрывая всю несостоятельность позиции авторов, рецензент убедительно ссылается как раз на материал, содержащийся в комментариях к соответствующим томам собрания сочинений [См.: 18]. Примечательно, что русский вариант этого отзыва был опубликован в «НЛО» (2013, в разделе «Халтура». См.: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/z38.html).

широкий круг подготовительных материалов и набросков, тексты известных выступлений в ИМЛИ 1940–1941 годов и др. Две книги четвертого тома включают бахтинскую рукопись о Рабле 1940 года, фрагменты ее последующих редакций и дополнений, а также текст монографии 1965 года, сопровождаемые большим количеством связанных с их историей документов. В пятом томе собраны публиковавшиеся работы 1940-х – начала 1960-х годов, от наброска к «Философским основам гуманитарных наук» и статьи «Сатира» для «Литературной энциклопедии» до заметок 1962–1963 годов. В шестом томе находятся текст книги «Проблемы поэтики Достоевского» и обширный корпус материалов по Достоевскому 60–70-х годов. Каждая из семи книг сопровождена подробными комментариями, приложениями, указателями, что превращает собрание сочинений в научное издание академического уровня.

Неудивительно, что этот издательский проект стал частью истории отечественной гуманитаристики. Он объединил усилия нескольких поколений исследователей, принадлежащих к различным сферам гуманитарного знания (литературоведение, лингвистика, история философии, философия культуры), различным академическим школам, городам и странам. В нем принимали участие и те, кто входил в ближайшее окружение М. М. Бахтина с начала 60-х годов или был близок к последнему (С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов, Л. С. Мелихова, Н. И. Николаев), и те, кто вступил на стезю бахтинских штудий в конце 80-х – 90-е годы (Л. А. Гоготишвили, Н. А. Паньков, И. Л. Попова, Б. Пул), и те, кто долгое время двигался в своем постижении Бахтина параллельным с составителями и комментаторами курсом (В. Л. Махлин, В. Ляпунов).

История проекта полна внутренних конфликтов, научных и личных драм, время рассказов для которых еще, по-видимому, не пришло, однако их отголоски иногда выплескивались на страницы печати, придавая этому непростому сюжету дополнительную интригу. Так, неплохо осведомленный о происходящем в группе по подготовке собрания сочинений Бахтина, тогдашний директор Бахтинского центра Шеффилдского университета, известный английский славист Д. Г. Шеппард сетовал в одном из интервью: «Нам предстоит получить весьма избирательно представленный список бахтинских источников, поскольку не все в группе работают по одним и тем же правилам. Доходят слухи, что среди участников имеются расхождения. Люди работают над конкретными томами и, как видно, не всегда обмениваются информацией. Нет ни одного полноценного описания того, что хранится в архиве. Нет описи. Никто не может показать опись и сказать, что именно эти тексты находятся в архиве» [Цит. по: 7, с. 146].

Возможно, наиболее правильным и действенным при оценке того, что удалось и что не удалось в собрании сочинений Бахтина, было бы соотнести тот «горизонт ожидания», который мы видим в рецензиях на первый появившийся в печати (пятый) том с реализованным проектом. Необходимо отметить, что пятый том оказался наиболее востребованным рецензентами [5; 15; 17]. Причины подобного «рецензионного бума» очевидны, а вот то, почему последующие тома так и не стали поводом для широкого научного обсуждения, – вопрос, остающийся открытым. Виновато ли в этом состояние общего кризиса нашей гуманитарной мысли, или все дело было в надежде на завершение проекта в целом, после чего и должно было начинать разговор по существу. За это время, правда, и в «Вопросах литературы», и в «Новом литературном обозрении» прошло несколько дискуссий, так или иначе связанных с именем Бахтина, появились заметные работы В. Л. Махлина [4], Н. А. Панькова [10], И. Л. Поповой [11] и др., в той или иной степени связанные с корпусом текстов, вошедших в собрание сочинений. Следует упомянуть и монографию Н. Д. Тамарченко [13], волею обстоятельств ставшую его итоговым трудом в сфере бахтиноведческих исследований, а также вышедший совсем недавно сборник статей Н. Л. Васильева [2]. Однако масштабного, «многоголосого» обсуждения данного издания как серьезного события современной гуманитарной науки ни на родине мыслителя, ни за ее границами так и не произошло. Не приходится, впрочем, сомневаться, что гуманитарное сообщество постепенно «созревает» для этого, и серьезный разговор по теме состоится уже в самое ближайшее время.

Вернемся к самому собранию сочинений. Почти два десятилетия его подготовки и издания создали весьма любопытный прецедент: собрание сочинений Бахтина за это время превратилось в почти живой организм с характерными для любого растущего и изменяющегося со временем объекта проблемами и издержками роста, этапами взросления и т. п. Очевидно, что в данном случае речь идет не о самих бахтинских текстах, а о характере их комментария и способах представления читателю. Авторы, как правило, идут по пути детального погружения в научный и историко-культурный контексты комментируемых работ, по возможности – реконструкции их «диалогизующего фона». Перед нами очень часты исследовательские удачи, когда комментарий к конкретному тексту или фрагменту превращается в новые страницы научной биографии М. М. Бахтина. В этом смысле

показательна преамбула С. Г. Бочарова, предваряющая его комментарии к «Проблемам творчества Достоевского» и представляющая собой детальный очерк творческой истории книги. Столь же значимы, на наш взгляд, для нового понимания истории движения научной мысли Бахтина в 30-е годы комментарии С. Г. Бочарова и В. Ляпунова к работам, включенным в состав третьего тома. Наименее известная часть научной биографии М. М. Бахтина становится благодаря им более ясной, а многочисленные апокрифы, касающиеся и судьбы книги о романе воспитания, сменяются конкретными научными фактами и логически обоснованными выводами.

Нельзя не отметить и скрупулезность исчерпывающего комментария В. Ляпунова, В. Л. Махлина, Н. И. Николаева, Л. А. Гоготишвили к сложнейшим философско-эстетическим текстам первого тома, и комментаторскую и редакторскую самоотверженность И. Л. Поповой, усилиями которой давняя мечта Бахтина об издании рукописи о Рабле отдельной книгой обрела наконец реальное воплощение [Подробнее см.: 9]. Не говорим уже о сотнях исследователей, получивших доступ к недосягаемому прежде тексту бахтинской диссертации и его вариациям, надо признать, весьма остроумно и технично представленным в соответствующем томе.

Для того чтобы в полной мере оценить успешность решенной задачи, уместно вспомнить о претензиях, замечаниях и пожеланиях, звучавших в начале проекта. Так, Д. Г. Шеппард писал: «То, что появилось в первом из томов собрания сочинений – пятом, – это по преимуществу не публиковавшийся прежде Бахтин. Все, что теперь появляется, будет отличаться от уже опубликованного, в том смысле, что текстологически материал выглядит куда более надежным. Некоторые из прежних текстов содержали неточности, виной которым сложности прочтения бахтинских рукописей, проблемы с датировкой или цензурные изъятия. Так что все должно было бы быть по-другому, но с учетом того, что я знаю (как человек, прямого доступа к архиву не имеющий), оснований для особого энтузиазма не так уж и много: скорее всего мы получим тексты, более или менее подготовленные к публикации <еще при жизни Бахтина>, а также материалы, публикация которых стала возможна сегодня. Но мы не увидим тетрадей с рабочими материалами Бахтина. Последнее совершенно непонятно, независимо от того, о ком из мыслителей мы ведем речь. Это тетради, в которых он делал заметки по поводу работ, которые читал, заметки, с любой точки зрения, крайне показательные. Некоторые из них будут напечатаны в комментариях, но отнюдь не все» [Цит. по: 7. с. 146]. При этом исследователь, в тот момент реально рассчитывавший на сотрудничество с издателями собрания сочинений в деле создания его электронного варианта, высказывал целый ряд весьма конструктивных соображений по поводу публикации в его рамках многочисленных подготовительных материалов: «По иронии судьбы, мы выходим как раз в ту самую сферу, где электронное издание могло бы предоставить место для всего массива: здесь требуется огромная работа, но подобная работа стала бы в равной степени данью уважения автору и одновременно залогом сохранения критической дистанции. Суть в том, чтобы расшифровать все рабочие тетради, сделав их доступными и уместными в рамках работы с первичными текстами, а также перевести их в цифровой формат, дабы читатель мог реально увидеть, как выглядят рабочие тетради. Тем самым мы отдадим дань памяти Бахтина. Но русский проект этого, похоже, не предусматривает» [Цит. по: 7. с. 146].

Не меньшие надежды с так и не случившимся электронным изданием связывал и известный канадский бахтиновед К. Томсон, опасавшийся чрезмерной идеологизированности этого «Бахтинского проекта». «А что же пятый том московского издания собрания сочинений? “Более или менее канонический”, – говорили некоторые коллеги, тогда как другие высказывались об этом неохотно. Кое-кто утверждал, что, хотя работа по редактированию и сверке бахтинских текстов вполне удовлетворяет требованиям, научный аппарат несколько тенденциозен, так как подчеркнуто размещает Бахтина в рамках узко воспринимаемой русской традиции. Том (731 стр.) содержит как уже публиковавшиеся работы Бахтина с 1940-х до начала 1960-х гг., так и впервые опубликованные материалы (например, статью о Флобере), – замечает он. – Подождем знакомства с подробными рецензиями на данное издание в научных журналах. Тем временем, захватывающий проект Шеффилдского Бахтинского центра – электронное собрание сочинений Бахтина – кажется весьма многообещающим, ибо он сулит большую динамичность и гибкость, чем печатное издание – большую с точки зрения читателя (или пользователя)» [14, с.181–182].

Следует заметить, что подавляющее большинство опасений наших зарубежных коллег не подтвердилось. Намеченные же ими перспективы электронного издания всего корпуса текстов бахтинского архива остается актуальной задачей, адресованной, по-видимому, новому поколению исследователей и издателей творчества Бахтина.

Ряд вопросов возникал в свое время и у автора данных строк. Не останавливаясь на отмеченных неточностях частного характера в комментариях к пятому тому, приведем, пожалуй,

главный вопрос, возникший уже по его прочтении и связанный с отсутствием четко сформулированных критериев отбора и размещения бахтинских текстов в том или ином томе. Оставалось неясным, что «вкладывается конкретно, применительно к данному изданию, в понятия “хронологический и проблемный принципы”» (с. 6), поскольку, если том, посвященный “Теории романа”, закрывает 1930-е гг., то почему туда попали доклады Бахтина, сделанные в 1940–1941 гг. (а если они не там, то где они вообще?), дополнения к “Рабле” оказались в пятом томе, а не в томе “Книга о Рабле и материалы к ней” и т. д. Более того, совершенно неясно, какова судьба бахтинских материалов, оказавшихся вне бахтинского архива. Войдут ли сюда тетради с подготовительными материалами к книге о Рабле, хранящиеся в архиве М. В. Юдиной, учтен ли находящийся там же конспект работы В. Рема и т. п.?» [7, с. 144]. Задаваясь этим вопросом, рецензент не мог предположить, что «дополнения к Рабле» будут напечатаны в собрании сочинений еще раз (в том самом четвертом томе, посвященном бахтинскому исследованию о Рабле), а единственная публикация Бахтина 30-х – середины 50-х годов статья «Об изучении спроса колхозников» не войдет в собрание сочинений вовсе. Главная же проблема, так и оставшаяся не разрешенной даже по завершении издания, – это проблема общего состава бахтинского архива, которую, казалось бы, нужно было решать в первую очередь, о чем через полмесяца после кончины М. М. Бахтина, беспокоясь о судьбе его архива, писал в известном письме Б. А. Успенскому Ю. М. Лотман: «Подробно и точно описать все рукописи. Опись опубликовать (у нас или в «Russian Literature»)» [3, с. 559].

И все же осмелюсь утверждать, что неизбежные недочеты и недостатки, неточности и даже ошибки представляют собой хотя и досадные, но не умаляющие значения появления шеститомника (в семи книгах) Бахтина. Это собрание сочинений не ознаменовало собой явления принципиально другого Бахтина, но оно есть залог того, что неизбежно должен наступить новый этап в понимании, прочтении и развитии бахтинских идей.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Русские словари, 1996. – 732 с.; Т. 2: «Проблемы творчества Достоевского», 1929; Статьи о Толстом, 1929; Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. – М. : Русские словари, 2000. – 799 с.; Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963; Работы 1960-х – 1970-х гг. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.; Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. – М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – 957 с.; Т. 4 (1): Франсуа Рабле в истории реализма. Материалы к книге о Рабле. Комментарии и приложения. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 1120 с.; Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура). – М. : Русские словари, Языки славянских культур, 2010. – 752 с.; Т. 3: Теория романа (1930–1961). – М. : Языки славянских культур, 2012. – 880 с.

2. Васильев, Н. Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: в поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга / Н. Л. Васильев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 408 с.

3. Лотман, Ю. М. Письма / Ю М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.

4. Махлин, В. Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии / В. Л. Махлин. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – 632 с.

5. Николаев Н. И. Издание наследия М. М. Бахтина как филологическая проблема (две рецензии) / Н. И. Николаев // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1998. – № 3. – С. 114–115.

6. Осовский О. Е. Бахтин, Волошинов, Медведев: об одном из проклятых вопросов современного бахтиноведения / О. Е. Осовский // Этика М. М. Бахтина и философия современного мира. – Саранск : Изд-во МГУ, 1992. – С. 39–54.

7. Осовский, О. Е. Пятый том Бахтина пришел к читателю первым / О. Е. Осовский // Бахтинский сборник. – Мордов. гос. пед. ин-т, Саранск, 2000. – Вып. 4. – С. 142–146.

8. Осовский, О. Е. Рец. на кн.: The Bakhtin Circle. In the Master’s Absence. Manchester, 2004 / О. Е. Осовский // Вопросы литературы. – 2005. – № 4. – С. 368–369.

9. Осовский О. Е. Рец. на кн.: Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы (М., 2009) / О. Е. Осовский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2012. – № 2. – С. 76–80.

10. Паньков, Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина / Н. А. Паньков. – М. : Изд-во МГУ, 2010. – 702 с.

11. Попова, И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы / И. Л. Попова. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 464 с.

12. Попова, И. Л. Почти «юбилейное» замечание к десятилетию выхода 5-го тома Собрания сочинений М. М. Бахтина / И. Л. Попова // НЛО. – 2006. – № 79 [http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/po3-pr.html].

13. Тамарченко, Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция / Н. Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2011. – 399 с.

14. Томсон К. Кризис в Калгари // К. Томсон // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1997. – № 4. – С.181–182.

15. Brandist, C. Review article: The oeuvre finally emerges / C. Brandist // Dialogism: An International journal of Bakhtin studies. – 1998. – № 1. – P. 107–114.

16. Bronckart J.-P. Bota C. Bakhtine démasqué. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif / J.-P Bronckart, C. Bota. – Genève : Droz, 2011. – 629 p.

17. Nikolaev, N. Publishing Bakhtin: a philological problem (Two reviews) / N. Nikolaev // Dialogism. – 2000. – № 4. – P. 67–113.

18. Zenkine, S. Rec. ad op.: Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtine démasqué. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif. Genève, 2011 / S. Zenkine // Cahiers du monde russe. – 2011. – T. 52. – № 4. – P. 845–853.

References

1. Bakhtin M. M. Collected works of M. M. Bakhtin. V. 5: Works of the 1940s – the beginning of the 1960s. M.: Russian dictionaries, 1996, 732 p.; V. 2: "Problems of creativity of Dostoevsky". 1929; Articles about Tolstoy, 1929; Records of a course of lectures on stories of the Russian literature, 1922–1927. M.: Russian dictionaries, 2000. 799 p.; V. 6: "Problems of poetics of Dostoevsky", 1963; Works of the 1960s – the 1970s – M.: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. 2002. 799 p.; V. 1: Philosophical esthetics of the 1920s. M.: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. 2003. 957 p.; V. 4 (1): François Rabelais in the history of realism. Materials on the book about Rabelais. Comments and appendices. M.: Languages of Slavic cultures. 2008. 1120 p.; V. 4 (2): François Rabelais's creativity and national culture of the Middle Ages and Renaissance. Rabelais and Gogol (Art of the word and national humorous culture). M.: Russian dictionaries, Languages of Slavic cultures. 2010. 752 p.; V. 3: Theory of the novel (1930–1961). M.: Languages of Slavic cultures, 2012, 880 p.

2. Vasilyev N. L. Mikhail Mikhaylovich Bakhtin and the phenomenon of "Bakhtin's Circle": In search of the lost time. Reconstruction and deconstructions. Circle. M.: LIBROKOM, 2013, 408 p.

3. Lotman Yu. M. Pisma. M.: Languages of the Russian culture, 1997, 800 p.

4. Makhlin V. L. Second consciousness. Approaches to humanitarian epistemology. M.: Languages of Slavic culture, 2009, 632 p.

5. Nikolaev N. I. Publication of the heritage of M. M. Bakhtin as a philological problem (two reviews). Dialogue. Carnival. Chronotope, 1998, No. 3, pp. 114–115.

6. Osovsky O. E., Bakhtin, Voloshinov, Medvedev: On one of the damned questions of the modern Bakhtin Studies. M. M. Bakhtin's ethics and philosophy of the modern world. Saransk: Prod. Moscow State University, 1992, pp. 39–54.

7. Osovsky O. E. Bakhtin's fifth volume came to the reader first. Bakhtin's collection of works. Saransk: MGPI named after M. E. Evsevyev, 2000, Issue 4, pp. 142–146.

8. Osovsky O. E. Book review: Bakhtin's Circle. In the Master's Absence. Manchester / 2004. Literature Questions, 2005, No. 4, pp. 368–369.

9. Osovsky O. E. Book review: Popova I. L. M. M. Bakhtin's book about François Rabelais and its value for the theory of literature. Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series. 2012. No. 2, pp. 76–80.

10. Pankov N. A. Questions of the biography and M. M. Bakhtin's scientific creativity / N. A. Pankov. M: Publishing House of Moscow State University, 2010, 702 p.

11. Popova I. L. M. M. Bakhtin's book about François Rabelais and its value for the theory of literature. M: IMLI Russian Academy of Sciences, 2009, 464 p.

12. Popova I. L. Almost "anniversary" remark by a decade of publication of the 5th volume of Collected works of M. M. Bakhtin. UFO. 2006. No. 79 [http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/po3-pr.html].

13. Tamarchenko N. D. 'Esthetics of verbal creativity' of M. M. Bakhtin and Russian philosophical and philological tradition. M: Kulagina's Publishing House; Intrada, 2011, 399 p.

14. Thomson K. Crisis in Calgary. Dialogue. Carnival. Chronotope. 1997, No. 4, pp. 181–182.

15. Brandist C. Review article: The oeuvre finally emerges. Dialogism: An International journal of Bakhtin studies, 1998, № 1, pp.107–114.

16. Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtinedémasqué. Histoire d'un menteur, d'uneescroquerieet d'un délirecollectif. Genève: Droz. 2011, 629 p.

17. Nikolayev N. Publishing Bakhtin's works: a philological problem (Two reviews). Dialogism, 2000, № 4, pp. 67–113.

18. Zenkine S. Rec. ad op.: Bronckart J.-P., Bota C. Bakhtinedémasqué. Histoire d'un menteur, d'uneescroquerieet d'un délirecollectif. Genève, 2011. Cahiers du monde russe, 2011, T. 52. № 4, pp. 845–853.

Поступила 06.05.2013 г.

УДК 821.511.152:574
ББК Ш5(2Рос=Мор)6

Шеянова Светлана Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедра финно-угорских литератур
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ МОРДОВСКОМ РОМАНЕ

Аннотация: В статье анализируется функционирование в современном мордовском романе экологической проблематики, перерастающей в вопросы нравственно-этического, философского, аксиологического плана, позволяющей определить художественную концепцию писателей о гармоничном единстве природного и социального.

Ключевые слова: экологическая проблематика, проблема «человек и природа», философское осмысление, человеческое бытие, единство человека и природного мира.

Sheyanova Svetlana Vasilyevna
Candidate of Philological Sciences, Dotsent
Department of Finno-Ugric Literatures
Mordovian State University, Saransk, Russia

ENVIRONMENTAL PROBLEMS AND THE NATURE OF PHILOSOPHY IN CONTEMPORARY MORDVINIAN NOVEL

Abstract: The article presents the analysis of environmental problems functioning in a contemporary Mordvinian novel. Thus the environmental problems develop into moral and ethical issues, philosophical and axiological matters. Consequently they enable us to define the writers' artistic conception of the harmony of man and nature.

Key words: environmental problems, 'man – nature' problem, philosophical comprehension, human being, unity of man and nature.

В настоящее время в силу кризисной экологической обстановки в стране взаимоотношения человека и природы стали объектом повышенного внимания со стороны искусства, философии, эстетики. В отечественной литературе проблема «человек – природа» с особой интонацией зазвучала в произведениях С. Залыгина, В. Белова, В. Распутина, Ч. Айтматова и др. Исследователь И. Рудзевич усматривает причины, побудившие писателей обратиться к решению данной гуманистической проблемы, в запросах самой эпохи, заставившей литературу «показывать непрерывное усложнение связей и интенсификацию воздействия человечества на окружающую среду» [7, с. 290]. В социально-философской прозе «деревенщиков» художественное осмысление экологической проблематики позволяет писателям создать свою концепцию философии природы, которая зачастую уходит корнями в «идею антропокосмизма» (понимания человека как части Вселенной или природного мира).

Современные мордовские писатели также осознают назревшие заботы и нужды общества и осмысливают их в сложных связях и взаимоотношениях, в общеизвестных явлениях открывая новые грани и глубины, закладывая основы экологического сознания, экологическую совесть, экологическую культуру, экологическую этику, формирующих нормы и законы отношения человека к природному миру.

В мордовской литературе художественное исследование взаимоотношений человека с природой является традиционным направлением. Однако в определенные годы подход к вечной теме искусства был различен. Так, в крупных эпических формах национальной прозы 1960–1980-х годов проблема «человек и природа» прочитывалась в социально-бытовом, утилитарно-практическом аспекте и была окрашена пафосом подчинения и служения природы человеку. В период застоя мордовские писатели, по утверждению Е. И. Азыркиной, «замалчивали возникающие в результате безудержного вторжения в природный мир экологические проблемы» [1, с. 2]. Писатели отображали социальный прогресс в контексте преобразования природы, в результате чего она оказалась подчиненной воле человека. Между тем природа – живой функционирующий организм, потребительское отношение к ней, разрушение ее естественной гармонии ведут к разладу в человеческом обществе, завершению жизни, наказанию за нарушение изначальных заповедей.

Представления человека о живой природе – неотъемлемая часть мировосприятия героев мордовского романа рубежа XX–XXI веков. Функция пейзажа как лирического аккомпанемента настроения или психологического состояния персонажа значительно усложняется: писатели выявляют глубинное нравственно-этическое содержание характеров, актуализируют философское осмысление взаимосвязи цивилизации и окружающей среды, поиск смысла человеческого бытия. Отношение к природе интерпретируется как особое ее ощущение, которое выступает показателем нравственного потенциала человека, присутствия в его сознании «геностихийного чувства», этнической памяти о своих корнях.

Природный аспект оказывается одним из определяющих в изображении характеров в романе А. Доронина «Перепелка – птица полевая», персонажи которого в общении с природой или приобретают нравственно-этический опыт или лишаются духовных основ, деградируют как личность. Романное повествование не ограничивается социально-хозяйственной проблематикой, автора волнуют онтологические проблемы бытия. В произведении просвечивается «онтологическая модель» человеческой жизни, определяемая постановкой «наиболее важных проблем жизни и смерти, смысла жизни, человека и природы, человека и Бога» [4, с. 190]. В романе А. Доронина анализ взаимоотношений человека и природы перерастает рамки проблемно-тематического уровня, превращаясь в художественное выражение онтологических принципов сознания, проводником глубоких размышлений о родной земле, любви к родному дому, к малой родине, связанных с вечными вопросами о смысле человеческого бытия, об идеалах добра, красоты, истины.

Авторская мысль в «Перепелке…» в своем развитии, в чередовании планов и мотивов неизменна в одном: в соединении непосредственных впечатлений от окружающей среды с идеей о единстве человека с природой, о подчиненности их определенному ритму, о нравственно-этическом влиянии природы на человека. Доказательна следующая зарисовка. «Солнце опустилось к реке, отражение стогов длинной чертой протянулось по краю берега. Было видно, как прыгает рыба, разрезая гладь, от которой уже шло прохладное дуновение. Пахло только что скошенной травой… Эх, Сура-река! Как ты смягчаешь сердца людские! Как хорошо на лугах твоих!» [подстрочный перевод наш. – *С. Ш.,* 2, с. 269]. Подробность описания в сочетании с поэтичностью позволяют передать восхищенно-умиротворенное душевное состояние погруженного в созерцание окружающего мира рассказчика, создают обобщенно-символический образ реки, рождают емкий смысл о диалектическом единстве всего живого. Подобные пейзажные зарисовки провозглашают неразрывный союз человека с природой, способствуют философско-этическому осмыслению этих взаимоотношений, отражают традиционно-национальное поэтическое мироощущение.

Кроме реалистических приемов образности исследовать проблему «человек и природа», раскрыть нравственно-этические и философские ее аспекты помогают мифофольклорные средства. В доронинских описаниях природа всегда олицетворена, что является, по определению Т. Г. Мальчуковой, «главной натурфилософской мифологемой» [6, с. 162]. Она сближается с национальными мифологическими образами Модавы, Ведявы, Вирявы. Природа – родительница, созидательница, правительница; она рождается, растет, радуется, гневается, наказывает. Возможно, подобные аналогии не осознаны и самим писателем, однако они достаточно ярко высвечиваются в ткани произведения, обогащая философско-поэтическую эпическую традицию.

В романе кроме авторского голоса и голоса персонажей, звучит еще один голос – самой природы. Он негромок, однако не менее красноречив многих слов – голос наделенной интеллектом старой волчицы Керязь Пуло, на глазах которой человек рушит природную колыбель, а вместе с ней и свою «нравственную цельность». Эмоциональные «раздумья» волчицы продуманы функционально и содержательно, нагружены они и символическим смыслом. Удачное использование приема антропоморфизма позволяет автору раскрыть «душу природы изнутри», выявить взаимопроникающие и взаимообусловленные проблемы природы и человека, подвести читателя к философскому обобщению о соотнесенности мира естественного и социального, об изначальности единства их судеб, о единосущности природы и человека в бесконечной системе умирающего и нарождающегося, об их подчиненности одному и тому же вечному закону жизни.

В романе А. Доронина «Кузьма Алексеев» проблема «человек – природа» осмысливается в аспекте преемственности национальной культурной традиции и освещается в этико-философском ключе «человек – память». Памятью, по утверждению исследователя А. Ф. Лапченко, «опосредовано жизненное поведение героев в их отношении к природе, другим людям, обществу, к самим себе» [5, с. 137].

А. Доронин изображает характеры в связи со сформировавшими их естественными условиями и обстоятельствами, во взаимодействии со средой, в которой создавалась и хранилась духовная культура народа, его представления о добре и зле, преходящем и вечном, прекрасном и безобразном. Память в интерпретации автора определяется отношением человека к выработанным веками национально-этическим ценностям. От ценностного содержания отдельных пред-

ставителей народа напрямую зависит судьба целого этноса. Таким образом, соотнесение понятий «человек – судьба народа – родовая память» подводит читателя к размышлениям об историческом пути народа, о роли личности в истории, что усиливает философскую направленность повествования. Сопрягая исторический факт с философией существования человека, с вечными вопросами его бытия, автор соединяет прошлое с современностью, представляет нерасторжимое единство индивидуальной судьбы и судьбы народной.

Хранителем и защитником национальных традиций и ценностей, одной из которых является вера, выступает в романе крестьянин села Сеськино Кузьма Алексеев. Правомерно говорить о духовной близости героя к природе, об органичном и естественном слиянии с ней. Для Кузьмы и его сторонников характерно одухотворенное восприятие природы, о чем свидетельствуют сцены молений у священного дуба на лесной поляне Репеште: «…куда ни глянешь – древние, могучие дубы-великаны и в человеческий рост трава, в траве россыпь цветов. Верхушки дубов, казалось, достают до неба. … На середине поляны из-под огромного, с мельничный жернов камня, булькал родник. Над родником, который заботливо огорожен слегами, зеленым навесом встали четыре дуба, древних, кряжистых. К самому могучему дереву, которому эрзяне дали имя Озкс-Тумо, были прибиты иконы со святыми ликами. Давным-давно в стволе Озкс-Тумо кто-то сделал топором отметину – углубление. Теперь эрзяне в каждый свой приход сюда, на Репештю, в разросшемся дупле свечу зажигают…» [3, с. 93]. Символический образ священной поляны организует сквозную тему исторической связи между поколениями, обозначает движение авторской концепции и раскрывает нравственно-философский смысл связи между прошлым, настоящим и будущим.

Природа в «Кузьме Алексееве» предстает обителью человечества, загадочным и беспредельным миром, живущим по своим законам. В романе природа не рассматривается в связи с социально-экологическими проблемами действительности, преимущественно она предстает как эстетический объект, но вместе с тем образы живой природы несут существенную философско-этическую нагрузку. Об этом свидетельствует обобщающе-символический образ лося Отяжки, созданный посредством антропоморфизма и символизирующий народную силу и духовную мощь. Идущая от народно-поэтической традиции персонификация мира природы служит философскому утверждению о единстве живущих по одним и тем же законам человека и живой среды, о первозданности связей человека и природы.

В мордовском романе рубежа XX–XXI веков проблеме «человек – природа» принадлежит структурообразующая роль. Она художественно осмысливается в связи с онтологической проблемой философии человеческого бытия. «Природная» картина мира выступает аксиологическим ориентиром, философско-эстетической субстанцией, ориентированной на выражение в бытии народа общечеловеческого содержания.

Список использованных источников

1. Азыркина, Е. И. Человек и природа в мордовской прозе : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. И. Азыркина. – Саранск, 1996. – 24 с.

2. Доронин, А. Кочкодыкесь – пакся нармунь = Перепелка – птица полевая : роман / А. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 380 с.

3. Доронин, А. Кузьма Алексеев : роман / А. Доронин ; пер. с морд.-эрз. Е. Голубчик. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 368 с.

4. Карпов, И. П. Автор и герой в онтологической ситуации (Творчество Н. С. Лескова) / И. П. Карпов // Природа и человек в художественной литературе : материалы Всерос. науч. конф. – Волгоград, 2001. – С. 188–194.

5. Лапченко, А. Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов / А. Ф. Лапченко. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 137 с.

6. Мальчукова, Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина / Т. Г. Мальчукова. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. – 488 с.

7. Рудзевич, И. Человек и природа в творчестве С. Залыгина : дис. … д-ра филол. наук / И. Рудзевич ; Варминско-Мазурский ун-т. – Ольштын, 2003. – 351 с.

References

1. Azyrkina E. I. Man and Nature in Mordvinian Prose: abstract of the thesis … Candidate of Philology. Saransk, 1996, 24 p.

2. Doronin A. The Quail – A Field Bird: novel. Saransk, Morodvia Publishing House, 1993, 380 p.

3. Doronin A. Kuzma Alekseyev: novel. Saransk, Mordovia Publishing House, 2008, 368 p.

4. Karpov I. P. Author and Character in Ontological Situation (N. S. Leskov's Literary Works), Nature and Man in Fiction. Volgograd, 2001, pp. 188–194.

5. Lapchenko A. F. Man and Earth in Russian Socio-Philosophical Prose of the 1970s. Leningrad, Leningrad University Publishing, 1985, 137 p.

6. Malchukova T. G. Ancient and Christian Traditions in Presenting Man and Earth in A. S. Pushkin's Literary Works. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publishing, 2007, 488 p.

7. Rudzevich I. Man and Nature in S. Zalygin's Literary Works: thesis … Doctor of Philology. Olshtyn, 2003, 351 p.

Поступила 11.03.2013 г.

ИСТОРИЯ

УДК 392.34:371.72 (470.345) (045)
ББК 63.5(2 р–6 Мо)

Беляева Надежда Федоровна
доктор исторических наук, профессор
кафедра всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
general_history@mordgpi.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ МОРДВЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ: В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ И АЛКОГОЛИЗМА*

Аннотация: В статье рассматриваются народные средства физического воспитания и формирования здорового образа жизни, анализируется воспитательный потенциал этнопедагогики мордвы, современные формы досуга и их роль в профилактике наркомании и алкоголизма.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, народные традиции, воспитательный потенциал, профилактика, формы досуга, этикет, нормы поведения.

Belyaeva Nadezhda Fedorovna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Departament of General History
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

THE USE OF EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE MORDVA FOLK TRADITIONS IN THE HEALTHY LIFESTYLE FORMATION: IN THE CONTEXT OF PREVENTION OF DRUG ADDICTION AND ALCOHOLISM

Abstract: This article discusses traditional remedies of physical education and healthy lifestyle formation, examines educational potential of the Mordva ethnopedagogy, modern forms of leisure activities and their role in the prevention of drug addiction and alcoholism.

Key words: health, healthy lifestyle, traditions, educational potential, prevention, leisure activities, etiquette, norms of behavior.

Важнейшим фактором успешного общественного развития, ресурсом для обеспечения стабильности государства является здоровье населения. По уровню качества жизни и состоянию здоровья граждан страны определяется эффективность государственной политики в области социальной сферы. Здоровье человека, с одной стороны, представляет собой целостное, многоаспектное, динамичное состояние, с другой стороны, процесс, характеризующийся позитивными и негативными показателями. В последние десятилетия как в целом в Российской Федерации, так и в Республике Мордовия наблюдается тенденция к ухудшению состояния здоровья молодежи, не последнее место в этом занимает рост злоупотребления наркотическими веществами [2, с. 83]. Стрессы, плохое питание, несбалансированность учебных программ и техногенных нагрузок, низкая степень физических нагрузок и занятий физическим трудом, неполноценный отдых, вытеснение подвижных игр интеллектуальными также стали причиной роста числа заболеваний молодого организма и нездорового образа жизни. Негативным фактором для республики стал высокий уровень смертности в трудоспособном, в том числе молодом возрасте, что на фоне сокращения общей численности населения является фактором угрозы национальной безопасности. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия в 2009 г. умерло 283 человека в возрасте 14–29 лет, в том числе 62 % – неестественной смертью, 13,8 % – покончили с собой [8, с. 9].

В значительной степени ухудшение состояния здоровья, ранняя смерть связаны с

* Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2013 год (проект «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования»).

распространением алкоголизма и наркомании. По данным социологического исследования «Отношение населения к потреблению наркотиков в Республике Мордовия», проведенного в 2009 году НИИ регионологии МГУ им. Н. П. Огарева, 5,9 % опрошенных регулярно употребляли наркотики, из них в возрастных группах 21–25 лет – 28,2 % и 26–40 лет – 42,3 % [4, с. 215]. Употребление молодежью алкоголя, наркотических и других психотропных средств представляет серьезную угрозу здоровью населения, экономике, социальной сфере и правопорядку. В связи с этим решение проблемы сохранения здоровья человека, его активной жизненной позиции является весьма актуальным.

Здоровье в большей степени зависит от самого человека, от его образа жизни. Образ жизни – это тип жизнедеятельности людей, обусловленный социально-экономическими условиями, общественно-политической и культурной деятельностью, поведенческими привычками и проявлениями. Наиболее полно взаимосвязь между образом жизни и здоровьем выражается в понятии «здоровый образ жизни», которое включает компоненты, способствующие выполнению человеком профессиональных, общественных, семейных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях. Здоровый образ жизни предусматривает соблюдение человеком определенных норм, правил и ограничений в повседневной жизни, способствующих сохранению здоровья, оптимальному приспособлению организма к условиям среды, высокому уровню работоспособности в учебной и профессиональной деятельности [7, с. 40].

Согласно опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в 2002 г., 41 % респондентов под здоровым образом жизни понимают свободу от вредных привычек, 23 % – связывают с занятиями спортом, 13 % – полноценным питанием, 10 % – достаточным сном и отдыхом, 2 % – экологическими условиями, 8 % – материальным благополучием, 2 % –хорошими отношениями в семье, 1 % – гармонией физического и духовного в себе и с окружающими [9].

Сегодня формирование здорового образа жизни признается обществом как один из эффективных способов противодействия алкоголизму и наркомании. Эту проблему можно рассматривать также в ракурсе концепции этнопедагогики, обусловленности поведения многовековыми культурными традициями и предписаниями. Каждый этнос выработал на протяжении веков ценности, нормы, институты, ориентированные на формирование физически, психологически и социально здорового человека в соответствии с моральными, интеллектуальными и физическими идеалами. Благодаря этому создается тип личности, необходимой для воспроизводства качественных и количественных показателей этноса. В этом плане заслуживают внимания накопленные столетиями и проверенные многими поколениями традиции физического воспитания и формирования здорового образа жизни у мордвы. Мокша и эрзя понятие «образ жизни» трактуют достаточно широко. Это, прежде всего, поведение человека, направленное на сохранение и укрепление здоровья на различных этапах его роста и развития, организация оптимальной двигательной активности, целесообразности труда и отдыха, психологическое и социальное благополучие, наличие определенного гигиенического мировоззрения и гигиенической культуры, культивирование нравственных отношений между полами. Социокультурные эталоны личности у мордвы, действующие как формирующие матрицы социальных представлений, концепций, моделей, формировались под влиянием природно-климатических, социально-экономических условий жизни.

Мордовский народ исторически сложился на обширной территории Окско-Волжского междуречья, в зоне преимущественного распространения лесов, рек и родников. Лесной ландшафт стал господствующим на первоначальном этапе становления мордовского этноса. В это время складывались благоприятные условия для охоты, собирательства. Получает развитие скотоводство, земледелие. Чтобы успешно противостоять природе, надо было обладать всеми необходимыми физическими качествами: выносливостью, силой, быстротой, ловкостью, гибкостью, иметь достаточно высокую физическую и психическую закалку. Все это накладывало отпечаток на формирование физических и внешних данных мордвы, которые характеризовались высокими количественными и качественными показателями, что подтверждается статистическими данными, материалами зарубежных и отечественных исследователей. Например, И. Н. Смирнов писал: «Века, в течение которых мордва жила в своей благодатной стране, отразились на ее физическом типе. Она резко отличается от других финнов Волжско-Камского бассейна – черемисов, вотяков, пермяков – своим ростом, массивным сложением, здоровым цветом кожи и размером физических сил. Русское население края также не везде в состоянии померяться с мордвой физическими ресурсами» [9, с. 119]. Известный казанский антрополог Н. М. Малиев на основе свидетельств армейских врачей сделал следующее заключение: «Мордовские волости представляют

рекрут, принимаемых без браковки, и при смешанном населении мордва идут взамен русских и в особенности чуваш. Многие из мордовских новобранцев по своему росту и крепости телосложения зачисляются в гвардию. Между мордвою встречаются 100-летние старики, еще полностью бодрые, в состоянии выполнить легкую работу» [5, с. 8].

Признаками здоровья и здорового образа жизни считались большая физическая сила, работоспособность, крепкое телосложение, веселый нрав, добродушие, умение вести себя в обществе, умение шутить, петь, плясать. Эти качества нашли отражение во многих произведениях устно-поэтического творчества, особенно в пословицах: «Счастье не в красоте, а в здоровье и труде», «Веселые и добрые люди быстрее выздоравливают и дольше живут», «Кто умеет веселиться, тот и горя не боится», «Кто поет, того и беда не берет», «Девушка пляшет, красоту и здоровье кажет» [6, с. 31, 157, 163]. В рассказах о мордовских силачах всегда подчеркивалось их благородство и моральные принципы. Так, мокшанин Семен Бабский из с. Новые Выселки Зубово-Полянского района, обладая богатырской силой (пудовую гирю бросал через крыши домов, на спор мог поднять и протащить восемнадцатипудового быка), по характеру был добродушным, простым. Никогда не выходил драться, бороться, чтобы не покалечить человека [3, с. 44, 48].

Формирование необходимых физических и духовно-нравственных качеств начиналось задолго до рождения ребенка. Степень жизнеобеспечения потомства ставили в зависимость от личных способностей будущих родителей. Исходя из этого, важное значение придавалось выбору брачных партнеров, учитывались не только физические и нравственные качества молодых людей, но и их родных до седьмого колена. Большое внимание уделяли поведению молодых людей на свадьбе. Так, существовал строгий запрет на употребление всякого алкоголя. Рождению здорового потомства должны были способствовать как рациональные, так и магические предписания для беременной и ее мужа. Считалось, что неблаговидные поступки будущих родителей сказываются на поведении будущего ребенка. Не только члены семьи, но и сельский социум строго следили за соблюдением данных предписаний.

В повседневной жизни укрепление физических и морально-нравственных качеств связывалось с созданием здорового быта, куда входили традиционная система питания, гигиена, одежда, предметы ухода. Широкое распространение имеет представление об аппетите как о выражении здоровья, что выразилось в пословицах: «Как ест, так и работает», «Много съешь, сильным будешь, большим вырастешь» [1, с. 96]. В традиционном быту большое внимание уделяли материнскому кормлению. Нередко ребенка кормили грудью до двух-трех лет. Недаром о физически сильном человеке говорили: «Видно его мать долго грудью кормила». Данное положение отразилось в сказках, эпических песнях [1, с. 78].

Независимо от материального достатка семьи старались, чтобы еда была разнообразной. Основу питания составляли продукты земледелия, животноводства, огородничества, рыболовства, дары леса. Важным фактором формирования здорового образа жизни молодого поколения служил семейный распорядок дня, который определял характер занятий, загрузку каждого члена семьи, время приема пищи. Согласно традиционному этикету, кушать садились все вместе в определенное время. Опоздавшего к обеденному столу могли оставить без еды. Такой ритм утверждал порядок в семье, этические нормы поведения. Образ жизни семьи служил моделью будущего поведения, основой воспитания своих детей, тем самым реализовалась преемственность поколений.

Одним из самых действенных средств физического воспитания и формирования здорового образа жизни являлась игровая деятельность. У мордвы каждый возрастной группе детей соответствовали свои виды игрушек и оригинальные подвижные игры, сообразные их потребностям в движении. Физические упражнения и игры прекрасно тренировали сердечно-сосудистую и костно-мышечную системы, органы дыхания, они вырабатывали выносливость, коллективизм, силу, способствовали приобретению морально-нравственных качеств: не бить лежачего, не обижать слабого, формированию особой субкультуры, учили правилам поведения в разных ситуациях.

Важной формой организации досуга молодежи, проверки этических норм служили хороводы, посиделки. Функционировала целая система правил общения друг с другом, между полами. Возбранялись бесшабашное, вызывающее поведение, неряшливость в одежде, нецензурная брань, поощрялись степенность, а не вульгарность, умение вести разговор, уважительное обхождение. Предосудительным считалось явиться на общественное место в нетрезвом виде, курить в помещении. Согласно традиционным этическим нормам, поведение детей и молодежи, особенно на людях и в общественных местах, должно быть скромным и сдержанным. Наиболее развязных юношей выводили из помещения,

не допускали на посиделки, участвовать в хороводе. В целом каждый человек старался вести себя в рамках приличия, чтобы не вызвать осуждения со стороны взрослых. Их репутация проецировалась на социальный статус других членов семьи. Поведение молодых людей, их образ жизни имели публичный характер. Не только семья, но и сельский социум в лице общины занимали активную позицию в подготовке подрастающего поколения к жизни, обладали огромными воспитательными возможностями. Сельский социум воздействовал на подрастающее поколение через общественное мнение, которое регулировало поведение каждого в соответствии с общепринятой шкалой ценностей. Для неженатых юношей, тем более подростков, существовало строгое табу курить в присутствии родителей. Им также не разрешалось участвовать в застольях. Эти запреты служили важным средством профилактики курения и пьянства. Как социально-психологические явления и часть духовной культуры они имели функцию регулятивную, познавательную, социального контроля.

Большой воспитательный потенциал в физическом воспитании и формировании здорового образа жизни имели народные праздники, которые сопровождались различными играми, соревнованиями. Например, неотъемлемой частью праздника Троицы были состязания борцов, кулачные бои. Участие детей и молодежи в состязаниях предусматривало предшествующую им длительную подготовку. Эти тренировки служили действенным средством физической подготовки, ведения здорового образа жизни. Народные праздники создавали также мощное энергетическое биополе, которое благоприятно сказывалось на психолого-эмоциональном состоянии людей.

Таким образом, вся система жизнеобеспечения мордвы была призвана формировать физически полноценные личности, составной частью которой служил здоровый образ жизни. Она должна была способствовать воспроизводству этноса, сохранению его качественных и количественных показателей.

В последние годы начинается пересмотр ценностных ориентаций, в том числе в отношении здорового образа жизни. Выросла прагматическая ценность здоровья, постепенно происходить понимание того, что здоровье является неотъемлемым условием материальной и духовной жизни человека. Собранные полевые материалы свидетельствуют о том, что среди молодежи возросла ответственность в отношении к своему здоровью и установка на здоровый образ жизни. Востребованными оказались и многие народные традиции. В частности, в дошкольных и школьных учреждениях стали возрождаться национальные игры, развлечения, формы досуга. Ведению здорового образа жизни способствуют занятия спортом, участие в различных фестивалях. Всеобщее признание в молодежной среде в Мордовии получили ежегодные республиканские фестивали рок-музыки «Взгляд назад» и «Взгляд вперед», фестиваль эстрадной песни «Од вий». Отрадно отметить, что с каждым годом число участников становится все больше. Всеобщее признание получило проведение республиканского конкурса народного творчества «Играй, гармонь», основным участником которого является сельская молодежь.

Одним из направлений формирования здорового образа жизни, профилактики наркомании и алкоголизма стало возрождение национальных традиций военного искусства и быта древней мордвы. На базе Поволжского центра культур финно-угорских народов России действует клуб национальных мордовских единоборств «Акша келу». Стало традицией проведение межрегиональных фестивалей по мордовским народным играм и традиционным состязаниям «Тюштянь налхксемат». Третий межрегиональный фестиваль прошел в 2012 г. в селе Подлесная Тавла Кочкуровского района. Мордовские народные игры стали составной частью праздников «Акша келу», «Раськень (велень) озкс». Возрождается не только мордовская борьба, но и традиционные состязания мордвы: стрельба из лука, бросание топора, копья, ножа, поднимание бревна; перетягивание палки, бросок на дальность большого деревянного мяча. Эти традиции возрождаются не только в мордовских районах Мордовии, но и среди мордвы Самарской, Нижегородской областей. Например, во время фольклорного праздника «Масторавань Тундо» в Самарской области организаторы провели мордовские состязания, которые привлекли большое внимание участников и гостей. Возрождение мордовские народных игр и состязаний является в свою очередь и важным средством этнической социализации. На тренировки ребята надевают национальную одежду, слушают и исполняют мордовские песни, знакомятся с национальной кухней, тем самым приобщаются к истории и культуре своего народа. Многие элементы традиционных мордовских праздников вошли в практику проведения Масленицы, Проводов зимы, праздника села, города. Ведению здорового образа жизни способствует открытие физкультурно-спортивных комплексов с ледовыми катками. Активному развитию физической культуры, спорта, формированию здорового образа жизни способствует республиканская молодежная организация «Единая спортивная молодежь», объединившая

всех, кто любит спорт, занимается спортом и ведет здоровый образ жизни. Следует подчеркнуть, что традиционная культура наиболее востребована у сельской молодежи. Сокращение, а в ряде случаев ликвидация социальной и культурной инфраструктуры села приводит к сужению форм досуга сельской молодежи, поэтому участие в народных праздниках, художественной самодеятельности, занятиях спортом является важным средством профилактики алкоголизма и наркомании.

Список использованных источников

1. Беляева, Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Н. Ф. Беляева ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2001. – 260 с.

2. Беляева, Н. Ф. Место молодежи в социальной структуре Республики Мордовия в начале XXI в. / Н. Ф. Беляева, О. М. Катаев // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2 (6). – С. 82–87.

3. Земля была без них мертва : предания и устные рассказы / сост. Л. В. Седова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – 96 с.

4. Зеткина, Ю. В. Социальная профилактика наркотизма в регионе / Ю. В. Зеткина // Регионология. – 2010. – № 2. – С. 213–224.

5. Малиев, Н. М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер, поздние браки и влияние их на крепость сложения народа. Национальные особенности черепа / Н. М. Малиев // Протоколы заседаний общества Естествоиспытателей при Казанском ун-те. – Казань, 1878. – Отдельный оттиск 8.

6. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.

7. Носов, А. Г. К вопросу о педагогическом сопровождении становления здорового образа жизни / А. Г. Носов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2 (6). – С. 37–41.

8. Романовский, Г. Б. Понятие и содержание права на охрану здоровья / Г. Б. Романовский // Гуманитарные науки и образование, 2011. – № 3 (7). – С. 104–107.

9. Смирнов, И. Н. Мордва / И. Н. Смирнов. – Саранск : Крас. Окт., 2002. – 296 с.

10. Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. Управление по Республике Мордовия – Режим доступа : http:// www.ufsknrm.ru.

11. Фонд общественное мнение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// www.fom.ru.

References

1. Belyaeva N. F. Traditional upbringing of the Mordvinians, Saransk, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, 2001, 260 p.

2. Belyaeva N. F. Place of the Youth in the Social Structure of the Republic of Mordovia at the Beginning of XXI Century, The Humanities and education, 2011, No. 2 (6), pp. 82–87.

3. The earth was dead without them: legends and oral histories, compiler L. V. Sedova, Saransk, Mordovian Book Publishers, 1991, 96 p.

4. Zetkina Yu. V. Prevention of social drug addiction in the region, Regionologiya, 2010, No. 2, pp. 213–224.

5. Maliev N. M. Overview of the Mordovians of Samara, their anthropological, late marriages and their effect on the soundness of the people. National features of the skull, Minutes of the Society of Naturalists at Kazan University are, Kazan, 1878, Reprint 8.

6. Mordovian proverbs and sayings, Saransk, Mordovian Book Publishers, 1986, 280 p.

7. Nosov A. G. Pedagogical Support for Formation of a Healthy Lifestyle, The Humanities and education, 2011, No. 2 (6), pp. 37–41.

8. Romanovsky G. B. Concept and Contents of the Right to Health, The Humanities and education, 2011, No. 3 (7), pp. 104–107.

9. Smirnov I. N. Mordva, Saransk, Red October, 2002, 296 p.

10. Federal Service of the Russian Federation for Narcotics Control Office for the Republic of Mordovia, Mode of access http: // www.ufsknrm.ru.

11. Public Opinion Foundation, Mode of access http: // www.fom.ru.

Поступила 12.10.2012 г.

УДК 327
ББК 66.4(0)

Бурова Юлия Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации», Средне-Волжский (г. Саранск) филиал
г. Саранск, Россия
lady-burova@mail.ru

ТЕРРОРИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРАШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Аннотация: В статье рассматривается феномен терроризма, который раскрывается автором как стратегия политического устрашения в современном мире.

Ключевые слова: терроризм, террор, насилие, страх, ужас, политика, стратегия, национальная безопасность.

Burova Julia Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Dotsent
Department of Humanities and Socio-Economic disciplines
"Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation" Middle Volga region (Saransk), branch, Saransk, Russia

TERRORISM AS A STRATEGY OF POLITICAL INTIMIDATION IN THE MODERN WORLD

Abstract: This article discusses the phenomenon of terrorism, which is revealed by the author as a strategy of political intimidation in the modern world.

Key words: terrorism, terror, violence, fear, horror, politics, strategy, national security.

Терроризм в последнее время представляет большую угрозу для национальной безопасности, которая возрастает на фоне расширения его видов, масштабов, изменения тактики и стратегии деятельности террористических формирований. Террористические проявления провоцируют нестабильность в обществе, способствуют ослаблению государственности, порождают в отдельных субъектах Российской Федерации сепаратистские настроения и создают благоприятную возможность для реализации противоправных целей и задач. Наносится максимальный ущерб, так как террористы не считаются с человеческими жертвами, сеют панику, взывают у людей неверие в способность властей контролировать ситуацию. Самое страшное то, что происходит обесценивание человеческой жизни в сознании людей, участвующих или слышащих о террористических актах. Все чаще используются нетрадиционные средства насильственного воздействия с целью появления массовых жертв.*

Рассматривая природу современного терроризма, Ю. М. Антонян характеризует терроризм через категорию устрашения, считая, что «именно устрашение есть основная сущностная характеристика терроризма, его смысл. Оно бывает и при разбое, вымогательстве. Но в этих случаях один и тот же человек является и объектом насилия, и к нему же обращены определенные требования. А при похищении человека, терроризме и захвате заложника они адресованы третьей стороне» [1, с. 13]. Устрашение, реализуемое террористами, опирается на внутреннюю категорию страха, свойственную человеку изначально. В связи с этим любой факт нагнетания страха и ужаса, имеющий под собой реальную, чаще всего политическую угрозу, может быть определен как свойство террористической деятельности.

Определяющими признаками современного терроризма становятся:

1. Насилие, которое предполагает физическое или психологическое подчинение личности чужой воле с причинением ущерба.

2. Провоцирование страха и ужаса как механизма реализации террора. При этом страх ориентирован на массовость, что возможно при совершении публичных общественно опасных действий с целью утверждения собственной воли.

* Работа проводилась в рамках исследовательского проекта «Историко-культурные основы концепции терроризма Ф. М. Достоевского и их трансформация в современности» (грант Президента РФ МК-1547.2012.6).

3. Идеологизированность является основой действий, провоцирующих жестокость, когда реализующаяся идея определяет суть массовых действий.

4. Стремление к общественному резонансу, определяющее массовый страх, который ослепляет общество и способствует возникновению фобий, разрушающих психофизиологическую структуру и патологически изменяющих психику. Утрата способности и безопасности становится реакцией на действия террористов, нацеленных на устрашение правящей элиты.

Основным принципом действий субъекта террористической деятельности является склонность к эскалации насилия и ответу насилием на насилие. Кроме того, терроризм включает в себя элементы экстремистской идеологии, актов насилия, психологического воздействия на общественное сознание и затрагивает различные аспекты жизнедеятельности людей: юридические, исторические, психологические, технологические и др. Террор и терроризм становятся реальностью как в истории России, так и за рубежом.

Понятия «террор» (насилие, применяемое государством) и «терроризм» (насилие со стороны оппозиции, противостоящей государству, политических групп) по своему содержанию различны. При этом террористические акты представляют собой террористические действия, преследующие политические цели и опирающиеся на определенную идеологическую основу.

В настоящее время не существует классического определения понятия «терроризм». Определяя понятия «террор» и «терроризм», их часто отождествляют. Терроризм может проявлять себя в соответствии с разными типами, которые выделяются в соответствии со сферой проявления и поставленными целями. Е. А. Коваль, анализируя концепцию терроризма Ф. М. Достоевского, отмечает, что «наиболее «продуктивным» на потенциальных и актуальных террористов является либеральное атеистическое общество» [6, с. 59].

Все определения террора и терроризма позволяют рассматривать проблему на уровне взаимодействия государства и его политических оппонентов. Российские ученые Ю. В. Гаврилина и Л. В. Смирнова выделяют такие признаки терроризма, как особые методы террористической деятельности (применение насилия; уничтожение (повреждение) имущества либо угроза причинения нежелательных последствий; создание условий, представляющих опасность для жизни, здоровья людей, сохранности их имущества); преднамеренное создание обстановки страха; публичность, гласность, пропагандистский характер террористических акций; непосредственный вред причиняется интересам одних субъектов, а целью соответствующих общественно опасных деяний является принуждение к определенному поведению в интересах террористов других лиц; повышенная общественная опасность [3, с. 6–9].

В истории России террор обнаруживает себя в определенные периоды.

1. Эпоха Ивана Грозного и его опричнина.

2. Вторая половина XIX века в контексте политической террористической практики.

3. Красный террор и его продолжение в период сталинских репрессий.

Однозначно термин «террор» воспринимался в рамках деятельности политических организаций второй половины XIX – начала XX вв. Террор Ивана Грозного обозначил В. О. Ключевский, назвав его «бесцельной и неразборчивой резней» [5, с. 105]. С. Ф. Платонов отмечает в качестве метода борьбы с оппозицией не только переселение «ненадежных людей», но и «меры террора» [9]. Периоды гражданской войны и сталинского террора находят отражение во многих исследованиях, определявших масштабность данного явления и показывавших его ужасы. Анализ отечественных исторических публикаций по проблемам терроризма в этот период показывает интерес к доказательству «государственности», системности, беспощадности красного террора, «получившего благословение» В. И. Ленина [7].

Явление терроризма проходит определенный генезис. Историческое развитие общества предполагает в своей основе моменты устрашения. Древние египтяне, хетты, ассирийцы активно применяли террор во внешней и во внутренней политике, отдавая приоритет внешнеполитической сфере. Основная часть завоеванных ассирийцами территорий за несколько дней обращалась в пустыню. При этом ассирийцы отличались особой жестокостью: они сжигали живьем, сажали на кол, сооружали пирамиды из связанных пленников, обреченных на медленную смерть.

Древние люди хорошо понимали силу устрашения террора как индивидуального или массового. Широко известны слова поэта Альбия Тибулла: «Primum in mundo fecit dues timorem» – «Сначала Бог создал в мире страх». Закладывая основы современных политических традиций, римляне относились к террору как к средству политической борьбы. Например, в 88 г. до н. э. Р. Х. Луций Корнелий Сулла, получив диктаторские полномочия, развязал жестокий террор в отношении своих политических

противников. Римляне законодательно оформили возможность использования террора, максимально расширив понятие crimen majestatis (преступление против величия), при этом террор рассматривался как средство достижения целей, но не форма социально-государственных отношений как таковых.

Термин «террор» был введен Великой французской буржуазной революцией для обозначения формы государственного управления, подавления и контроля. Террор в этот период рассматривается в контексте восстания народных масс и захвата власти [4, с. 23]. В дальнейшем французские революционеры используют террор как инструмент в борьбе против монархии. Террор, возникший как важное средство политического господства, реализуется через уничтожение невиновных для запугивания тех политических оппонентов, которые пока находятся вне досягаемости властей.

Возникновение терроризма в современном восприятии относится к последней трети XIX – началу XX веков. Рассматривая возникновение революционного терроризма в этот период, необходимо отметить его особенность. Политические убийства случались в Европе, однако не было соединения идеологии и действий, которое несло характер публичной политической акции. Это применимо только к последней трети XIX века. В дальнейшем террор станет системой в действиях революционных организаций, проявляя себя в классическом виде в действиях «Народной воли». Современный терроризм превращается в систему устрашения власти в силу развития технического прогресса (изобретен динамит, развиваются средства массовой информации, способы передачи информации).

Терроризм становится разновидностью насилия, имеющего в своем основании стремление к реализации устрашения. Рассматривая природу страха, следует отметить, что есть страх рациональный, когда осознается источник и величина опасности, принимают меры преодоления. Существует невротический страх, предполагающий крайнюю отчужденность и неадекватность в действиях. Террористы нацелены на формирование невротического страха при его масштабности проявления. Деморализация и запугивание людей позволяют манипулировать властными структурами.

В настоящее время терроризм становится социально-политическим явлением, порожденным обществом, его проблемами и противоречиями социальной средой. Терроризм во многом обусловлен неадекватной политикой государственной власти, ее неспособностью управлять актуальными социально-политическими процессами и невозможностью разрешать социальные противоречия или предоставить определенным социальным интересам легальные способы выражения и реализации существующих потребностей.

Терроризм асоциально воздействует на властные структуры, стремясь к привлечению внимания широкой общественности, что выгодно прежде всего террористическим организациям. Терроризм имеет в своей основе идеологическую установку, которая обосновывает стратегию террористической деятельности и совершение политического насилия.

Необходимо отметить, что насилие выступает в качестве одного из основных признаков терроризма. На это обращают внимание практически все авторы, исследующие природу данного феномена. Ю. М. Антонян подчеркивает определяющую роль насилия при терроризме: «…насилие, содержащее в себе угрозу другого, не менее жестокого насилия для того, чтобы вызвать панику, нарушить и даже разрушить государственный и общественный порядок, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические и иные изменения» [2, с. 10]. Насилие может проявляться в прямой и физической форме или в форме психического воздействия на волю и сознание людей (психическом насилии). Физическое насилие является средством посягательства на жизнь, здоровье людей, ограничением их свободы (убийство Президента США Кеннеди, события Беслана и др.). Использование психологического воздействия (психического насилия) позволяет значительно упростить механизм достижения преступных целей. При этом психологический терроризм не предполагает причинение объектам посягательства серьезного ущерба. Основой подобного действия становится демонстративно-угрожающий характер. Например, анонимные угрозы в государственные органы с требованиями совершить определенные действия (или бездействия) в интересах террористов. Создание обстановки страха подчеркнуто чеченским террористом С. Радуевым в его выступлении перед выпускниками центра по подготовке боевиков в 1997 г., когда он определяет основную задачу боевиков-террористов – «сеять смертельный ужас» среди военных, находящихся на территории Чечни или вблизи нее. Необходимо усиливать у них «растерянность и страх, захватывать их в заложники и убивать» [10]. Так создается обстановка страха, на что и нацелены террористы. Страх для них является средством для достижения преступных целей. При этом страх – это более эффективное оружие, чем физическое насилие, так как он деморализует субъект, сковывает, парализует его волю

к сопротивлению, оказывает свое воздействие непрерывно. Реализация страха становится возможной в связи с тем, что терроризм имеет публичный характер. Это преступное деяние активно используют СМИ в своих интересах. Подобная черта подчеркивалась М. Тэтчер, которая сказала, что освещение в СМИ – «кислород» террористов [8]. Чем больше общественный резонанс получает террористический акт, тем большее воздействие он оказывает. Так, совершая массовое насилие в Буденновске, Кизляре, Москве, Беслане, чеченские боевики стремились реализовать свои политические устремления.

Таким образом, рассматривая терроризм как стратегию политического устрашения в современном мире, следует отметить, что для современного терроризма характерно использование крайних форм насилия или угрозы насилием; цели террористических акций выходят за пределы осуществляемого ими разрушения, причинения телесных повреждений, смерти; целевая устремленность террористических актов предполагает выход за пределы осуществляемого ими разрушения, причинение телесных повреждений, смерти. При этом цель реализуется путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия. В связи с этим в настоящее время терроризм представляет собой угрозу глобального масштаба, требующую разработки системы мер противодействия.

Список использованных источников

1. Антонян, Ю. М. Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков [и др.]. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 318 с.

2. Антонян, Ю. М. Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М. : Щит-М, 2001. – 180 с.

3. Гаврилин, Ю. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия / Ю. В. Гаврилин, Л. В. Смирнов. – М. : ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. – 64 с.

4. Ильинский, И. М. О терроре и терроризме / И. М. Ильинский. – М. : МГСА, 2001. – 76 с.

5. Ключевский, В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский. – М. : Правда, 1991. – 624 с.

6. Коваль, Е. А. К проблеме нормативности морали в рамках концепции Ф. М. Достоевского / Е. А. Коваль // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3 (11). – С. 59–62.

7. Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков [Электронный ресурс]. – URL : http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt (дата обращения: 03.03.13).

8. Куликов, А. С. Внимание прессы – кислород террористов [Электронный ресурс] / А. С. Куликов. – URL : http://www.mamf.ru/atf/declamation/d10.php (дата обращения: 03.03.13).

9. Платонов, С. Ф. Русская история [Электронный ресурс] / С. Ф. Платонов. – URL : http://www.magister.msk.ru/library/history/platonov/plats001.htm (дата обращения: 03.03.13).

10. Трошев, Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала [Электронный ресурс] / Г. Н. Трошев. – URL : http://militera.lib.ru/memo/russian/troshev/index.html (дата обращения: 03.03.13).

References

1. Antonyan Yu. M., Belokurov G. I., Bokovikov A. K. Ethno-religious terrorism. Moscow, Aspect Press, 2006, 318 p.

2. Antonyan Yu. M Terrorism: Criminological and criminal investigation. Moscow, Shield-M, 2001, 180 p.

3. Gavrilin Yu., Smirnov L. V. Modern terrorism: the nature, types, problems of resistance. Moscow, Law Institute of the Russian Interior Ministry, World of Books, 2003, 64 p.

4. Ilyinsky I. M On terror and terrorism. Moscow, ICAS, 2001, 76 p.

5. Klyuchevskiy O. Historical Portraits. Figures of historical thought. Moscow, Pravda, 1991, 624 p.

6. Koval E. A The problem of moral normativity in the concept of F. M. Dostoevsky, The Humanities and Education, 2012, № 3 (11), pp. 59–62.

7. Red Terror during the Civil War: Based on the Special Commission of Inquiry to investigate the atrocities of the Bolsheviks [Electronic resource]. URL: http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/krasnyjterror1.txt (date accessed: 03.03.13).

8. Kulikov A. S. Media attention – oxygen terrorists [electronic resource]. URL: http://www.mamf.ru/atf/declamation/d10.php (date accessed: 03/03/13).

9. Platonov S. F. Russian history [electronic resource]. URL: http://www.magister.msk.ru/library/history/platonov/plats001.htm (date accessed: 03/03/13).

10. Troshev G. N. My War. Chechen diary trenches General [electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/troshev/index.html (date accessed: 03.03.13).

Поступила 11.01.2013 г.

УДК 94(470+571)«17»
ББК 63.3(2)

Грачева Елена Захарьевна
кандидат исторических наук, доцент
кафедра всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
p629@yandex.ru

Мартыненко Александр Валентинович
доктор исторических наук, профессор
кафедра всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
arkanaddin@mail.ru

РУССКО-ИРАНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ*

Аннотация: В статье прослеживается эволюция русско-иранских торгово-экономических отношений на протяжении XVIII столетия, характеризуются условия осуществления и содержание торговой деятельности исходя из внутриполитической обстановки в России и Иране, определяется уровень влияния торговых отношений двух стран на российские геополитические приоритеты.

Ключевые слова: внешняя торговля, экономическое взаимодействие, геополитические приоритеты, условия торговой деятельности, протекционизм, предпринимательство,торговые колонии Астрахани, восточное купечество.

Gracheva Elena Zakharyevna
Candidate of Historical Sciences, Dotsent
Departament of General History
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

Martynenko Alexander Valentinovich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Chair of General History
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

RUSSIAN-IRANIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONE IN THE XVIIITH CENTURY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN GEOPOLITICAL PRIORITIES

Abstract: This article considers the evolution of Russian-Iranian trade and economic relations throughout the XVIIIth century. It describes the conditions of executing and maintaining trading activity based on the internal political situation in Russia and Iran. The authure, we define the degree of influence of trade relations between the two countries on the Russian geopolitical priorities.

Key words: international trade, economic cooperation, geopolitical priorities, conditions of trading activity, protectionism, trade colonies of Astrakhan, eastern merchants.

Эпоха позднего феодализма и формирования раннекапиталистических отношений отмечена колоссальным ростом роли внешней торговли как в мировой экономике в целом, так и в национальных хозяйственных системах в частности. В свою очередь развитие международных торговых связей неизбежно приводило к обострению конкуренции за рынки сбыта и, следовательно, к усилению межгосударственных противоречий. Продвижение собственной товарной продукции в различные страны и регионы становится важнейшим геополитическим приоритетом для экономически продвинутых государств рассматриваемой эпохи, а

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития "Педагогические науки для инновационной России" (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

значит – главенствующей задачей международной дипломатии.

Средний Восток являлся одним из наиболее привлекательных регионов для осуществления внешнеторговой экспансии, что было обусловлено рядом причин. Это прежде всего наличие природных богатств, емкость внутренних рынков и, как правило, слабость деспотических правящих режимов, что значительно облегчало реализацию экспансионистских планов.

Яркий пример в этом отношении представлял Иран (Персия), для которого XVIII столетие стало своеобразной переходной эпохой, характеризующейся сменой династий, внутренними межплеменными войнами и внешними вторжениями. Однако вопреки политической нестабильности торговые отношения между Ираном и Россией достаточно интенсивно развивались в рассматриваемый период.

Со второй половины XVIII в. внешняя торговля становится заметным фактором экономического развития Российской империи. Расширение границ государства, вовлечение в хозяйственный оборот новых территорий, приближение к зарубежным рынкам и транзитным торговым путям способствовали формированию и дальнейшему укреплению внешнеэкономических связей России с соседними странами. Развитие мануфактурного производства, возрастание роли и значимости ярмарочной торговли, цементировавшей всероссийский рынок, возникновение новых отраслей производства, таких как хлопчатобумажная, шелкопрядильная, суконная, металлургическая, побуждали российских предпринимателей к расширению своей деятельности, в том числе на внешних рынках. Но на западном направлении внешней торговли российское купечество безнадежно проигрывало в конкурентной борьбе с иностранными контрагентами, обладавшими значительными преимуществами и высокой предпринимательской культурой. Поэтому часть представителей российского торгового капитала сосредоточила свои усилия на восточном направлении. Со своей стороны, Российское государство стремилось стимулировать русско-иранскую торговлю. На протяжении XVIII в. издавались многочисленные реляции с указаниями «персидский торг умножить» [6, с.13].

Анализ русско-иранских торгово-экономических отношений позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период товарообмен производился преимущественно на территории России. Такая «однонаправленность» торговли вполне объяснима наличием чрезмерно высоких предпринимательских рисков для российских подданных в Персии.

Эти риски были связаны со сложной политической ситуацией в Иране первой четверти XVIII в. Некогда могущественная шиитская империя Сефевидов вступила в период упадка, проявлениями которого стали рост налогового бремени и связанные с ним крестьянские восстания, непрекращающиеся мятежи и междоусобицы знати. Этим воспользовались воинственные соседи персов – афганцы-пуштуны, которые в 1722 г. вторглись в страну, свергли последнего сефевидского шаха Солтан Хусейна и захватили значительную часть территории. Тогда же в Западный Иран и Закавказье вступили войска давнего врага Сефевидов – Османской империи.

В условиях внутриполитической нестабильности и практического отсутствия дипломатической поддержки отечественное купечество, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, зачастую становилось объектом грабежа как со стороны местного населения, так и со стороны властей. Прибывший в Иран в 1715 году по поручению Петра I русский посланник А. П. Волынский в одном из своих донесений с негодованием отмечал: «Их вместо собак держат и что хотят, то и берут у них». Особенное возмущение у дипломата вызвали действия «ханов и управителей», запрещавших русским продавать товары, «пока не выберут самые лучшие для себя в долг, иногда на очень большие суммы, и чаще всего товар так в долгах и пропадает» [8, л. 73]. Выход их создавшейся ситуации Волынский видел в объединении русских купцов в торговые компании, а также в учреждении в Иране консульства.

В дальнейшем основой русско-иранского сближения стали Рештский, а затем Гянджинский договоры, подписанные в 1732 и 1735 гг. и регулировавшие экономические отношения двух стран на протяжении последующих десятилетий XVIII в. В частности, по условиям Рештского договора иранское правительство предоставляло российским подданным право свободной и беспошлинной торговли во всех землях и областях Ирана, как отечественными, так и транзитными товарами. Договор закреплял за русскими купцами право на строительство караван-сараев, лавок, амбаров и других помещений «для жительства своего и хранения товаров», предоставлял гарантии имущественной и личной безопасности. Гянджинский договор 1735 г. не вносил ничего принципиально нового в двусторонние торговые отношения, лишь подтвердив дарованные раньше преференции. Но именно статья о беспошлинной торговле русских купцов

на практике стала самой спорной и часто нарушаемой. Российские предприниматели часто жаловались на взимание незаконных сборов и пошлин. Консул в Реште С. Арапов в одном из своих донесений, датированных 1737 г., прямо указывал, что «в Реште, Гиляне и других местах насильственное взимание пошлин не прекращалось» [См. об этом: 6, с. 36].

На данную ситуацию существенно не повлияли серьезные внутриполитические изменения, произошедшие в Иране в 30–40-е гг. XVIII в. Афганские и турецкие завоеватели были изгнаны из страны военачальником из тюркского племени афшар Надир-ханом, который в 1736 г. провозгласил себя новым шахом. Надир-шах, в прошлом бежавший из узбекского плена раб, затем наемник и участник междоусобиц, смог превратить свое государство в обширную империю, открыто претендуя на статус некоего идеального правителя для мусульман всего мира [3, с. 95], как суннитов, так и шиитов. В период его правления (1736–1747 гг.) Иран проводил активную завоевательную политику в отношении своих мусульманских соседей и даже Индии, но сохранял «дружественный нейтралитет» по отношению к России. Подтверждением этого стал мирный договор Надир-шаха с Россией, заключенный незадолго до его восшествия на престол в 1735 г. Последнее обстоятельство способствовало тому, что, несмотря на откровенно разбойничий характер власти Надир-шаха и его окружения, русско-иранская торговля не прерывалась.

В пределах Российского государства крупнейшими торговыми центрами, где на протяжении рассматриваемого периода осуществлялся товарообмен России с Ираном, Индией, Закавказьем и ханствами Средней Азии, были Астрахань, Казань и Макарьевская ярмарка. Этому способствовало их выгодное месторасположение на Волжско-Каспийском пути, являвшемся главной транспортной артерией, соединявшей страну со средневосточными государствами. На рубеже XVII–XVIII вв. движение восточных товаров по Волге и Каспийскому морю стало более интенсивным. Основная их масса направлялась в Европу, но часть находила сбыт в России – в Москве, Астрахани, Нижнем Новгороде, Казани, Ярославле и других т. н. «верховых» городах, а также на Макарьевской ярмарке.

В XVII–XVIII столетиях важнейшим транзитным городом и опорным пунктом в восточной торговле была Астрахань. Исключительно вы-годное положение города, расположенного в низовьях Волги и ставшего связующим звеном между Западом и Востоком, притягивало сюда торговцев из Индии, Ирана, ханств Средней Азии и других государств. В соответствии с условиями Рештского трактата Астрахань получила статус основного центра сосредоточения российско-иранской торговли. Здесь сформировались многочисленные восточные диаспоры, компактно проживавшие в слободах (индийской, армянской, гилянской и бухарской), где в основном сохранялся традиционный уклад жизни, имелись собственные культовые сооружения (еще один пример высокой степени межконфессиональной толерантности, традиционно свойственной Российскому государству [2, с. 115]). Самыми значительными и влиятельными торговыми колониями стали индийская и армянская, в которых проживали богатые купцы, имевшие обширные торговые связи и огромные обороты.

В 1743 г. астраханский губернатор В. Н. Татищев запросил официальное мнение Сената о возможности принятия во временное подданство проживавших в городе индийцев, персов и хивинцев. В следующем, 1744 г., в ответ на этот запрос последовал указ в астраханскую губернскую канцелярию о приеме во временное подданство персидских, индийских и купцов из других регионов [10, с. 10]. В дальнейшем это стало часто используемым механизмом для привлечения опытных восточных торговцев с целью расширения внешних контактов и организации торгов и промыслов в самой Астрахани.

Как уже отмечалось, в рассматриваемый период ведущую роль в российско-иранской торговле играли армяне. Еще во второй половине XVII в. армянское купечество получило особый статус, выражавшийся целым рядом привилегий, таких как право торговать и складировать товары в Астрахани и других городах по русской границе, льготные пошлины, гарантии безопасности, предоставление возможности транзита. В дальнейшем преимущества армянских купцов подтверждались указами Петра I, Екатерины II, Павла I. В середине XVIII века, как указывает Н. Г. Куканова, в руках армян сосредотачивалось свыше 40 % от общей суммы торговых оборотов [6, с. 48].

Помимо армян, активное участие в русско-восточном товарообмене на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. принимали проживав-шие в Астрахани индийские купцы. Голландец Корнелий де Бруин, побывавший в России в начале XVIII в., описывая окрестности Астрахани, писал: «Индийцы живут там в своем караван-сарае, где и совершают свои торговые дела» [1, с. 168]. О деловой активности индийских колонистов свидетельствуют следующие цифры, приведенные отечественным исследователем А. И. Юхтом: в 30–40-е гг. XVIII в.

на их долю приходилось приблизительно 28 % общего иранского привоза и 37,4 % вывоза русских товаров в Иран и Закавказье, в то время как на долю российских купцов – 16,4 % [12, с. 140]. Только к середине XVIII в. ситуация изменилась: в 1750 г. объем доли российских торговцев в общем товарообороте с Ираном и Закавказьем составлял до 80 % [13, с. 51].

В немалой степени этому благоприятствовал наступивший в Иране период политической стабилизации, связанный с правлением Керим-хана Зенда (1758–1779 гг.). Во внешней политике данный правитель с целью сохранения суверенитета своего государства стремился ограничить связи Ирана с западноевропейскими странами, которые в тот период развернули колониальную экспансию в Индии. С другой стороны, Керим-хан укреплял дружественные отношения с Россией, что, безусловно, вело к дальнейшему расширению русско-иранских торговых связей.

В 1764 г. по примеру создания «Банка для поправлений при Санкт- Петербургском порте коммерции» в Астрахани был открыт Купеческий банк, главная цель которого заключалась в предоставлении ссуд российским купцам, принимавшим участие в восточной торговле. Это вполне соотносилось с общей стратегической политикой меркантилизма, которую проводило российское правительство, расценивавшее внешнюю торговлю в числе прочего и как надежный источник пополнения государственной казны [11, с. 79]. Рост купеческих капиталов создавал благоприятные условия для инвестирования их в собственное мануфактурное производство. Более того, некоторые отечественные торговцы стали вести крупномасштабную предпринимательскую деятельность, включающую в себя наряду с мануфактурным подразделением и внешнеторговые операции. Среди них было немало торговцев из Астрахани, Москвы, Курска, Тулы, Калуги и других городов европейской части империи. Имена многих из них были хорошо известны в деловых кругах России того времени: А. и Я. Евреиновы, З. Шубин, Д. Я. Земской, И. и Ф. Лугинины и др. [13, с. 53].

В отличие от Астрахани, которую представители восточного торгового капитала избирали местом постоянного жительства, другие российские города были пунктами в их торговых маршрутах. Это прежде всего касается знаменитой Макарьевской ярмарки. Возникшая у стен Макарьев-Желтоводского монастыря в 20-е гг. XVII в., ярмарка довольно скоро превратилась в крупнейший центр общенационального значения, осуществлявший не только внутрироссийский торговый обмен, но и игравший большую роль во внешнеэкономических связях страны, в первую очередь со странами Азии. Так называемый астраханский привоз, которым доставлялись на Макарьевскую ярмарку восточные товары, имел для нее исключительное значение. Так, в 20−30-е гг. XVIII в. он составлял около четверти всего ярмарочного оборота по продаже (в 1720 г. − 48,9 тыс. руб. из 224 тыс. руб.). А в самом астраханском привозе до 2/3 от общего количества грузов приходилось на персидские и индийские ткани, шелк-сырец и некоторые виды продовольствия, доставлявшиеся из Ирана и Средней Азии [2, с. 143]. С другой стороны, Макарьевская ярмарка и Москва превращаются в крупнейшие центры русско-азиатской торговли. В 1726 г., например, в столицу и на ярмарку было отправлено 4/5 всей суммы отпуска восточных товаров [12, с. 139].

Торговля восточными товарами поощрялась со стороны России умеренными таможенными сборами, тогда как торговля европейскими товарами, напротив, ограничивалась запретительной пошлиной, что обусловливалось очевидным правительственным протекционизмом. Однако было бы неверно абсолютизировать российскую меркантилистскую политику в отношении восточной торговли. Характеризовать конкретные действия центральных и местных властных структур России как исключительно поощрительные правомерно лишь отчасти. В целом политическая стратегия русско-иранских торгово-экономических связей отличалась гибким и дифференцированным подходом, учетом многих факторов, действовавших в различные периоды.

В 1796 г. в Иране, в ходе кровопролитной войны с Зендами, к власти пришла новая династия – Каджары. В девятнадцатый век Российская империя и Каджарский Иран вступили как геополитические противники – начиналась эпоха русско-персидских войн за Кавказ, которые, как известно, существенно осложнят, но не прервут торговые связи между этими странами.

Список использованных источников

1. Бруин, К. де. Путешествия в Московию / К. де Бруин // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л. : Лениздат, 1989.– С. 17–188.

2. Ефремов, Е. Н. Поликультурное социально-гуманитарное образование в контексте православно-мусульманского межкультурного диалога (по материалам Республики Мордовия) / Е. Н. Ефремов // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 115–117.

3. Кауркин, Р. В. Образ идеального правителя в христианской и мусульманской традиции Средних веков и Нового времени / Р. В. Кауркин, А. В. Мартыненко // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 1 (9). – С. 94–96.

4. Кафенгауз, Б. Б. Очерки внутреннего рынка России I половины XVIII века: по материалам внутренних таможен / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 355 с.

5. Куканова, Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX века (по материалам русских архивов) / Н. Г. Куканова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. – 288 с.

6. Куканова, Н. Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма / Н. Г. Куканова.– Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – 168 с.

7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ). Собрание 1. – СПб. : Тип. II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, 1830. – Т. 1. – № 408.

8. РГАДА. – Ф. 77 (1715–1717). – Д. 1.

9. Русско-индийские отношения в XVII в. : сб. документов. – М. : Изд-во восточной лит., 1958. – 255 с.

10. Русско-индийские отношения в XVIII в. : сб. документов. – М. : Изд-во восточной лит. – 1965. – 455 с.

11. Шкунов, В. Н.Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX в. : дис. ... д-ра ист. наук / В. Н. Шкунов. – Ульяновск, 2009. –582 с.

12. Юхт, А. И. Индийская колония в Астрахани / А. И. Юхт // Вопросы истории.– 1957. – № 3. – С. 135–143.

13. Юхт, А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-е – 60-е годы XVIII века) / А. И. Юхт. – М. : Логос, 1994. – 263 с.

14. Юхт, А. И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. / А. И. Юхт // История СССР. – 1961.– № 1. – С. 131–146.

References

1. Bruin K. de.Travels to Moskovia, Russia in the XVIIIthcentury in the eyes of foreigners. Leningrad: Lenizdat, 1989, pp. 17–188.

2. Efremov E. N. Multicultural socio-humanitarian education in the context of Orthodox-Muslim intercultural dialogue (based on the materials of Republic Mordovia), The Humanities and education, 2011, No. 3 (7), pp. 115–117.

3. Kaurkin R.V. The image of an ideal ruler in the Christian and Muslim traditions in Middle Ages and the Renaissance, The Humanities and education, 2012, No. 1 (9), pp. 94–96.

4. Kafengauz B. B. Studies of the internal market in Russia in the 1st half of the XVIIIth century: based on the materials of internal customs. Moscow, Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 1958, 355 p.

5. Kukanova N. G. Studies of the history of Russia-Iran trade relations in the XVIIth – first half of the XIXth century (based on the materials of Russian archives). Saransk, Mordovian Publishing house, 1977, 288 p.

6. Kukanova N. G. Russia-Iran trade and economic relations in the late feodelism. Saransk, Mordovian University Publishing House,1993, 168 p.

7. Full collection of the laws of the Russian Empire since 1649. Collection 1. Saint Petersburg: type II of the Division of Her Royal Highness' own Administrative Office, 1830, vol. 2, No. 408.

8. Russian State Archive of Ancient Acts, Fund 77 (1715–1717), File 1.

9. Russia – India relations in the XVIIth century: compilation of documents. Moscow, Eastern Literature Publishing House, 1958, 255 p.

10. Russia – India relations in the XVIIIth century: compilation of documents. Moscow, Eastern Literature Publishing House, 1965, 455 p.

11. Shkunov V. N. Trade and economic relations of the Russian Empire with the neighboring eastern countries in the 2nd half of the XVIIIth – first half of the XIXth century: thesis ... candidate of history. Ulyanovsk, 2009, 582 p.

12. Yuht A. I. The Indian Colony in Astrakhan, The questions of History, 1957, No. 3, pp. 135–143.

13. Yuht A. I. Trade with the Eastern states and the internal trade in Russia (1720s–1760s). Moscow, IPTK Logos, 1994, 263 p.

14. Yuht A. I. Trade between Russia, Transcaucasia and Persia in the 2nd quarter of the XVIIIth century, History of the USSR, 1961, No.1, pp. 131–146.

Поступила 26.12.2012 г.

УДК 39(=511.152)
ББК 63.5(2р–6Мо)

Козлова Тамара Алексеевна
кандидат исторических наук
кафедра хорового дирижирования, пения и методики преподавания музыки
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
toma__68@mail.ru

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО МОРДОВСКОГО ЖИЛИЩА*

Аннотация: В статье показывается важность привлечения народно-поэтического творчества как источника для изучения материальных компонентов традиционной культуры мордовского народа, рассматривается традиционное жилище мордвы, его планировка, внутреннее убранство, отраженные в произведениях мордовского фольклора.

Ключевые слова: мордовский фольклор, песня, сказка, материальные компоненты традиционной культуры мордовского народа, мордовское жилище.

Kozlova Tamara Alekseevna
Candidate of historical sciences
Departament of choral conducting, singing and techniques of teaching music
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

NATIONAL POETIC CREATIVITY AS A SOURCE OF STUDING A TRADITIONAL MORDOVIAN HOUSE

Abstract: The article shows the importance of involving national poetic creativity as a source for studing the components of Mordovian traditional culture, the author considers a traditional Mordovian house, its floor plan, the interior, reflected in the works of Mordovian folklore.

Key words: Mordovian folklore, song, fairytale, material components of the traditional culture of the Mordva, Mordovian house.

Материальная культура – важнейший компонент культуры мордовского народа, что делает ее изучение весьма актуальной. В первую очередь это касается тех материальных компонентов, которые имеют традиционный, массовый характер, проявляясь в повседневном быту. Таковыми являются традиционные виды хозяйственных занятий, поселений и жилища, одежды и пищи.

Привлечение фольклорных материалов для изучения жизнедеятельности этноса является важным, так как в них отразились многовековая история, хозяйство и культура, общественный и семейный быт народа, его взаимосвязи с другими этносами, религиозные верования и народные знания. В силу этого они являются одним из наиболее часто привлекаемых видов источников в этнографической науке.

Актуальным является использование фольклорных источников при изучении жизнедеятельности мордовского народа, так как до 1920-х годов функционирование мордовской письменности было ограничено небольшими масштабами: словарями, переводами христианских текстов, публикациями произведений устно-поэтического творчества, а также незначительным количеством учебной литературы. Поэтому мордовский фольклор является тем фундаментом, на основе которого можно восстановить особенности быта и культуры народа, в том числе и ее материальной сферы.

Изучение фольклорных источников позволяет реконструировать архаичные формы вещественного быта мордвы, а также проследить тенденции развития отдельных материальных компонентов и их взаимодействие в процессе исторического развития. В фольклоре часто изображаются традиционные занятия мордвы, подробно описываются орудия труда земледельцев, ремесленников и т. п. Здесь имеются сведения и о традиционном жилище мордвы, его планировке, внутреннем убранстве. Так, наиболее древним видом жилья было однокамерное жилище куд, имевшее односкатную крышу, земляные полы и освещалось оно через дверные проемы, ориентированные на восток. Такая планировка

* Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

мордовского жилища, у которого окна обращены на юг, а дверь на восток, описывается в народных песнях:

Сосновый дом, еловый дом,
К востоку дверь,
Сосновый дом, еловый дом,
К востоку дверь,
К обеду окна [13, с. 26].

Неотъемлемой частью мордовской избы были сени. У мордвы-мокши они часто примыкали к торцевой стороне задней избы, образуя структуру «изба – предел – сени». У мордвы-эрзи они обычно пристраивались к боковой стороне придела, образуя полукрестовик. Сени строили бревенчатые и плетневые. В отличие от избы сени не имели потолка, хотя крылись с ней общей крышей. В сенях отгораживались из тонкого теса (досок) один или два чулана, в которых хранился домашний скраб. Летом чуланы, да и сами сени служили для спанья. Упоминания об этих помещениях встречаются и в мордовских сказках. Например, в эрзянской сказке «Вирява»: «Девочка повела старика, и они вышли в сени. Открыла девочка чуланчик, а посредине чуланчика стоит сундук» [10, с. 305].

В начале XX века дома у мордвы были в основном трехраздельные, состоящие из жилой избы, сеней и горницы. Если изба являлась постоянным жилищем для всей семьи во все времена года и была всегда отапливаемым помещением, то горница имела несколько различных назначений. Иногда она служила чистым помещением, тогда в ней складывалась печь по-белому:

Мужик хороший Щербаков,
На всей земле он богатый,
Под всем небом он зажиточный.
Белые-белые его горницы [3, с. 145].

В конце XIX – начале XX в. зажиточные крестьяне строили пятистенные дома. Пятистенный дом представлял собой удлиненный сруб с внутренней поперечной пятой стеной, делившей его на два жилых помещения. О таком типе жилища упоминается в эрзянской сказке «Солдат Ваня»: «Повели Ванюшку в дом. Дом был пятистенный, без окон, только дверь для входа» [10, с. 124].

У мордвы были распространены бревенчатые дома. Они строились, как правило, из деревьев хвойных и лиственных пород. Дуб и другие крепкие породы лиственных деревьев применяли в основном для нижних венцов и подоконников. Осина для жилых построек использовалась в редких случаях, так как по традиционным представлениям она обладает наибольшей теплопроводимостью, быстро подвергается гниению, легко впитывает сырость и дым. Об этом пелось в одной из мордовских песен:

Кто построит осиновый дом,
Кто срубит дом из мягкого дерева,
Тот пусть скажет: у меня нет дома,
Тот пусть говорит: я буду без дома –
Дым его низом стелется,
Его тепло вверх поднимается [3, с. 233].

В XVII – начале XIX в. мордовское жилище освещалось маленькими волоковыми оконцами, прорубавшимися в смежных бревнах в половину толщины каждого бревна и закрывавшимися изнутри деревянной доской. В середине XIX в. мордва устраивала красные, «косящатые» окна.

Ой, на перекрестке дорог новый
сосновый дом,
Новый сосновый дом да еловый дом.
Ой, дом тот с одним красным окном
[3, с. 185].

В конце XIX в. окна в избах были широкие и высокие. Они затягивались пузырем животного или слюдой – фольгой. Избы имели чаще всего два-три окна, иногда четыре. Обычно три окна выходили на улицу и одно – во двор или проулок.

Три дороги, три перекрестка,
На перекрестке сосновый домик.
В том домике три окошка,
В том домике четыре оконца [12, с. 224].

Обстановка и меблировка традиционного мордовского жилища была довольно простой. В домах со среднерусской планировкой были распространены полати, которые монтировались к задней стене, начиная от печи и до противоположной стены, несколько выше человеческого роста, они служили спальным местом для стариков и детей. Об этом говорится во многих мордовских сказках, например, в сказке «Семь сирот и Баба-Яга»: «Легли они. Девочки на полатях, Баба-Яга на лежанке, мальчик на печке…» [6, с. 120].

О подобных функциях полатей говорилось и в песнях:

У меня в селе остался поставленный дом,
Поставленный дом, загороженный двор.
На полатях остался престарелый отец
[3, с. 344].

Вдоль стен мордовской избы шли неподвижные лавки. Дальний конец этой лавки обычно был зашит внизу досками, а сверху имелось отверстие с крышкой. Этот ящик заменял шкаф, назывался он потмар. В потмаре хранили остатки пищи от обеда, некоторую посуду, чай и

сахар. Днем лавки служили для сиденья, а ночью на них спали, поэтому их делали широкими – из двух или трех тесин:

Ой, мокшанин спит на конце лавки,
На конце лавки, у светлого окна,
Пуховая перина под мокшанином,
Шелковая подушка у мокшанина
под головой [3, с. 142].

В мордовском жилище были и дощатые кровати: «У мордвы к печке приделывается козенка, по-мордовски казнена, из досок сделанная кровать» [1, с. 18].

Татьяна ночует в середине огорода,
В середине огорода, в сосновом амбаре,
В сосновом амбаре, на еловой кровати,
На еловой кровати, на еловой лавке
[9, с. 303–304].

В переднем «красном» углу стоял обеденный стол с выдвижным ящиком, в который обычно складывались нож, ложки, начатый каравай хлеба, чайная посуда и т. п. Почти всегда на столе стояла деревянная, с крышкой, солоница.

В правом углу дома,
Посреди дома
Поставлен стол,
Стоит родовой стол.
Стол накрыт шелковой скатертью,
На столе Норовава – хлеб здоровья,
Матушка-земля – солоночка [11, с. 394].

Таким образом, на основе произведений мордовского фольклора можно составить довольно цельное представление о традиционном мордовском жилище.

Список использованных источников

1. Архангельский, С. Строения и занятия мордвов / С. Архангельский // Саратовские губернские ведомости. – 1844. – № 50. – С. 18.

2. Беляева, Н. Ф. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога / Н. Ф. Беляева // Регионология. – 2010. – № 2. – С. 246–248.

3. Евсевьев, М. Е. Избранные труды : в 5. т. Т. 1. Народные песни мордвы / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. – 384 с.

4. Козлова, Т. А. Мордовский фольклор как источник изучения хозяйственной жизни этноса / Т. А. Козлова // Российский научный журнал. – 2011. – № 3 (22). – С. 66–69.

5. Козлова, Т. А. Освещение промысловых и ремесленных занятий в устно-поэтическом творчестве мордовского народа / Т. А. Козлова // Фундаментальные исследования : науч. журн. – 2012. – № 9 (2). – С. 332–336.

6. Мордовские народные сказки / сост. К. Т. Самородов. – Изд. 2-е. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. – 416 с.

7. Рогачев, В. И. Духовная культура мордвы-каратаев. Обряды и фольклор: свадебные причитания / В. И. Рогачев // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2 (6). – С. 80–81.

8. Салаева, Т. А. Роль семейно-родовой культуры мордвы в формировании этнической идентичности / Т. А. Салаева, М. Н. Салаева // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3 (11). – С. 110–113.

9. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 10 т. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни / сост. Л. С. Кавтаськин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 400 с.

10. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 10 т. Т. 3. Ч. 2. Эрзянские сказки / под ред. А. И. Маскаева. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1967. – 382 с.

11. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 10 т. Т. 7. Ч. 1. Эрзянские причитания-плачи / сост. Л. С. Кавтаськин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. – 376 с.

12. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 10 т. Т. 1. Кн. 2. Исторические песни / сост. Л. С. Кавтаськин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1977. – 352 с.

13. РФ ГУ НИИ ГН И – 38 Архивные документы XIX века (копии). Об удельных крестьянах. – 117 л.

References

1. Arkhangelskiy S. Structures and classes of the Mordovians, Saratov regional news, 1844, No. 50, pp. 18.

2. Belyaeva N. F. ethnic culture in the processes of ethnic identity and cultural dialogue, Regionologiya, 2010, No. 2, pp. 246–248.

3. Eusebius M. E. Selected Works : in 5 т. Т. 1. Folk songs Mordovians. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1961, 384 p.

4. Kozlova T. A. Mordovia folklore as a source of study of economic life ethnicity, Russian scientific journal, 2011, No. 3 (22), pp. 66–69.

5. Kozlova T. A. Light commercial and artisan classes in oral poetry, Mordvin people, Basic research: scientific journal, 2012, No. 9 (2), pp. 332–336.

6. Mordvin folk tales / comp. K. T. Samorodov. Ed. 2nd. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1971. 416 p.

7. Rogachev V. I. The spiritual culture of the Mordvinians-karatai. Rites and Folklore: wedding lamentations, The Humanities and education, 2011, No. 2 (6), pp. 80–81.

8. Salaeva T. A., Salaeva M. N. The role of family and tribal culture of the Mordvins in formation of their

ethnic identity, The Humanities and education, 2012, No. 3 (11), pp. 110–113.

9. Oral poetry Mordvin people : in 10 т. T. 1. Epic and lyric-epic songs. comp. L. S. Kavtaskin. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1963, 400 p.

10. Oral poetry of the Mordva : in 10 т. T. 3. Part 2. Erzya tales. Ed. A. I. Maskaev. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1967, 382 p.

11. Oral poetry of the Mordva: in 10 т. T. 7. Part 1. Erzya wailing laments. Comp. L. S. Kavtaskin. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1972, 376 p.

12. Oral poetry of the Mordva: in 10 т. T. 1. Prince. 2. Historical songs / comp. L. S Kavtaskin. Saransk muzzle. Prince. Publishers, 1977, 352 p.

13. Russian Research Institute of H and–38 XIX century archival documents (copies). About specific peasants. 117 liters.

Поступила 01.02.2013 г.

УДК 393.1/.952(=511.152):821.511.152
ББК Т5

Чужайкина Татьяна Александровна
старший научный сотрудник отдела периодических изданий
ГКУ «Научно-исследовательский институт при Правительстве РМ»,
г. Саранск, Россия
guniign@list.ru

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ МОРДВЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. Н. МАЙНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ОСТАТКИ МОРДОВСКОЙ МИФОЛОГИИ»)

Аннотация: В статье раскрывается погребально-поминальная обрядность мордвы-мокши на основе этнографического материала, представленного в монографии «Остатки мордовской мифологии» В. Н. Майнова.

Ключевые слова: мордва, обряд, ритуальное действие, молян, погребение, поминальный обряд, захоронение, религиозные представления, умерший.

Chuzhaikina Tatyana Aleksandrovna
Senior research worker of the department of periodicals
Scientific research Institute of the Humanities under the government of the RM,
Saransk, Russia

BURIAL AND MEMORIAL CEREMONIES OF THE MORDVINS IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF V. N. MAYNOV'S WORKS (BASED ON THE MATERIALS OF "THE REMAINS OF THE MORDOVIAN MYTHOLOGY")

Abstract: The article reveals the burial and memorial ceremonies of the Mordvins-Moksha on the basis of the material presented in the monograph "The remains of the mordovian mythology" by V. N. Maynov.

Key words: the Mordva, rite, ritual act, molyan, burial, funeral rite, burial place, religious views, the deceased.

Большинство обрядов, описанных В. Н. Майновым, явились результатом его собственных наблюдений. В частности, исследователь был очевидцем и участником ритуального действа под названием «куламонь молян» [молитва о мертвых. – *Т. Ч.*]. Поминальный обряд представлен ученым максимально полно и образно, с многочисленными зарисовками и комментариями к событиям, более всего поразившим его.

Так, первая встреча Майнова с необрусевшей мордвой произошла «на берегах дикого Сатиса в Темниковском уезде Тамбовской провинции»: в надежде увидеть «какой-нибудь интересный обычай» и боясь при этом «испугать моих новых друзей… я поостерегся вынимать антропометрические инструменты…, от которых они часто обращались в бегство в ближайшие леса… На этот раз меня не приняли за антихриста, не ждали с дрожью, что священ-

ный огонь сойдет с картины и сожжет меня заживо и я имел удовольствие присутствовать на молитве мертвых» [1, с. 55]. Этот обряд мордва-мокша проводила на сороковой день после захоронения умершего, и благодаря тому, что Майнов увидел и узнал с помощью вопросов, ему «удалось представить полную картину между мордвами и их мертвыми, день почтения их памяти» [Там же]. В этот день в доме на всех подоконниках стояли чашки, наполненные водой, для того чтобы «тот, кто умер, мог умыться». Мордва-мокша верила в то, что умерший не сразу уходил в царство Мастирпаза, проводя еще сорок дней на земле: «все это время душа прогуливается, прощается с миром и страдает за свои плохие дела и поступки» [Там же, с. 56].

Одной из характерных особенностей семейных поминок мордвы было присутствие на них человека, игравшего на протяжении всего поминального обряда роль умершего. В качестве заместителя умершего представлялся обычно его родственник или друг, приятель, похожий на него. Он одевался в одежды покойника и играл его роль. За ним ходили на кладбище, приводили его в дом, где начинали поминки. Вот как описал увиденное Майнов: в ожидании прихода умершего в доме наводили порядок, накрывали праздничный стол. Хозяин дома с сыновьями сделали что-то, напоминавшее куклу или манекен, олицетворявшее покойника. Со скрещенными руками на груди и с незажженной свечой манекен сажали за стол на место, где при жизни сидел умерший родственник. Дальнейшие обрядовые действия происходили на кладбище: поклонившись могиле, хозяин подвел к ней своего старшего сына, который внешне был похож на умершего родственника, и стал читать молитву, обращаясь в ней к покойному с просьбой еще один раз прийти домой («Приди еще раз домой, побудь еще с нами! О, наш отец! Приди! Мы тебе все приготовили! Ешь, пей, а потом отдыхай!» [1, с. 57]. После этого все присутствовавшие как можно быстрее бежали домой (в это время дух умершего мог наслать болезнь) и только сын хозяина, похожий на покойного, оставался у могилы. Согласно обычаю, он в этот день «замещал» умершего, дух которого «воплощался» в нем. Прошло с четверть часа, описывает Майнов, с тех пор как мы прибежали домой, «как бешеные», когда пришел старший сын в полном костюме покойного. Семья его встречала с почестями, задавая разные вопросы и получая ответы от «ожившего мертвеца». В это время не сделать того, что приказывал явившийся, «было невозможным для мокшанина, потому что настоящий умерший будет приходить каждый день и его беспокоить…» [Там же, с. 58]. На поминках, пишет Майнов, «мы обедали, как обычно, и воскресший мертвец давал всем советы о том, что делать, как жить и др.» [Там же, с. 64]. После поминок, согласно обычаю, «заместителя» проводили на кладбище, «где он бросился на могилу лицом к земле; хозяин прикрыл его… куском ткани, которую тот тотчас же стащил. Теперь воскресший вновь стал сыном хозяина, покинул могилу и занял место среди родственников; хозяйка вырыла дыру в могиле, куда каждый положил понемногу пирога, яичницы и омлета» [Там же, с. 65]. Мордва, пишет Майнов, верит, что тело усопшего снова вернется под землю, а чтобы его душа сразу пошла в улей Мастир-паза, хозяин очень ловко подхватывает ткань, заворачивает в нее пирог и зарывает все это в дыру, сделанную в могиле. Он уверен, что после этого душа не может оставаться на земле и должна идти в царство Мастир-озкса, в темный улей молчаливого хозяина [Там же]. Майнов приводит также сведения архимандрита Макария, согласно которым мордва клала в гроб с умершим дорогие для него вещи (инструменты, табакерку и проч.). Все вещи, которые клали с умершим, были вымытыми, вычищенными и отглаженными. Это, по мнению исследователя, характеризовало представления мордвы о загробной жизни – «как нечто более возвышенное, более светлое и чистое». Майнов приводит также обычай (называется «табу»), постепенно исчезающий из-за «все возрастающей бедности народа»), согласно которому мокшане сохраняли для умершего небольшой участок ржаного поля.

У эрзян существовал обычай приносить медные монеты и другие вещи в дом умершего и передавать их старику, который «охранял» покойного. Майнов объясняет это следующим образом: «…эрзяне, рассчитывая на близкую смерть старика, доверяют ему все эти предметы, чтобы он после своей кончины сам передал их умершему» [Там же, с. 67].

Согласно мордовскому обычаю, сразу же после смерти тело умершего обмывали и переодевали в национальную одежду (длинную белую рубаху, длинное белое пальто и лапти). Тело покойного сразу в гроб не клали, а несли какое-то расстояние (версту) до церкви на носилках (гроб несли пустой сзади); затем тело перекладывали в гроб, разбивая при этом таз, из которого обмывали умершего. Во время пути родственники, не переставая, оплакивали тело. После совершения погребального обряда все участники церемонии мылись

в бане, «так как все были испачканы присутствием покойника в доме. Носилки или повозка тоже считались не чистыми, и поэтому их оставляли на улице от 3 до 49 дней; родственники после захоронения «3 следующих зари» ходили вокруг повозки и скорбили о потере. На место, где стоял гроб, клали уголь и пепел, которые свидетельствовали о бытовавших ранее обычаях сжигать труп или очищать огнем место, оскверненное мертвецом.

Мордва верила в то, что покойник может причинить вред. Во избежание этого в могилу вместе с умершим клали топор или нож. Майнов приводит сведения архимандрита Макария, согласно которым мордва до принятия крещения хоронила своих умерших на берегах рек, как можно ближе к воде. С принятием христианства захоронение умерших стало проводиться около церквей.

После захоронения в доме тщательно убирались: весь мусор («остатки гроба, комнатная пыль…») выносился как можно дальше от деревни и выбрасывался на обочину дороги. Согласно обычаю, для человека считалось большим несчастьем проходить мимо такого места. Вместе с этим исследователь говорит о том, что именно здесь мордва «имеют обычай собирать поминки: они молятся богу около этих маленьких пыльных душ и остатков, на которые кладут медные монеты и куски пищи, которые через некоторое время исчезнут, что значит, что предки их приняли» [1, с. 68].

Майнов детально описал ритуальные блюда, которые готовили на поминки. Более всего исследователя поразил напиток, который ему пришлось попробовать, «чтобы не изумлять остальных» присутствовавших: «…это была кровь барана, не успевшая остыть», символизировавшая кровь предков, о которых всегда следует помнить. При описании обрядовой пищи мордвы исследователь проводил параллель с культурой русского народа, характеризуя ее с точки зрения сходства и различия. Так, мордовские блюда русский крестьянин считал «погаными» из-за того, что многие продукты, используемые для их приготовления (зайчатина, запеченная кровь животных, «сорочина» и др.), невозможно употреблять с точки зрения русского человека. Между тем, отметил Майнов, «ежедневная пища мордвина очень разнообразна, и он питается лучше, чем русский крестьянин»; «…не имея отвращения ни к чему, что дано природой, мордовские женщины за недостатком мяса кладут в суп кусочки зайца… Если нет зайца в доме, мордвин будет есть и сову, и филина…, и сороку» [Там же, с. 60]. Очень образно Майнов описал свойства мордовского пуре – национального крепкого напитка, который имелся в каждом доме: «…мне показалось, что это легкое вино; одним глотком я осушил всю миску, так как напиток был холодный. Вещь показалась мне очень приятной. Я передал посудину хозяину дома, а как я благодарил его, я уже не помню. У меня было ощущение, что я убит одним ударом молотка…» [Там же, с. 64]. Основу поминального стола составляли следующие блюда: щи из квашеной капусты, несколько видов каш, пирожки с зайчатиной, кисель, овощи (обязательно вареные) и т. д.

Таким образом, религиозные представления мордвы, связанные со смертью и умершими, носили слож¬ный характер, обусловленный разными временными рамками формирования составляющих компонентов указанных верований.

Список использованных источников

1. Майнов, В. Н. Остатки мордовской мифологии / В. Н. Майнов ; пер. с фр. – Хельсинки, 1889. – 269 с. // НА НИИГН. Л-914.

References

1. Mainov, V. N. The remains of the mordovian mythology // NIIGN. L-914. – 269 p.

Поступила 09.01.2013 г.

ASPIRANTS
(рубрика молодых исследователей)

УДК [378.016:745/749](470.344)
ББК 74.20

Белова Светлана Николаевна
аспирант
кафедра теории, истории, методики музыки
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева» г. Чебоксары, Россия
sufe123@mail.ri

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ЧУВАШСКОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ТВОРЧЕСТВО» В УСЛОВИЯХ НОВОГО СТАНДАРТА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В сатье рассматриваются аспекты формирования содержания образования по курсу «Чувашское декоративно-прикладное искусство», реализуемого в рамках подготовки бакалавров по направлению 051000 Профессиональное обучение, профиль «Декоративно-прикладное искусство и дизайн» в условиях перехода на стандарты нового поколения. В ней отражены задачи изучения народного декоративно-прикладного мскусства в системе профессионального педагогического образования, принципы, критерии и показатели готовности студентов к профессионально-педагогической деятельности с использованием чувашского декоративно-прикладного искусства. В статье представлена разработанная автором технология системного анализа костюмов, используемая в процессе обучения.

Ключевые слова: требования к содержанию образования, предметная модель содержания образования, личностно-ориентированное образование, компетентностно-ориентированное образование, чувашское декоративно-прикладное искусство, чувашский народный костюм, структурно-композиционный анализ, пропорциональный анализ, ритмический анализ, анализ тональной структуры, анализ цветовой структуры.

Belova Svetlana Nikolaevna
post-graduate student
Department of Theory, History, methodology of teaching music
Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev,
Cheboksary, Russia

DESIGNING THE CURRICULUM FOR THE COURSE «CHUVASH ARTS AND CRAFTS» IN THE CONDITIONS OF THE NEW STANDARD OF HIGHER EDUCATION

Abstract: The article discusses the aspects of the formation of educational content for the course «Chuvash arts and crafts», implemented within the framework of the preparation of bachelors in 051000 Professional training profile «Applied art and design» in the condition set transition to a new generation of standards. It reflects the problems of studying folk arts and crafts in the system of professional teachers' training education, and also the principles, criteria and indicators of the students' preparation for the professional activity using Chuvash arts and crafts. The article reveals the authors technology of the costume system analysis in the process of studing.

Key words: requirements for the content of education, subject model of educational content, learner-oriented education, competence-oriented education, Chuvash arts and crafts, Chuvash folk costume, structural and compositional analysis, proportional analysis, rhythmic analysis, analysis of the tonal structure, analysis of the color structure.

Система высшего профессионального образования перешла на новые образовательные стандарты. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в качестве результата образования рассматривает сформированность у будущего специалиста общекультурных и профессиональных компетенций. На их основе учреждениям образования предоставлено право самостоятельно определять содержание образования по конкретной учебной дисциплине. Это, с одной стороны, расширяет возможности

образовательного учреждения в определении состава и структуры содержания образования, с другой – повышает их ответственность за разработку этого содержания. Эти обстоятельства обусловливают необходимость выработки у педагогов умения самостоятельно проектировать содержание образования по своему предмету. Дисциплины вариативной части учебного плана, отражающие специфику образовательного учреждения и региональный компонент, также должны быть ориентированы на формирование компетенций, определенных в государственном стандарте. Предмет «Чувашское декоративно-прикладное искусство» относится к дисциплинам и предметам по выбору вариативной части учебного плана. Он отражает специфику регионального компонента содержания высшего профессионального образования будущих педагогов-дизайнеров.

Народное декоративно-прикладное искусство проявляет мировоззрение, материальную культуру народа, его художественные и эстетические идеи, поэтому оно играет большую роль в профессиональном становлении специалиста в области дизайна, для которого оно является образцом единства красоты и целесообразности. Отсюда вытекает задача ориентации будущих бакалавров (педагогов-дизайнеров) на генерирование идей народного декоративно-прикладного искусства в современных проектах. Это обстоятельство обусловливает актуальность разработки содержания образования дисциплины «Чувашское декоративно-прикладное искусство» в соответствии с требованиями нового стандарта.

В процессе разработки теоретических основ нашего исследования мы опирались на труды известных отечественных дидактов, таких как В. В. Краевский [13], И. Я. Лернер [8, 26], М. Н. Скаткин [11], В. С. Леднев [7] и др. В частности, мы опирались на положения теории содержания образования на основе системно-деятельностного подхода, разработанного М. Н. Скаткиным и В. В. Краевским. В вопросах разработки содержания профессионального образования мы опирались на исследования В. П. Беспалько [3], М. В. Кларина [5], И. П. Подласого [10] и др. В вопросах реализации компетентностного подхода как основы модернизации профессионального образования мы опирались на труды Т. В. Гериш и П. И. Самойленко [4], М. А. Якунчева и С. Н. Горшениной [15].

Теоретические аспекты, связанные с использованием педагогического потенциала народного декоративно-прикладного искусства в системе непрерывного художественно-педагогического образования Чувашской Республики, мы рассматривали на основе исследований Н. Б. Смирновой. В частности, мы согласны с ее позицией, что изучение народного декоративно-прикладного искусства в системе профессионального педагогического образования должно быть ориентировано на решение следующих педагогических задач:

– осознание студентами обучающего, развивающего и воспитывающего характера чувашского народного декоративно-прикладного искусства;

– понимание взаимосвязи народного декоративно-прикладного искусства с традициями, обычаями, педагогикой чувашского народа как части особой эмоционально-образной системы народного воспитания;

– осознание чувашского декоративно-прикладного искусства как одного из основных средств эстетического воспитания чувашского народа;

– формирование у них знаний общего устройства и принципов работы станков и приспособлений, применяющихся при изготовлении изделий чувашского народного декоративно-прикладного искусства;

– вооружение студентов знаниями технологии изготовления изделий декоративно-прикладного характера, умениями по выстраиванию алгоритма процесса их изготовления;

– овладение будущими учителями формами, методами, приемами и средствами обучения учеников чувашскому народному декоративно-прикладному искусству и вооружение студентами умениями по использованию новых технологий обучения в своей профессиональной деятельности;

– формирование у них системы умений и навыков по организации педагогического процесса и во внеучебной деятельности учащихся с использованием возможностей чувашского народного декоративно-прикладного искусства;

– организация практической деятельности студентов по руководству процессом освоения учащимися ценностей народного искусства и формирование у них интереса и потребности в постоянном познании чувашского народного декоративно-прикладного искусства;

– обучение будущих учителей методике работы над произведениями различных видов чувашского народного декоративно-прикладного искусства (вышивка, ткачество, шитье бисером и монетами) [12, с. 30–31].

Н. Б. Смирнова выделяет следующие принципы использования чувашского декоративно-прикладного искусства в процессе подготовки будущего учителя [12, с. 27–30].

Принцип системности, предполагающий изучение чувашского декоративно-прикладного искусства как структурного элемента подготовки будущего педагога.

Принцип культуросообразности, указывающий на необходимость рассмотрения чувашской национальной культуры как основы формирования общей культуры студента. Через усвоение народного искусства у студента формируется образ культуры.

Принцип гуманизации, определяющий приоритет общечеловеческих ценностей. Данный принцип предполагает изучение и усвоение культуры сквозь призму человеческого измерения. В процессе обучения необходимо обращать внимание студентов на гуманистический характер чувашского народного декоративно-прикладного искусства.

Принцип оптимального сочетания общих, групповых и индивидуальных форм организации учебного процесса. Правильный отбор форм организации учебного процесса в зависимости от целей занятий является важнейшим фактором его успешности.

Принцип рационального применения современных методов и средств обучения на различных этапах подготовки студентов. В процессе обучения необходимо выбирать оптимальные методы и средства обучения, наилучшим образом соответствующие целям изучения народного декоративно-прикладного искусства. При этом необходимо учитывать условия осуществления образовательного процесса, уровень развития студентов, их подготовленность.

Принцип соответствия результатов подготовки специалистов требованиям, которые предъявляются конкретной сферой их профессиональной деятельности. Результаты подготовки специалистов должны соответствовать современным требованиям общества и системы образования, а также сферой их будущей профессиональной деятельности.

В соответствии с теорией содержания образования современной дидактики при разработке содержания образования предмета «Чувашское декоративно-прикладное искусство» нам необходимо было включить четыре компонента. Первый компонент – это знания в области чувашского декоративно-прикладного искусства. Их усвоение отражает общефилософскую идею трансляции культурного опыта предшествующих поколений будущим. Например, в процессе изучения чувашского народного костюма студенты узнают о богатстве и разнообразии этнических костюмных форм, их глубинных связях с историей народа, мифологией и искусством. В процессе восприятия народного костюма у студентов складывается представление о национальном комплексе одежды, защитно-охранительном значении орнамента, цветовом колорите, многообразии его форм.

Вторым компонентом содержания образования является опыт способов деятельности, используемых в народном декоративно-прикладном искусстве, который воплощается в специфических умениях и навыках, например, вышивать, вязать, украшать бисером, ткать и т. п. Эти умения и навыки формируются путем упражнений по образцу.

Помимо предметных умений на занятиях по чувашскому декоративно-прикладному искусству формируются и общеучебные умения. В частности, нами разработана структура системного анализа костюмов, используемая в процессе обучения, состоящая из ряда этапов.

На первом этапе выявляется пластическое своеобразие костюмов: структурно-композиционный анализ силуэта и выявление геометрических форм силуэта. В связи с этим костюм необходимо представить в движении, в трех силуэтных изображениях – вид спереди, сбоку, сзади и графическую схему форм костюма.

На втором этапе представляется пропорциональный анализ костюма, который выполняется в виде схемы, показывающей основные соотношения форм костюма.

Далее выполняется ритмический анализ костюма, который рекомендуется изобразить в трех силуэтных изображениях, выделяя цветом характерный для женского костюма ритм. Вертикальные и горизонтальные членения в костюме могут нести конструктивную и декоративную нагрузку.

На следующем этапе определяется анализ тональной структуры костюма, в данное понятие вложено два свойства, характеризующих хроматические цвета – цветность и светлотность.

Большое значение в композиционном построении костюма имеют колористическое оформление и фактура материалов, поэтому важным этапом является анализ цветовой структуры костюма, выполненный с передачей цвета и фактуры элементов костюма и выведенный в диаграмму пропорциональных цветовых отношений.

Следующий этап анализа выявляет особенности декоративного решения. Декор является одним из основных способов достижения художественной выразительности костюма. Здесь силуэтные изображения костюма проявляются декоративными акцентами, согласованностью декора в целостной композиции костюма. На этом этапе необходимо выделить образные характеристики костюма, которые с особой силой проявляются в декоративном решении, создаваемым накладным (вышивкой, шитьем бисером, аппликацией и т. д.) и навесным декором (нашейными, наплечными украшениями, декоративными поясами), наличием ювелирных украшений. Общность декоративного решения и орнамента позволяет объединить различные части костюма в единый неповторимый комплекс [2].

Предложенная система композиционно-структурного анализа костюма помогает студентам лучше изучить костюм как творческий первоисточник и затем трансформировать его в современные решения.

Таким образом, композиционно-структурный анализ первоисточника, каким является народный костюм, и трансформация его в современные решения способствуют развитию творческого воображения студентов.

К третьему компоненту относится система эмоционально-ценностных отношений к окружающему миру, которая формируется в процессе усвоения духовных ценностей народа, системы его мировоззренческих идей и этических принципов, выраженных в произведениях народного творчества. В процессе изучения народного декоративно-прикладного искусства студенты не только усваивают его ментальные ценности, но и учатся передавать свое отношение к миру посредством создания продуктов культуры.

Четвертым компонентом содержания образования является опыт творческой деятельности, призванный обеспечить готовность студента к творческому преобразованию образцов народного декоративно-прикладного искусства. Как известно, отличительными чертами творческой деятельности являются: самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию; умение видеть новую проблему в знакомой ситуации; видение новой функции объекта; самостоятельное комбинирование известных способов деятельности в новый; видение структуры объекта; альтернативное мышление. Реализуется данный компонент через включение в учебное занятие проблемных и творческих заданий. Например, чувашский народный костюм обусловливает особый интерес у студентов, так как дает все новые варианты идей для разработки одежды. Национальный костюм является одним из источников творчества для будущих педагогов-дизайнеров. Как правило, задача, которая стоит перед будущими педагогами-дизайнерами при разработке современных костюмов, сделать так, чтобы все этнические особенности традиционного костюма были переданы в новых формах, понятных и интересных современным людям. Современные художники-модельеры не реконструируют традиционный наряд, а создают костюмы-образы на основе ассоциативных представлений и изучения музейных подлинников.

Результатом творческого усвоения учебного материала по данному предмету стало участие студентов в конкурсах, на которых были представлены результаты освоения студентами разработанной нами программы: в Республиканском конкурсе студенческой и учащейся молодежи в области дизайна одежды и ДПИ «Территория стиля» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, февраль 2012) – II место в номинации «Оберег» (Киськина М. В., коллекция современного чувашского костюма); участие в Международном фестивале «Арт-пространство Амур» (г. Благовещенск, АГУ, апрель 2012) – III место в конкурсе ДПИ «МАСТЕРскаЯ» (Атласкина С. А., коллекция аксессуаров); участие во II Приволжском молодежном конкурсе-фестивале народного творчества «Милли хэзинэ» («Народное достояние») (г. Казань, ТГГПУ, апрель 2012) – I место в номинации «Театр моды» (Киськина М. В., коллекция современной национальной одежды «Илем», участие в III Приволжском молодежном конкурсе-фестивале народного творчества «Милли хэзинэ» («Народное достояние») (г. Казань, ТГГПУ, февраль 2013) – III место в номинации «Театр моды» (Падуева Н. Н., коллекция современной национальной мужской одежды).

Таким образом, все эти компоненты при правильном подходе к формированию содержания интегрируются, дополняют друг друга, повышают результативность учебного процесса.

Курс «Чувашское декоративно-прикладное искусство» разработан в рамках подготовки бакалавров по направлению 051000 Профессиональное обучение, профиль «Декоративно-прикладное искусство и дизайн». Он рассчитан на 108 часов, из которых на аудиторные занятия отводятся 36 часов и на самостоятельную работу студентов – 72 часа.

Курс «Чувашское декоративно-прикладное искусство» способствует развитию образного и художественного мышления, творческого потенциала, дает представление о традиционных видах декоративно-прикладного творчества (ремесел) и народных промыслах Чувашии и возможностях создания изделий и их оформления в различных видах декоративно-прикладного искусства.

На данном курсе студенты знакомятся с различными видами декоративно-прикладного искусства. На аудиторных и лабораторных занятиях студенты изучают виды декоративно-прикладного искусства и влияние их особенностей на характер и стилистику выполняемого изделия; законы композиции, типы швов и технику счетной вышивки; характеристики и возможности различных художественных материалов; учатся работать со специальной литературой; разрабатывать цветоритмические композиции различной степени сложности с применением различных техник вышивки; составлять схемы швов и узоров чувашской вышивки; создавать изделия в национальном стиле в различных видах декоративно-прикладного искусства; учатся владеть навыками выполнения основных швов чувашской вышивки и применять их в художественном оформлении изделий.

В результате освоения содержания образования в области декоративно-прикладного искусства бакалавр овладевает определенными общекультурными и профессиональными (разрабатывать проектную идею, конструировать объекты, синтезировать набор возможных решений задачи, владеть приемами работы с цветом и цветовыми композициями, ориентироваться на преподавательскую работу и др.) компетенциями.

Список использованных источников

1. Авдеев, В. М. Компетентностный подход в конструировании современных образовательных моделей / В. М. Авдеев // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 6. – С. 235–240.

2. Белова, С. Н. Мода и дизайн. Современная одежда и аксессуары 2009 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / С. Н. Белова. – Ростов н/Д : РТИСТ ЮРГУЭС, 2009. – С. 147–153.

3. Беспалько, В. П. О возможности системного подхода в педагогике / В. П. Беспалько // Педагогика. – 1990. – № 7. – С. 7–13.

4. Гериш, Т. В. Компетентный подход как основа модернизации профессионального образования / Т. В. Гериш, П. И. Самойленко // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2006. – № 2. – С. 11–15.

5. Кларин, М. В. Инновации в обучении: метафоры и модели: анализ зарубежного опыта / М. В. Кларин. – М. : Наука, 1997. – 223 с.

6. Концепция модернизации российского образования на период до 2020 года // Российская газета. – 2010. – № 5122 (43).

7. Леднев, В. С. Стандарт как гарантия вариативности / В. С. Леднев // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1998. – № 3. – С. 3–5.

8. Лернер, И. Я. Процесс обучения и его закономерности / И. Я. Лернер. – М. : Знание, 1980. – 147 с.

9. Петрова, Т. Н. Чувашская педагогика как феномен мировой цивилизации / Т. Н. Петрова. – М. : Прометей, 2000. – 91 с.

10. Подласый, И. П. Педагогика : в 2 т. Т. 1. Общие основы. Процесс обучения / И. П. Подласый. – М. : Владос, 1999. – 574 с.

11. Скаткин, М. Н. Проблемы современной дидактики / М. Н. Скаткин. – М. : Педагогика, 1984. – 183 с.

12. Смирнова, Н. Б. Чувашское народное декоративно-прикладное искусство в системе профессиональной подготовки студентов художественно-графического факультета / Н. Б. Смирнова, О. Г. Максимова. – Чебоксары, 2001. – 158 с.

13. Теоретические основы процесса обучения в советской школе / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. – М. : Педагогика, 1989. – 237 с.

14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072500 Дизайн (квалификация (степень) «бакалавр»).

15. Якунчев, М. А. Этноэкологические традиции в педагогической культуре народа / М. А. Якунчев, С. Н. Горшенина // Гуманитарные науки и образование. –2011. – № 1 (5). – С. 25–29.

References

1. Avdeev V. M. Competence approach in the design of modern educational models, Social-humanitarian knowledge, 2006, No. 6, pp. 235–240.

2. Belova S. N. Fashion and design. Modern clothing and accessories in 2009, Proceedings of the International Scientific Conference, 2009, pp. 147–153.

3. Bespal'ko V. P. On the possibility of a systematic approach to pedagogy, Pedagogy, 1990, No. 7, pp. 7–13.

4. Gerish T. V., Samojlenko P. I. Competent approach as the basis for the modernization of vocational education, Standards and monitoring in education, 2006, No. 2, pp. 11–15.

5. Clarin M. V. Innovations in teaching: metaphors and models. The analysis of foreign experience, Nauka, 1997, 223 p.

6. The concept of modernization of Russian education for the period up to 2020, Russian newspaper, 2010, No. 5122 (43).

7. Lednyov V. S. Standard warranty as biodiversity. Standards and monitoring in education, 1998, No. 3, pp. 3–5.

8. Lerner J. I. The process of learning and its laws, Knowledge, 1980, 147 p.

9. Petrova T. N. Chuvash pedagogy as a phenomenon of world civilization, Prometheus, 2000, 91 p.

10. Podlas I. P. Pedagogy. In two volumes. Volume 1. General framework. The process of learning, 1999, 574 p.

11. Skatkin M. N. Problems of modern didactics, Pedagogy, 1984, 183 p.

12. Smirnova N. B. Chuvash folk arts and crafts in the training of students of art-graphic faculty, Cheboksary, 2001, 158 p.

13. The theoretical basis of the learning process in the Soviet school, Pedagogy, 1989, 237 p.

14. Federal state educational standard of higher education in the field of training 072500 Design (qualification (degree) «Bachelor»).

15. Yakunchev M. A., Gorshenina S. N. Ethnoecologial traditions in pedagogical culture of people. Humanities and education, 2011, No. 1 (5), pp. 25–29.

Рецензент:

Петрова Т. Н. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и яковлевоведения ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева».

Поступила 01.06.2013 г.

УДК 37.5.016
ББК 811.411.2р

Березина Лариса Николаевна
соискатель
кафедра русского языка и методики преподавания русского языка
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
481795@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация: В статье впервые рассматриваются педагогические функции интерпретации текста, стимулирующей речевую деятельность школьника. Автор обращает внимание на воплощение результатов интерпретации в толковании как особом типе высказывания; характеризует пути формирования у школьников коммуникативных интерпретационных умений.

Ключевые слова: интерпретация текста, учебная интерпретация, толкование текста, регулятивность текста.

Berezina Larisa Nikolayevna
Candidate for a scientific degree
Departament of the Russian Language and Methodology of Teaching the Russian language
Mordovian State Pedagogical institute, Saransk, Russia

TEXT INTERPRETATION IN THE SYSTEM OF DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF SECONDARY SCHOOL PUPILS

Abstract: Pedagogical functions of text interpretation stimulating schoolchildren's speech activity are considered for the first time in the article. The author pays attention to interpretation results embodiment in interpretation as a special type of the statement; characterizes the ways of schoolchildren communicative abilities formation.

Key words: text interpretation, educational interpretation, text regulations.

Организация современного образовательного пространства предполагает выделение специальных областей, обеспечивающих развитие способности ребенка к коммуникативному самовыражению. До недавнего времени формирование коммуникативной компетенции учащихся осмысливалось исключительно как задача русского языка как учебного предмета. В современных стандартах выделены коммуникативные универсальные учебные действия, формирующиеся в результате изучения различных предметов учебного плана средней школы. Это переводит задачу речевого развития учащихся на межпредметный уровень и требует внимания к тексту как универсальному средству формирования коммуникативной компетентности школьников.

В современной образовательной практике особое место занимает формирование у детей умений интерпретировать тот или иной текст: при написании сочинений, эссе по разным предметам, при подготовке к учебной дискуссии и под. Мы исходим из того, что «интерпретация… текста – деятельность интерпретирующего субъекта по извлечению им из текста личностного смысла и по продуцированию <…> речевого высказывания, содержащего толкование темы, содержания и смысла <…> текста, а также анализ средств их выражения» [5, с. 112]. Содержание данного высказывания характеризует процесс интерпретации художественного текста, но, безусловно, может быть применено к процессу интерпретации и публицистического, и научного текстов.

Интерпретация текста предполагает его восприятие и истолкование, в ходе которого необходимо понять авторский замысел, аргументированно осмыслить содержание, передать впечатления от текста в собственном речевом произведении. Иными словами, интерпретация текста предполагает взаимосвязь чтения и письма как видов речевой деятельности, актуальных в обучении любому предмету. Но наблюдения показывают, что в системе работы по развитию речи учащихся недостаточно учитывается интеграция видов речевой деятельности, несмотря на то, что они, как правило, в процессе реального речевого творчества не осуществляются изолированно. Это отрицательно сказывается на уровне речевого развития учащихся:

они неадекватно интерпретируют предложенные тексты, не могут в полном объеме высказать свои впечатления от прочитанного, не умеют словесно оформить собственную позицию по проблемам, так или иначе обозначенным в тексте.

Таким образом, обучение школьников созданию высказывания как результата интерпретации текста важно при освоении ребенком любой образовательной области. Но, поскольку интерпретируемый текст может быть осмыслен и понят учеником лишь в том случае, если он правильно определяет стиль данного текста, особую роль в подобной работе играют усилия педагогов-словесников. Именно на уроках русского языка формируются первоначальные представления детей о текстах научно-популярного, публицистического и художественного стилей (данные стилевые разновидности речевых произведений востребованы в школьной практике). В то же время работа, например, над научно-популярным стилем осуществляется при освоении и других образовательных областей. Поэтому интерпретация текста как особый вид коммуникативной деятельности школьника должна быть в поле зрения любого учителя, тем более, что результат интерпретации воплощается в речевой деятельности школьника.

Анализ трудов лингвистов, литературоведов, специалистов в области теории коммуникации, а также наблюдения за процессом формирования коммуникативной компетенции ученика позволяют выделить те аспекты интерпретации текста, которые наиболее значимы для школьной практики.

Во-первых, необходимо учитывать основную функции интерпретации в обучении: интерпретация текста активизирует собственную речевую деятельность учащихся. М. М. Бахтин подчеркивал, что «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активный характер <…> активно ответное понимание услышанного» и «может непосредственно реализоваться в действие» [2, с. 246–247]. Обучение школьников высказыванию на основе интерпретации текста, безусловно, предполагает «активное ответное понимание», ведь ребенок должен не только осознать авторский замысел в читаемом тексте, но и выразить это осознание в собственном речевом произведении и аргументировать свое понимание прочитанного текста. Следовательно, понимание текста (начальный этап интерпретации) относится к коммуникативным процессам, предполагает коммуникативное взаимодействие, которое всегда основано на создании тех или иных текстов. В ситуации обучения – на создании учащимися высказываний различных типов. Это и рассуждения о проблеме, поднятой в прочитанном тексте, и вопросы относительно его содержания, и оценка полученной информации. Данная сторона интерпретации трактуется современной теорией литературы. Так, А. В. Домащенко, исследуя способы понимания, отмечает, что толкование – это ответ на тот или иной вопрос, поставленный перед читателем или самим читателем, или третьим лицом (автором текста, педагогом и т. д.) [6].

Во-вторых, следует обратить внимание на структуру высказывания, созданного на основе интерпретации текста. Такое высказывание обладает особыми жанровыми признаками: признаками толкования. Ученые отмечают, что интерпретация представляет собой процесс освоения содержания текста и результат, выражающийся в виде более или менее полного изложения своих наблюдений над прочитанным [3, с. 64; 6, с. 219], особый текст. В интерпретации как особом виде деятельности с текстом следует выделять чтение текста, определение компонентов его смысловой структуры, определение ключевых компонентов содержания текста, краткую формулировку смысла текста, создание полного текста толкования. Знакомство с толкованием как типом высказывания предполагает освоение учеником его структуры. Толкование может иметь зачин, вводную часть (обычно в ней представлено коммуникативное намерение автора), может иметь несколько аргументов, подтверждающих разные аспекты понимания толкуемого текста.

Важно показать ребенку, что, высказываясь о тех или иных текстах в процессе обучения, он осуществляет их толкование. При этом создает текст, в основе которого лежит модель рассуждения. Тезисом в таком тексте является положение, отражающее смысловую структуру толкуемого текста или его фрагмента. Аргументы включают те фрагменты текста или их пересказ, которые подтверждают правильность толкования. Подобную работу целесообразно проводить с опорой на знания школьников о вторичных жанрах, содержащих элементы толкования: аннотации, отзыве, рецензии. В каждом из них представлена интерпретация исходного текста, но в разном объеме и с разными целями. Приведем определения вторичных жанров, выделяя в них те компоненты, которые отражают особенности толкования исходного текста. Так, аннотация представляет собой текст, в котором содержится *краткая характеристика книги*, статьи и т. п., излагается их содержание и дается их объективная оценка. Рецензия содержит *критический разбор* (краткий анализ и оценку) исходного текста (или другого

информационного явления). В отзыве отражено личное мнение автора о каком-либо тексте, выраженное с опорой на *его содержание*.

Таким образом, толкование – это особый тип текста, который имеет определенные обязательные структурно-смысловые компоненты: поясняемый фрагмент текста (1), собственно толкование, передача смысла поясняемого фрагмента своими словами (2), аргументы, включающие цитаты из толкуемого текста и подтверждающие правильность толкования (3). Приведем пример текста, структура которого включает каждый из названных компонентов.

«Хочется сказать несколько слов о смысле стихотворения Пушкина «Движение»:

(1) *Движенья нет, сказал мудрец брадатый.*
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

(2) Я всегда понимал это так: Пушкин хотел сказать, что не всегда наблюдаемое глазами истинно. То есть, невзирая на очевидность визуально наблюдаемого движения Солнца, прав все-таки Галилей с его «неочевидной» трактовкой. (3) Ключевые слова здесь – «однако ж», имеющие в данном случае смысл «но», «тем не менее» [по материалам электронных ресурсов Интернета].

В-третьих, важно обучить школьника не только внешнему аспекту интерпретации – созданию «текста о тексте», но и внутреннему аспекту: пониманию исходного текста. В подобном обучении целесообразно опираться на понятие регулятивных единиц текста – тех структур (единиц языка или речи), которые влияют на восприятие текста адресатом.

Регулятивность – «системное качество текста, отражающее его способность, воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [5, с. 34]. Н. М. Болотнова отмечает, что регулятивность является специфичной в разных функциональных типах текстов (как функционально-стилистических, так и функционально-смысловых). Очевидно, что предлагаемые школьникам для интерпретации тексты должны обладать достаточной регулятивной силой, отличаться наличием ярких регулятивных средств.

Особенно важно держать в поле зрения регулятивы научно-популярного стиля, с которым ученик встречается наиболее часто и понимание которого для школьника достаточно трудно.

Регулятивность научно-популярного текста, как и текста любого другого стиля, определяется соответствием используемых в нем единиц задачам высказывания (передать научную информацию доступно, сделать ее понятной, вызвать к ней интерес).

Рассмотрим регулятивы научно-популярного текста, опираясь на данные научной литературы о языковых средствах, отражающих стилевые черты данной разновидности языка.

Употребление терминологии – первый регулятивный прием, отраженный в текстах научно-популярного стиля. При ознакомлении с содержанием текста адресат (ученик) в первую очередь должен видеть, о какой предметной области идет речь. Далее важно установить связи понятий, отраженных в терминах, опираясь на выделение общенаучных слов. Последние позволяют указать на содержание того или иного объекта (*суть, сущность*), форму и состав объекта (*состав, строение, структура*), происхождение объекта (*возникновение, генезис*), взаимосвязи с другими объектами (*иерархия, положение, отношения, взаимодействие*), особенности развития объекта (*формирование, динамика, изменение*), путь или способ познания объекта (*метод, прием, подход*).

Особую значимость для восприятия содержания научно-популярного текста имеет такая черта научной речи, как ясность изложения, для достижения которой служат средства акцентирования содержания. К ним, например, относят слова (*отметить, подчеркнуть, немаловажное* и под.), некоторые синтаксические структуры: сложноподчиненные предложения с безличной главной частью (*необходимо отметить, что; представляется, что*).

Очевидно, что ряд названных средств служит обеспечению ясности понимания текста *специалистом*. Нас же интересуют те средства и приемы, которые должен увидеть в научно-популярном тексте школьник. Результаты наблюдений за использованием научно-популярных текстов в процессе обучения школьников среднего звена различным предметам позволяют нам прийти к определенным выводам относительно их регулятивных особенностей. К ним, очевидно, следует отнести наличие структурно-смысловых компонентов, в которых представлены знания эмпирического уровня, аналогию, клишированные средства типа «рассмотрим пример», «находим подтверждение», стандартные метафорические выражения, синтаксические модели определений понятий, а также средства акцентуации, выделения наиболее важного в тексте.

При малой информативной насыщенности, которая передается небольшим количеством терминов, важно наличие в научно-популярном тексте общенаучных лексических средств, устанавливающих связи понятий. Важны повторы, вопросно-ответные ходы, заставляющие читателя размышлять над проблемой совместно с автором. Особым регулятивом является прием контраста, заставляющий обратить внимание на противопоставляемые явления. Иллюстративность, аналогичная изобразительности художественного текста, обеспечивается наличием ярких примеров, аналогий, повествовательных фрагментов.

К сожалению, перечисленные выше особенности доступного и интересного ученикам научно-популярного текста не всегда присущи устным высказываниям и письменным текстам, используемым в школьной практике. Нам представляется, что регулятивная сила текста может стать важным критерием отбора дидактического материала по разным учебным предметам.

Систематизация выделенных в литературе регулятивных средств, а также наблюдения за учебным процессом, позволяют выделить следующие единицы, обучение которым целесообразно в целях формирования у школьников умения создавать речевое произведение с элементами толкования текста: *ключевые слова, структурные и содержательные повторы, прием контраста (содержательного и структурного), развернутая метафора, прием афористичного представления содержания, средства оценки предмета речи, средства выражения эмоциональных состояний автора или героев повествования*. Данные средства управляют коммуникацией автора и читателя: отражают смысловую структуру текста, обеспечивают восприятие смысла текста адресатом и маркируют те фрагменты исходного текста, которые будут использованы школьником для создания собственного высказывания на основе данного.

Список использованных источников

1. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования : курс лекций / И. В. Арнольд. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974. – 76 с.

2. Бахтин, М. М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – С. 281–307.

3. Белова, Н. А. Траектории развития профессиональной межкультурно-коммуникативной компетенции учителя в системе педагогической подготовки / Н. А. Белова, Е. А. Кашкарева // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 64–67.

4. Богин, Г. И. Типология понимания текста : учеб. пособие / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 87 с.

5. Болотнова, Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 3. – С. 34–40.

6. Домащенко, А. В. Об интерпретации и толковании : монография / А. В. Домащенко. – Донецк : ДонНУ, 2007. – 277 с.

7. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.

References

1. Arnold I. V. Decoding Stylistics: a course of lectures. Leningrad, A.I. Herzen LSPI, 1974, 76 p.

2. Bakhtin M. M. Problems of the text in linguistics, philology and other humanities, Aesthetics of written word. M.: Iskusstvo, 1979, pp. 281–307.

3. Belova N. A., Kashkareva E. A. The professional cross-cultural communication skills development trajectory in the system of pedagogical education, The Humanities and Education, 2012, № 2 (10), pp. 64–67.

4. Bogin G. I. Typology of text understanding: textbook. Kalinin, KSU, 1986, 87 p.

5. Bolotnova N. C. Typology of text regulative structures as the type of communication, Bulletin TSPU, 2011, Vol. 3, pp. 34–40.

6. Domashchenko A. V. About interpretation. The monography. Donetsk, DonNU, 2007, 277 p.

7. Dridze T. M. Text activity in the structure of social communications: Problems of semiosociopsychology. M., Nauka, 1984, 268 p.

Рецензент:

Десяева Н. Д. – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет».

Поступила 02.04.2013 г.

УДК 94:28 (470.345) "1990/2000"
ББК 63.3 (2Р–6Мо)

Власенко Дмитрий Викторович
соискатель ученой степени кандидата исторических наук
кафедра отечественной истории и этнологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
ntd2006@yandex.ru

ПРОТЕСТАНТИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ В 1990-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.*

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы возрождения деятельности протестантских общин на территории Республики Мордовия в 1990-е – начале 2000-х гг., ставших важной частью конфессионального ландшафта республики.

Ключевые слова: протестантизм, постсоветский период, процесс возрождения, баптисты, адвентисты, община пятидесятников, «свидетели Иеговы», Православная церковь.

Vlasenko Dmitriy Viktorovich
Candidate for a degree in historical sciences
Department of Russian History and Ethnology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

PROTESTANTISM IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE 1990S – EARLY 2000S

Abstract: This article considers the issues of revival of the Protestant communities on the territory of the Republic of Mordovia in the 1990s – early 2000s. At the present time they have become an important part of the confessional landscape of the Republic.

Key words: Protestantism, the Post-Soviet period, process of revival, Baptists, Adventists, Pentecostal community, «Jehovahs witnesses», Russian Orthodox Church.

История некоторых протестантских общин (баптисты и адвентисты) на территории Республики Мордовия берет начало в XVIII – XIX вв. В советское время протестанты Мордовии фактически разделили участь православных и мусульман, также подвергнувшись преследованиям со стороны властей. В постсоветский период (1990-е – начало 2000-х гг.) протестантизм в республике переживает процессы возрождения, аналогичные возрождению православия и ислама. В начале нового тысячелетия в Мордовии активно действуют баптисты, адвентисты седьмого дня, община пятидесятников.

В 1991 г. столицу Мордовии (г. Саранск) посетили баптистские миссионеры из Майкопа, что способствовало активизации проповеди этой ветви протестантизма в постсоветской Мордовии [6, с. 9]. В настоящее время в столице Мордовии действуют 4 общины баптистов, и еще несколько находятся в районах республики. Численность баптистской общины (крещеных членов церкви) в Саранске – около 200 человек и примерно столько же в районах республики [6, с. 10].

В начале 1990-х гг. церковь «Адвентистов Седьмого дня» (АСД) в Мордовии возглавляли западные миссионеры (с 1992 г. – Джим Рейкинг, с 1993 г. – Дейл Лиман). В результате программ, реализуемых адвентистами, а также их активной прозелитической деятельности, саранская община стала быстро расти. В настоящее время организация адвентистов Мордовии включает в себя около 220 чел. в г. Саранске, 25 – в г. Рузаевке, 5 – в с. Ромоданове, 25 – в г. Ардатове и около 25 чел. в других районах [7, с. 5]. Адвентисты Мордовии поддерживают тесные контакты с единоверцами, проживающими как в других регионах России, так и в других государствах.

В 1991 г. общиной пятидесятников был зарегистрирован Библейский Центр Республики Мордовия, расположенный в Саранске, в котором церковь христиан веры евангельской арендует помещение для проведения богослужений [8, с. 226]. В настоящее время в Мордовии насчитывается большое количество пятидесятнических церковных общин: две – в г. Саранске, остальные – в Рузаевке, Кадошкине, Торбееве,

* Работа проводилась в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования» (Государственное задание Минобрнауки РФ ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева»).

Краснослободске, Чамзинке, Атяшеве, Дубенках, Березниках. Общее количество пятидесятников в РМ достигает примерно 700 человек, из них около 500 проживает в Саранске и 200 – в районах республики [8, с. 226].

Отношение Русской православной церкви (РПЦ) к деятельности протестантских общин, на наш взгляд, достаточно четко сформулировано в учебном пособии по катехизису проректора Саранского духовного училища игумена Силуана (Туманова), который, в частности, поясняет: «События Реформации (XVI в.) заставили Православие сформулировать свое отношение к протестантскому миру. РПЦ осудила многочисленные протестантские мнения, включая оправдание верой, sola Scriptura (лат. «только Писание», т. е. признание абсолютного вероучительного авторитета только за Библией), отрицание икон, отказ от почитания Богородицы и святых» [3, с. 272]. Игумен Силуан подчеркивает (и, на наш взгляд, его точка зрения представляется весьма показательной для рассматриваемой ситуации), что «всякое согласие православных с католиками и протестантами – скорее видимость, чем реальность, поскольку православное учение о религиозном авторитете носит фундаментально иной характер» [3, с. 273]. В целом же необходимо признать, что протестантские общины в постсоветской Мордовии весьма активны, что делает их важной частью конфессионального ландшафта республики (несмотря на очевидное преобладание в нем православия и ислама).

Список использованных источников

1. Асанова, Ю. Ш. Свидетели Иеговы / Ю. Ш. Асанова, Н. В. Шилов // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». – Саранск, 2004. – Вып. IV. – С. 260–261.

2. Еремина, С. С. Роль российских вузов в профилактике ксенофобии и экстремизма (на примере Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева) / С. С. Еремина, А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 54–56.

3. Игумен Силуан (Туманов). О нашей вере. Беседы по основам Православия. – Саранск : Крас. Окт., 2006. – 444 с.

4. Мартыненко, А. В. Феномен конфессиональных меньшинств в Республике Мордовия (в контексте формирования толерантности в современном российском обществе) / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – Ч. 2. – С. 61–65.

5. Мирошкин, В. В. «Бытовое» православие мордвы как элемент этнической идентичности в первой трети XX века / В. В. Мирошкин // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 90–93.

6. Чаиркина, Н. О деятельности баптистской организации в Мордовии / Н. Чаиркина, Н. Шилов // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Института этнологии и антропологии РАН. – 2002. – № 41. – С. 9–11.

7. Шилов, Н. В. Адвентисты седьмого дня / Н. В. Шилов // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». – Саранск, 2004. – Вып. IV. – С. 5–6.

8. Шилов, Н. В. Пятидесятники / Н. В. Шилов // Материалы к энциклопедии «Православная Мордовия». – Саранск, 2004. – Вып. IV. – С. 226–227.

References

1. Asanova Y. S., Shilov N. V. Jehovah's witnesses, Proceedings of the encyclopedia "Orthodox Mordovia". Saransk, 2004, Issue. IV, pp. 260–261.

2. Eremina S. S., Martynenko A. V., Nadkin T. D. The role of Russian universities in the prevention of xenophobia and extremism (example Mordovia State Pedagogical Institute named by M. E. Evsevev), The Humanities sciences and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 54–56.

3. Abbot Silvanus. About our faith. Conversations on the basics of Orthodoxy. Saransk, 2006, 444 p.

4. Martynenko A. V., Nadkin T. D. Phenomenon of the religious minorities in the Republic of Mordovia (in the context of tolerance in Russian society), Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, 2012, No. 3, Part 2, pp. 61–65.

5. Miroshkin V. V. The "Consumer" Orthodoxy of the Mordva as the element of ethnic identity in the first third of XX century, The Humanities sciences and Education, 2011, No. 3 (7), pp. 90–93.

6. Chairkina N., Shilov N. About the activity of Baptist organization in Mordovia, The ethnic and the confessional situation in the Volga Federal District. Bulletin EAWARN and Early Warning of conflicts of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2002, No. 41, pp. 9–11.

7. Shilov N. V. Seventh-day Adventists, Proceedings of the encyclopedia "Orthodox Mordovia". Saransk, 2004, Issue. IV, pp. 5–6.

8. Shilov N. V. Pentecostals, Proceedings of the encyclopedia "Orthodox Mordovia". Saransk, 2004, Issue. IV, pp. 226–227.

Рецензент:

Надькин Д. Т. – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и этнологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 16.02.2013 г.

УДК 371:351
ББК 74.20

Иванов Александр Степанович
соискатель
кафедра педагогики и яковлевоведения
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары, Россия
Tanjana1@yandex.ru

ПРОГРАММА РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕТИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ – ПРИКЛАДНОЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматривается муниципальная программа реструктуризации сети общеобразовательных учреждений с точки зрения принадлежности к разным типам управленческих документов – программы либо проекта. Показано, что муниципальная программа реструктуризации сети общеобразовательных учреждений по сути своей все же является проектом, направленным на изменение существующей муниципальной образовательной системы: изменение качеств подсистем – систем образования муниципалитетов, объектов сети – образовательных учреждений, организационно-педагогических систем, систем управления и ресурсного обеспечения образовательного процесса, систем взаимоотношения с внешней средой.

Ключевые слова: программно-целевой подход, целевая программа, проект, реструктуризация, сеть общеобразовательных учреждений, образовательная система, модель реструктуризации.

Ivanov Alexandr Stepanovich
Candidate for a degree sciences
Departament of Pedagogics
Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev,
Cheboksary, Russia

THE PROGRAM OF RESTRUCTURING A NETWORK OF INSTITUTIONS OF GENERAL EDUCATION – THE APPLIED INSTRUMENT OF IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE DECISIONS

Abstract: The article considers the municipal program of restructuring a network of Institutions of general education from the point of view of belonging to different types of management documents – the program or the project. It is shown that nevertheless the municipal program of restructuring a network of Institutions of general education nevertheless is the project directed at chancy the existing municipal educational system: changing of the qualities of subsystems – education systems of municipalities, objects of a network – educational institutions, organizational-pedagogical systems, system of control and resource providing, of educational process, systems of control relationship of school with environment.

Key words: program and target approach, target program, project, restructuring, network of institutions of general education, educational system, restructuring model.

Важнейшим из эффектов реструктуризации является становление и развитие сетевого типа образования, профилизация старшей школы в виде создания профильных школ, лицеев, гимназий или профильных классов. За 10 лет реструктуризации системы общеобразовательных учреждений Чувашской Республики свыше 60 % высокозатратных школ с низкой численностью обучающихся и низкими образовательными результатами изменили свой статус. Практически создана эффективная образовательная сеть, имеющая значительный запас ученических мест в ожидании роста численности обучающихся в ближайшие годы.

В результате реализации программы реструктуризации сети общеобразовательных школ в республике такие показатели, как «наполняемость классов», «число учащихся, приходящихся на одного учителя», выше средних показателей по Российской Федерации и составили в динамике в период с 2010 по 2012 г.: наполняемость в классах – 19,69–19,43 – 19,18 чел. (город – 25,18–25,36 – 25,42 чел., село – 15,40–14,65 – 14,07 чел.); в среднем количество учащихся на 1 учителя – 14 чел. (город – 17, село – 11).

На момент начала изменений в системе образования республики, с точки зрения данного исследования, реструктуризацию можно с

определенной степенью допущения рассматривать и как проблему, и как метод достижения поставленной цели – повышение качества образования, обеспечение доступа к качественному образованию для любого ребенка, независимо от места его проживания. Реструктуризация представляет собой одновременно процедуру, инструмент, механизм и результат достижения заявленной цели изменений в региональной системе образования. Данная цель является общей для системы образования региона. Региональная система общего образования складывается из муниципальных, и в большой степени конкретные изменения осуществляются на уровне муниципалитетов на основе специально разработанных целевых программ. Осуществление деятельности на основе целевых программ на сегодняшний день – это общая практика, которая присуща органам исполнительной власти, органам управления в сфере образования, стала привычной. Но мы считаем необходимым подчеркнуть, что в целом в России был реализован (и это продолжается) приоритетный национальный ПРОЕКТ (выделено автором). Наши наблюдения позволяют судить о наличии следующего противоречия.

Понятие «программа» не вызывает у большинства работников образования (73 % из 125 опрошенных) негативного отношения, ощущения трудности, сложности создания данного вида документа. Нами отмечено, что нередко программа, написание которой требует администрация, представляется просто как отдельная «бумага», «документ», который должен быть. Только 15 % из опрошенных считают, что программа – это представление о будущих действиях (настоящих, если программа уже есть, и по ней ведется какая-либо деятельность, например, классного руководителя) для получения результатов.

Понятие «проект» более чем у 80 % опрошенных ассоциируется со сложным малознакомым делом, сделать которое они не готовы в полной мере либо это связано с представлениями о чрезмерной трудности. Либо проект воспринимается как составление презентации в формате Power Point, т. е., по сути, иллюстративно-информационного продукта, предназначенного для предъявления результатов реализации проекта. У незначительной части опрошенных понятие «проект» ассоциируется с документом, который оформляется на бумажном (в основном) носителе для подачи заявки на получение гранта, участия в конкурсе.

Суть отмеченного нами противоречия заключается в том, что, например, муниципальные целевые программы реструктуризации сети общеобразовательных учреждений по сути своей являются проектами, так как имеют все ключевые характеристики проекта и предназначены для управления изменениями в образовательной системе и достижения нового ожидаемого состояния образовательной системы. Согласно современным представлениям проект – это способ (метод), инструмент управления изменениями. С одной стороны, отмеченный нами кейс не вредит общему делу, с другой стороны, четкость понимания «что есть что», по нашему мнению, способствовала бы преодолению пессимистических настроений у управленцев, так как им приходилось осуществлять много непопулярных мер.

Нами проведен анализ ряда целевых программ, разработанных органами управления образованием районов и городов республики для осуществления реструктуризации сети общеобразовательных учреждений.

Анализ муниципальной программы с позиций выявления ее эффективности как инструмента управления предполагает выявление соответствия содержания и структуры программы логике проектной деятельности, которая выработана теорией и подтверждена практикой. Следовательно, с точки зрения содержания, мы можем выделить принципы, на которых формируется муниципальная программа реструктуризации сети образовательных учреждений. А с точки зрения структуры можно выделить ее основные элементы.

Под реструктуризацией сети общеобразовательных учреждений «понимается оптимизация региональной системы образования, обеспечивающая повышение качества образования за счет более эффективного использования материально-технических, кадровых, финансовых и управленческих ресурсов общеобразовательных учреждений на основе их концентрации и кооперации» [1, с. 3]. Оптимизация сети образовательных учреждений осуществляется на основе жизненных потребностей, создания и развития новых видов образования и новых типов образовательных учреждений, при свертывании или перепрофилировании тех из них, которые не отвечают задачам сегодняшнего дня. Результатами реструктуризации сетей образовательных учреждений должна стать новая образовательная система, отвечающая требованиям доступности для всего населения нового качества образования при условии управляемости, оптимальной насыщенности образовательными ресурсами, позволяющими удовлетворять расширяющие потребности личности, общества и государства.

Следовательно, реструктуризация сети образовательных учреждений есть системные изменения региональной сферы образова-

ния, проектируемые изменения качеств ее подсистем – систем образования муниципалитетов, объектов сети – образовательных учреждений, организационно-педагогических систем, систем управления и ресурсного обеспечения образовательного процесса, систем взаимоотношения с внешней средой. Это предполагает, что реструктуризация сети образовательных учреждений как проект есть результат управленческой проектной деятельности на основе методологии, методики и практики проектирования образовательных систем.

Муниципальная Программа реструктуризации сети образовательных учреждений как часть региональной программы развития образования есть нормативный документ, предписывающий содержание деятельности, этапы и сроки выполнения системы мероприятий для достижения поставленных в программе целей, механизмы, способы и средства решения конкретных задач, предполагаемые ресурсы и способы управления. Программа – управленческий инструмент для реализации заявленных целей. Она станет эффективным инструментом, если в ходе ее разработки были соблюдены требования, предъявляемые к проектам.

Исходя из вышесказанного, проектирование реструктуризации сети образовательных учреждений должно базироваться на четырех основных принципах.

1. Полнота реализации потребностей личности, общества и государства. Концепция модернизации российского образования рассматривает образование как средство максимального удовлетворения потребностей названных субъектов, что требует высокой реактивности системы образования. Проекты должны предусматривать выравнивание возможностей для удовлетворения образовательных потребностей учащихся, проживающих в различных районах, ориентацию сети на удовлетворение потребностей, как детей, так и конкретных сообществ.

2. Открытость сети. Муниципальные системы образования должны предоставлять учащимся возможность не просто выбирать образовательные программы из заданного стандартного «меню», но и за его пределами, что неосуществимо в одном элементе сети даже при достаточно большом числе учащихся одной возрастной группы в данном учреждении, а в некоторых случаях – и в сети в целом. Иными словами, необходимым принципом проектирования сети общеобразовательных учреждений является реализация в ней взаимодействия между элементами сети и учреждениями дополнительного образования, культурной инфраструктурой и т. д., которое позволяет обеспечить не только полноту образовательных услуг, но и гибкость всей системы образования.

3. Учет специфических потребностей. Проектирование нового состояния сетей должно предполагать наличие в них максимально разнообразных по видам, профилю, способам группировки обучаемых разного возраста образовательных учреждений, что обеспечит учащимся и их родителям максимальную возможность выбора исходя из сложившихся культурно-исторических традиций. Кроме того, в обязательном порядке проект должен включать образовательные программы для детей со специальными нуждами, в том числе с ограниченными возможностями (предоставление которых может быть организовано отличным от остальной сети способом). Спроектированная сеть должна предполагать не только возможность выбора индивидуальной образовательной траектории внутри образовательного учреждения, но и – шире – возможность выбора способов освоения образовательных программ.

4. Оптимизацию расходов и привлечение ресурсов. В условиях диверсификации источников финансирования образования проекты реструктуризации должны стремиться обеспечить максимально эффективное использование имеющихся средств и привлечение дополнительных средств за счет улучшения инвестиционной привлекательности структурных элементов сети общего образования.

Для реализации экспертной оценки важным представляется не только соблюдение указанных принципов, но и разработка проекта в соответствующей логике. Анализ многочисленных публикаций по рассматриваемой проблеме и опыт проектной, а также экспертной деятельности говорят о том, что муниципальная программа реструктуризации сети общеобразовательных учреждений должна включать в себя как минимум следующие элементы: исследование, анализ, прогнозирование, проектирование, план реализации, механизм определения эффективности.

Автор благодарит Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики за предоставленные материалы.

Список использованных источников

1. Концепция реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 17.12.2001 г.).

2. О состоянии и результатах деятельности системы образования Чувашской Республики. 2011/2012 учебный год. Информационный доклад. – Чебоксары, 2012 г. – 204 с.

References

1. The concept of restructuring a network of the educational institutions located in rural areas of the Russian Federation (The resolution of the Government of the Russian Federation of 17.12.2001).

2. About a condition and results of activity of an education system of the Chuvash Republic. 2011/2012 academic year. Information report. Cheboksary, 2012, 204 p.

Рецензент:

Петрова Т. Н. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и яковлевоведения ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева».

Поступила 01.06.2013 г.

УДК 94(470+571)
ББК Т3(2)6

Изергина Вера Павловна
аспирант
кафедра экономической истории и информационных технологий
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Россия
vera.ivp@yandex.ru

«БЕЛАЯ» БОРЬБА И «БЕЛАЯ» ИДЕЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ИЛЬИНА В 1914–1922 ГГ.

Аннотация: В статье прослеживается творческий путь философа и идеолога Белого движения И. А. Ильина. Анализируются его работы 1914–1922 гг., касающиеся антибольшевистской борьбы и разработки основных постулатов белой идеи.

Ключевые слова: Белая идея, И. А. Ильин, идеология, государственная идеология, национальная идея.

Izergina Vera Pavlovna
Post-graduate student
Department of economic history and information technologies
Mordovian State University, Saransk, Russia

"WHITE" STRUGGLE AND "WHITE" IDEA IN LIFE AND WORKS OF I. A. ILYIN IN 1914–1922

Abstract: The article traces the creative activity of the philosopher and ideologist of the White movement I. A. Ilyin. His works of 1914–1922 on antibolshevik struggle and the development of the basic tenets of the White idea are analyzed.

Key words: the White idea, I. A. Ilyin, ideology, state ideology, national idea.

Системная модернизация постсоветского российского общества актуализировала проблему нового идеологического самоопределения. Исторический аспект ее анализа означает рассмотрение идеологии в привязке к динамике исторического процесса. Идеология сохраняет общество в качестве целостного самостоятельного субъекта истории (как государство); отражает облик нации на данном этапе истории; изменяется, но через национальную идею обеспечивает преемственность национальной истории; ее становление – это сложный процесс самопознания нации в истории [10]. Подтверждением тому служит история России XX в., когда в 1917 г., затем в начале 1990-х гг. происходило разрушение государственной идеологии.

Революционные события между февралем и октябрем 1917 г., вызвавшие в стране анархию, которая усиливалась продолжавшейся Первой мировой войной, разложением армии, разрухой и реальной угрозой голода, стали предпосылкой зарождения Белого движения и Белой идеи в офицерстве, патриотически настроенной интеллектуальной элите, верной традициям русской культуры. Белая идея с самого начала была патриотической идеей спасения Российской империи от развала и гибели как

результата действий Временного правительства и большевиков [11, с. 149–151].

И. А. Ильин (1883–1954) был истинным патриотом национальной России, убежденным и деятельным противником большевиков. Это не могло не привести его с самого начала в разворачивающееся «белое дело». Возникновение Белого движения Ильин напрямую связывал с «неудачной войной и коммунистическим переворотом», условиями «величайшей разрухи и смуты» на гигантской территории. Еще одной особенностью возникновения Белого движения, по его мнению, было то, что оно возникло «в порядке героической импровизации» [5, с. 323]. На Первую мировую войну философ откликнулся рядом работ, в которых рассматривались духовные, нравственные и политические проблемы России и намечался разумный выход из сложившейся ситуации, остро поставившей вопрос использования насилия в их решении [8, с. 5–6]. Обращаясь к насилию, писал Ильин, человек должен сознавать и признавать, что прибегает к средству нравственно неоправданному, что вступает на путь, «естественным пределом которого является убийство». Однако это не означает отказа от сопротивления врагу. Нельзя не сопротивляться народу, который хочет лишить нас «свободной самобытной жизни», ведь это было бы уже не щедростью, а «духовным самоубийством» [3, с. 23, 26, 27]. Вместе с тем война как средство спасения и отстаивания духовного достояния своего народа должна быть принята нами как «новая вина наша», что и составляет «черту истинного героизма», «виновного подвига» [3, с. 28, 29, 30].

В связи с Февральской революцией 1917 г. и отречением от престола Императора Николая II философ опубликовал пять брошюр в издании «Народное право» и пять статей газете «Утро России». Ответом философа на большевистский переворот 25 октября 1917 г. в Петрограде и расстрел юнкеров во время их выступления против большевиков в Москве стала статья «Ушедшим победителям» в «Русских Ведомостях». В ней он предсказал будущее падение незаконного режима, силой захватившего власть в России. В ноябре и декабре 1917 г. Ильин опубликовал две статьи – «Кто они?» и «Корень зла» [8, с. 6–7]. В последней процесс, переживаемый тогда Россией, осмысливается как «органическое крушение самодержавия и как разложение созданного им уклада духовной жизни». Они породили «немощное русское правосознание», которое не справилось с историческими и политическими испытаниями и в своем падении «разложило всю политическую и общественную организацию страны». Слабость русского правосознания происходила, согласно мыслителю, из-за «отлучения» народа от власти. В данных условиях жизнь государства совершается вне народа; государство «давит» народ, «как постороннее, чужеродное тело» [2].

Под властью большевиков Ильин жил пять лет, не переставая бороться с советской властью, что приводило к его неоднократным арестам. В 1918 г. философа трижды (15 апреля, 11 августа, 3 ноября) арестовывали. В общей сложности он провел в застенках ВЧК около двух месяцев. Иван Александрович обвинялся по делу № 93, по которому проходил за участие в контрреволюционной организации «Добровольческая армия». Дважды суд (30 ноября и 28 декабря) пытался доказать «вину» Ильина, но за недостаточностью улик он был оправдан и оставлен на свободе [6, с. 142]. Ильин продолжал вести преподавательскую деятельность, работал над осмыслением катастрофы русской революции, создал учение о правосознании [12, с. 7; 8, с. 8]. Ю. Т. Лисица на основе архива Ильина устанавливает, что весной 1919 г. в Москве ряду лиц с приглашением от группы профессоров были разосланы тезисы на закрытые чтения по вопросам современного правосознания. В них философом были сформулированы три аксиомы правосознания, без которых разлагаются правопорядок, власть и государство: чувство собственного духовного достоинства индивидуума, вызывающее в нем уважение к самому себе; способность человека к внутренней автономии, к волевому самоуправлению и самодисциплине; взаимное духовное признание людей, т. е. уважение и доверие друг к другу [8, с. 8, 9].

В документах из секретного архива ЦК ВКП(б) по высылке антисоветской интеллигенции и репрессий против нее в 1922 г. дается следующая характеристика Ильина. «Профессор философии… Весною 1920 г. был арестован по делу Тактического центра в связи с происходившими у него на квартире собраниями членов Национального Центра. Настроен определенно антисоветски. Весною сего года посещал нелегальные собрания на квартире профессора Авинова, где читались рефераты и доклады контр-революционного характера. Арестовать, выслать за границу…» [5, с. 487–488]. Всероссийский Национальный Центр был ведущей общественно-политической организацией либеральной оппозиции большевистскому режиму в годы Гражданской войны. Он выступал за свержение большевистской власти, восстановление государственного единства России, единоличную военную диктатуру на переходный период, национальное собрание, признание права личной собственности [1, с. 9]. Тактический Центр,

созданный в апреле 1919 г., занимался разработкой общих программных положений и тактических вопросов трех организаций – ВНЦ, Союза Возрождения России, Совета Общественных Деятелей – с целью их объединения. Главным предметом совещаний Национального Центра в конце 1918 и в начале 1919 гг. были различные вопросы развития постбольшевистской России: гражданское право, управление и самоуправление и др. [7, с. 149].

Неприятие советского режима Ильиным проявлялось в том, что он с антимарксистских позиций читал курс «Основы правосознания» в московских вузах, открыто критиковал власть, возмущался красным террором [6, с. 144]. Об Ильине как убежденном стороннике идеи правового порядка и его восстановления в России говорит лекция «Основные задачи правоведения в России» (1922 г.). В качестве главной причины революционного кризиса Ильин называет духовную, заключенную в свойствах русского правосознания, русского хозяйственного уклада, русской религиозности. Недостатки русского национального характера обусловлены «территориальной раскинутостью», «экстенсивной религиозностью», «низкой духовной культурой», «игом татар», «семейным и политическим подавлением», «затянувшимся крепостным строем», «телесным наказанием». В силу всего этого русский человек имеет «слабое чувство собственного духовного достоинства» и низкий уровень гражданственности. По основным историческим причинам в русском человеке «не воспитывалась способность к внутренней духовно-волевой самодисциплине и к внешнему общественно-политическому самоуправлению». Поэтому к числу основных задач правоведения в России Ильин относит формирование четких граней правовой мотивации, без которых «свобода есть разнузданность, власть – доходное место, а выбор – подкуп слабого обманщиком» [4, с. 208, 209].

Еще один недуг в историческом сознании русских – «больное восприятие собственности и хозяйственного процесса» – мыслитель объясняет тяготами исторического бытия народа, связанными с войнами, княжьими усобицами, опустошением нашествия монголов, а затем непосильным государевым тяглом и крепостным правом. Они подорвали «в русских массах веру в нормальный хозяйственный труд как источник имущественно-культурного благосостояния» [4, с. 212]. В этом вопросе современный исследователь А. Ф. Киселев не соглашается с Ильиным, подчеркивая, что тяга к черному переделу возникла не из «вывихнутой хозяйственной воли», как утверждает Ильин, а скорее из религиозных чувств, что земля Божия, а значит – ничья и может принадлежать только тем, кто трудится на ней, добывая изнурительной работой хлеб свой насущный [6, с. 140]. Думается, что оценки и аргументы Ильина и Киселева, на первый взгляд противоречащие друг другу, в действительности друг друга дополняют. Ведь Киселев говорит о вынужденном трудолюбии, необходимом для элементарного выживания, которое не может служить стимулом для «нормального хозяйственного труда как источника имущественно-культурного благосостояния и интенсивно-трудолюбивого вложения себя в хозяйственный процесс», о чем пишет Ильин.

4 сентября 1922 г. Ильин был вновь арестован. Ответы на вопросы следователя ВЧК убедительно показывают «белое» мировоззрение философа. Так, он сказал, что считает Советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревшего в России в течение нескольких сот лет; видит задачу интеллигенции в том, чтобы воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; убежден в том, что политическая партия строит государство только тогда и только постольку, поскольку она искренно служит сверхклассовой солидарности, а РКП, пренебрегая этим началом, вредит себе, своему делу, своей власти и России [9, с. 23]. 11 сентября 1922 г. ОГПУ вынесло «Заключение по следственному делу 15778 о гражданине Ильине Иване Александровиче», в котором полагалось: «В целях пресечения злостной антисоветской деятельности Ильина Ивана Александровича выслать его из пределов РСФСР» [8, с. 9].

Итак, Иван Ильин относился к патриотически настроенной интеллектуальной элите России, которая в период революции и Гражданской войны осталась верной традициям русской культуры. С разрушением русской культуры, совершаемым большевиками, философ боролся, проклинал его и «презирал тех бесстыдных обезьян, которые его творили» [5, с. 279]. Отвергнув революцию за «дух партийной политической интриги, классового интереса и жадного честолюбия», который привел к распаду единой России, он бескомпромиссно встал на сторону белой борьбы и белой идеи, в центр которых поставил идею монархии, несущую в себе «дух всенародного единения». Этот дух, по Ильину, воспринимает «всякую мысль благую, независимо от ее левизны и правизны» [5, с. 464].

В работах философа 1914–1922 гг., которыми он откликнулся на катастрофы, постигшие Россию в XX в., даются ответы на вопросы, имеющие актуальное значение и сегодня. Это вопро-

сы об идейной сущности русской революции и большевизма; религиозной состоятельности, истинности и нужности той или иной идеологии, в том числе белой и красной; роли правосознания в строительстве государства и его связи с патриотизмом; использовании силы в борьбе со злом. Подходы Ильина к решению указанных вопросов стали основой выработки принципов Белой идеи – служение России, а не партиям, единство и неделимость России, антибольшевизм, отвержение всяческого тоталитаризма, социализма и коммунизма, отстаивание свободной православной церкви и национальной культуры, верность совести и чести до самой смерти.

Список использованных источников

1. Всероссийский Национальный Центр. – М. : РОССПЭН, 2001. – 608 с.

2. Ильин, И. А. Корень зла [Электронный ресурс] / И. А. Ильин // Сайт «Русский Обще-Воинский Союз». –URL : http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=192 (дата обраще-ния: 30.05.2012).

3. Ильин, И. А. Основное нравственное противоречие войны / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Русская книга, 1996. – Т. 5. – С. 7–30.

4. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1999. – Т. 9–10. – 512 с.

5. Ильин, И. А. Собрание сочинений : Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 2001. – 560 с.

6. Киселев, А. Ф. Доктор государственных наук / А. Ф. Киселев // Высшее образование в России. – 2005. – № 5. – С. 137–146.

7. Красная книга ВЧК : в 2 т. – М. : Политиздат, 1989. – Т. 2. – 541 с.

8. Лисица, Ю. Т. Аксиомы политической жизни / Ю. Т. Лисица // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. – М. : Айрис-пресс, 2008. – Т. 1. – С. 5–28.

9. Лисица, Ю. Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк / Ю. Т. Лисица // Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Русская книга, 1996. – Т. 1. – С. 5–36.

10. Молотков, А. Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке [Электронный ресурс] / А. Е. Молотков. – СПб, 2007 // Сайт «Христианский социализм как русская идея». – URL : http://chri-soc.narod.ru/molot_missia_rossii_main.html (дата обращения 18.05.2012).

11. Салов, О. А. Белое движение: к вопросу о зарождении белой идеи / О. А. Салов // Власть. – 2010. – № 12. – С. 149–151.

12. Филиппова, Т. А. Иван Александрович Ильин / Т. А. Филиппова // Ильин И. А. Избранное. – М. : РОССПЭН, 2010. С. 5–43.

References

1. All-Russian National Centre. Moscow, ROSSPEN, 2001, 608 p.

2. Ilyin I. A. The root of evil, The Site «Russian All-Military Union» [Electronic resource], URL: http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=192 (date of treatment: 30.05.2012).

3. Ilyin I. A. The main moral contradiction of war, Ilyin I. A.: collection of works in 10 volumes. Moscow, Russian book, 1996, Vol. 5, pp. 7–30.

4. Ilyin I. A. Collection of works in 10 volumes. Vol. 9–10. Moscow, Russian book, 1999, 512 p.

5. Ilyin I. A. Collection of works: Articles. Lectures. Speeches. Reviews (1906–1954). Moscow, Russian book, 2001, 560 p.

6. Kiselev A. F. Doctor of political sciencs, Higher education in Russia, 2005, No. 5, pp. 137–146.

7. The red book of the VChK: in 2 volumes. Moscow, Politizdat, 1989, Vol. 2, 541 p.

8. Lisitsa U. T. The axioms of the political life, Ilyin I. A. Our tasks. Articles 1948–1954: in 2 volumes. Moscow, Iris-press, 2008, Vol. 1, pp. 5–28.

9. Lisitsa U. T. Ivan Aleksandrovich Ilyin. Historical-biographical sketch, Ilyin I. A. Collection of works in 10 volumes. Moscow, Russian book, 1996, Vol. 1, pp. 5–36.

10. Molotkov A. E. The Mission of Russia. Orthodoxy and socialism in the XXI century. Saint-Petersburg, 2007, The Site «Christian socialism as the Russian idea» [Electronic resource], URL: http://chri-soc.narod.ru/molot_missia_rossii_main.html (date of treatment: 18.05.2012).

11. Salov O. A. The White movement: to the question about the origin of the white idea, Power, 2010, No. 12, pp. 149–151.

12. Filippova T. A. Ivan Aleksandrovich Ilyin, Ilyin I. A. Favorites. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 5–43.

Рецензент:

Мартынова Е. А. – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 12.12.2012 г.

УДК 37.013.75 : 37.022 : 37.026.1
ББК 74.262.87

Киселева Анна Игоревна
аспирант 3 года обучения кафедры зоологии, биологии и методики обучения биологии
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
ka-mi88@mail.ru

СОСТОЯНИЕ СФОРМИРОВАННОСТИ ЗНАНИЙ О ЛОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЯХ У УЧАЩИХСЯ ОСНОВНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: В статье указываются основные виды логических учебных действий, выявляется реальный уровень сформированности знаний об этих действиях у учащихся 8–9 классов основной общеобразовательной школы.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, логические учебные действия, логическое мышление, прием анализа, прием сравнения, прием обобщения.

Kiseleva Anna Igorevna
3-year post-graduate student
Department of Zoology, Biology and Methodology of teaching Biology
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

CONDITION OF FORMATION OF KNOWLEDGE OF LOGICAL EDUCATIONAL ACTIONS OF PUPILS OF THE MAIN COMPREHENSIVE SCHOOL

Abstract: In the article, the main types of logical educational actions are specified. The author reveals the real level of formation of knowledge of these actions of pupils of 8–9 forms of the main school of general education.

Key words: universal educational actions, logical educational actions, logical thinking, analysis method, comparison method, generalization method.

В условиях модернизации сферы общего образования возникла объективная потребность в формировании универсальных учебных действий. Именно универсальные учебные действия могут обеспечить успешность получения качественного образования подрастающими поколениями. Сегодня важно преодолеть противоречие общепедагогического характера, которое во многом обусловливает проблему успешного усвоения обучающимися умений выполнять различные интеллектуальные действия. Таковым является противоречие между установками Федерального государственного образовательного стандарта общего образования, направленными на планирование актуального и перспективного развития универсальных учебных действий у учащихся при активной поддержке педагога, и недостаточным научно-теоретическим обоснованием соответствующей педагогической деятельности, учитывающей индивидуальные возможности школьников и их образовательные потребности. В связи с этим известный отечественный ученый А. Г. Асмолов верно утверждает, что принципиальным отличием образовательных стандартов второго поколения является усиление их ориентации на результаты образования. Понимание сущности этих результатов зависит от парадигмы образования, выдвигающей в качестве главной цели образования развитие личности учащегося на основе усвоения универсальных способов познания и преобразования окружающей действительности. [1, с. 5–6]

Для того чтобы успешно достигать указанные результаты, педагогическому сообществу необходимо иметь ясное представление о состоянии сформированности умений выполнять учащимися общеобразовательных учреждений логические приемы. На основе изучения психологической, педагогической и методической литературы можно утверждать, что в целом учащиеся такими приемами учебной деятельности владеют слабо [2, с. 35].

Для представления обобщенной картины состояния усвоенности учащимися приемов важно кратко представить характеристику логических приемов, которые во многом взаимосвязаны с развитым логическим мышлением. Под логическим мышлением обычно понимается способность и умение учащихся производить простые логические действия (анализ, синтез, сравнение, конкретизация, систематизация, обобщение), а также составные логические операции (построение отрицания, утверждение и опровержение как построение рассуждения с использованием различных логических схем – индуктивной или дедуктивной) [4, с. 56].

В целом номенклатура логических действий включает: 1) сравнение конкретно-чувственных и иных данных (для выделения тождеств / различия, определения общих признаков и составления классификации); 2) опознание конкретно-чувственных и иных объектов (для включения их в тот или иной класс); 3) анализ – выделение элементов и «единиц» из целого; расчленение целого на части; 4) синтез – составление целого из частей, в том числе самостоятельно достраивая, восполняя недостающие компоненты; 5) сериация – упорядочение объектов по выделенному основанию; 6) классификация – отнесение предмета к группе на основе заданного признака; 7) обобщение – генерализация и выведение общности для целого ряда или класса единичных объектов на основе выделения сущностной связи; 8) доказательство – установление причинно-следственных связей, построение логической цепи рассуждений, доказательство; 9) подведение под понятие – распознавание объектов, выделение существенных признаков и их синтез; 10) вывод следствий; 11) установление аналогий [3, с. 15].

Для оптимальной организации и проведения исследования по выяснению состояния сформированности умений выполнять учащимися общеобразовательных учреждений логические приемы, было разработано и предложено учащимся ответить на следующие тестовые вопросы: 1) «Что такое анализ?», 2) «Что такое сравнение?», 3) «Что такое обобщение?». В констатирующем эксперименте приняли участие 75 учащихся 8–9 классов общеобразовательных учреждений г. о. Саранск (МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 39 с углубленным изучением отдельных предметов», МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 24 с углубленным изучнием отдельных предметов»). Контингент учащихся нами выбран не случайно, ибо к окончанию основной общеобразовательной школы наиболее часто используемые в практике изучения различных предметов учебные действия, должны быть уже сформированы.

Выбирая ответ на тестовый вопрос «Что такое анализ?», только 20 % учащихся правильно подчеркнули суждение о том, что анализ – это мысленное или фактическое разделение предмета на существенные части в определенном порядке. Большая часть учащихся (80 %), к сожалению, выбрала из предлагаемого перечня ответов неправильные их варианты. Следовательно, можно утверждать, что к окончанию основной общеобразовательной школы учащиеся не имеют ясного представления о том, что такое анализ и каковы существенные признаки определения понятия «анализ». Обобщенное представление о вариантах ответов учащихся на предложенный вопрос дано на рисунке 1.

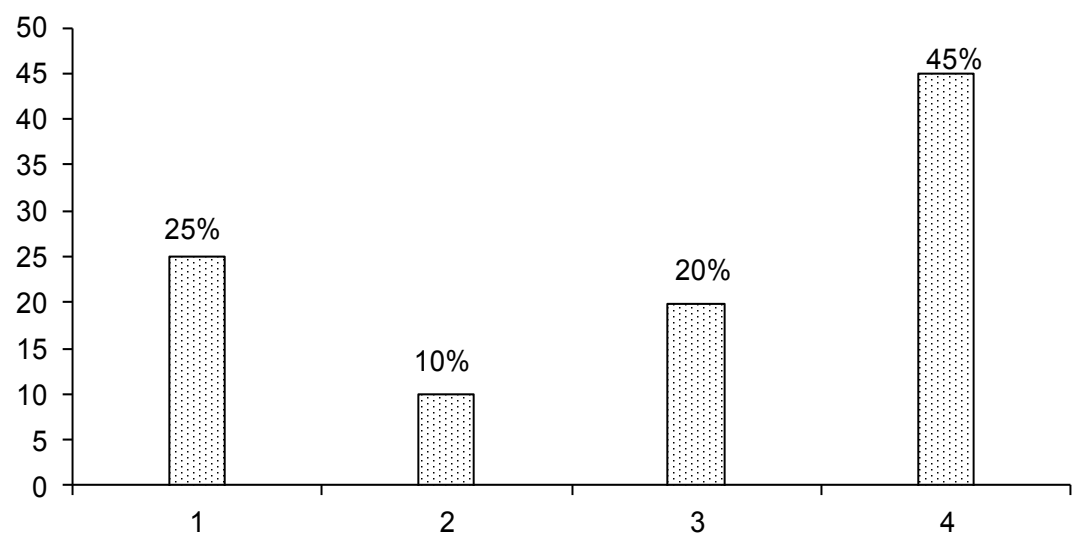

Рис. 1. Варианты ответов учащихся на вопрос «Что такое анализ»?

Пояснения к рисунку:

1 – 25 % учащихся ответили, что анализ – это нахождение в предметах и явлениях сходного и различного;

2 – 10 % учащихся ответили, что анализ – это нахождение общего в предметах или явлениях;

3 – 20 % учащихся ответили, что анализ – это мысленное или фактическое разделение предмета на существенные части в определенном порядке;

4 – 45 % учащихся ответили, что анализ – это соединение различных признаков объекта или явления в определенную систему.

Выбирая ответ на тестовый вопрос «Что такое сравнение?», только 28 % учащихся правильно отметили суждение о том, что сравнение – это нахождение в предметах и явлениях сходного и различного. Остальные учащиеся (72 %) указали в перечне ответов суждения, не раскрывающие сущность понятия «сравнение». В частности, под сравнением они подразумевали мысленное или фактическое разделение предмета на части, соединение различных признаков объекта или явления в определенную систему, выявление чего-то общего в предметах или явлениях. Стало быть, большая часть школьников не смогла выбрать полный и правильный ответ, отражающий суть понятия «сравнение». Обобщенное представление о вариантах ответов учащихся на предложенный вопрос дано на рисунке 2.

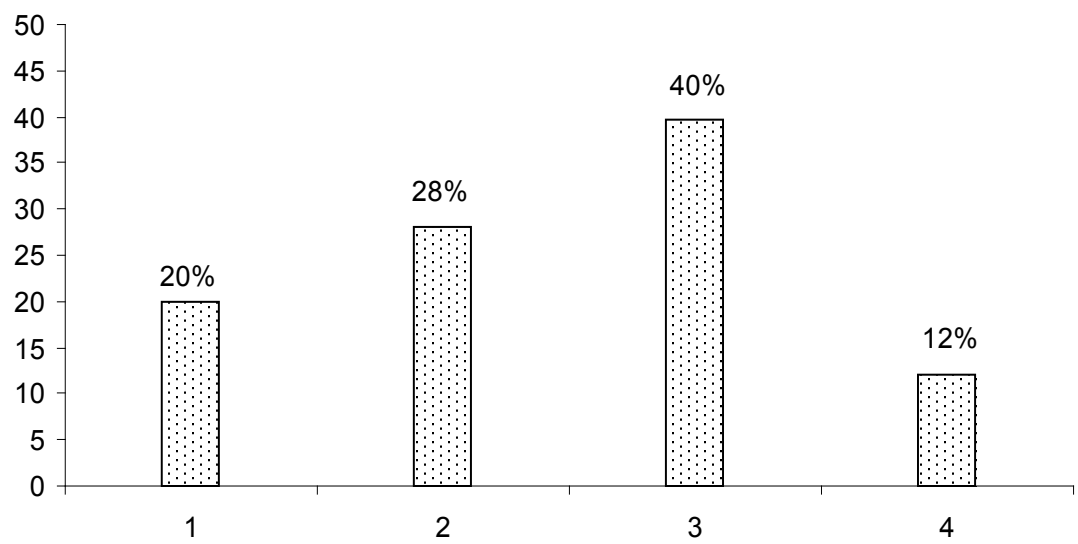

Рис. 2. Варианты ответов учащихся на вопрос «Что такое сравнение»?

Пояснения к рисунку:

1 – 20 % учащихся ответили, что сравнение – это мысленное или фактическое разделение предмета на существенные части в определенном порядке;

2 – 28 % учащихся ответили, что сравнение – нахождение в предметах и явлениях сходного и различного;

3 – 40 % учащихся ответили, что сравнение – это соединение различных признаков объекта или явления в определенную систему;

4 – 12 % учащихся ответили, что сравнение – это нахождение общего в предметах или явлениях.

Выбирая ответ на тестовый вопрос «Что такое обобщение?», только 35 % учащихся в качестве правильного выбрали такое суждение, как «обобщение – это нахождение общего в предметах или явлениях». Вместе с тем 65 % учащихся указали на суждения, которые не отражают истинную сущность понятия «обобщение». Они неправильно указали на такие суждения о сущности обобщения, как «нахождение в предметах и явлениях сходного и различного», «мысленное или фактическое разделение предмета на части»; «соединение различных признаков объекта или явления в определенную систему». Обобщенное представление о вариантах ответов учащихся на предложенный вопрос дано на рисунке 3.

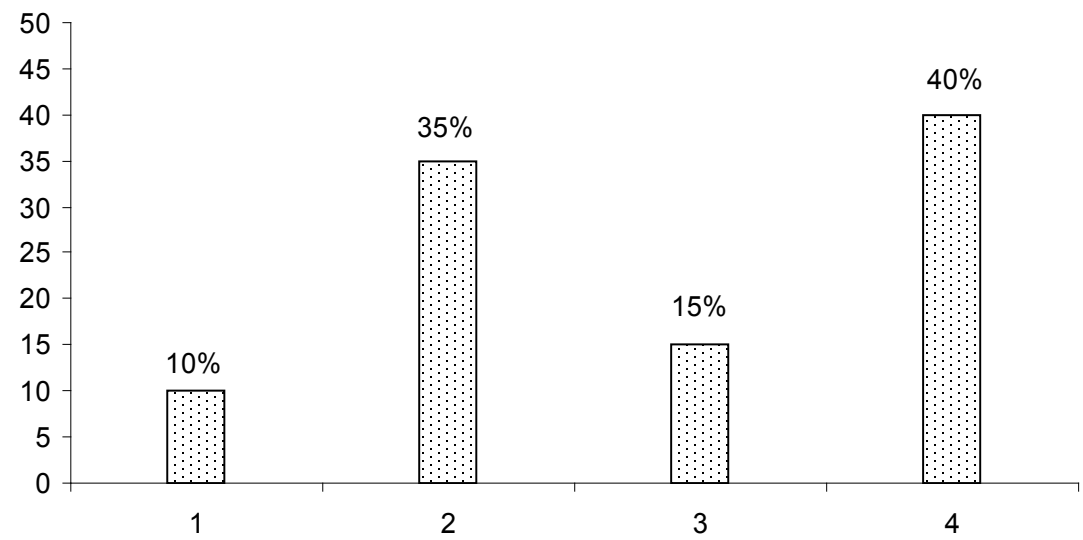

Рис. 3. Варианты ответов учащихся на вопрос «Что такое обобщение»?

Пояснения к рисунку:

1 – 10 % учащихся ответили, что обобщение – это нахождение в предметах и явлениях сходного и различного; мысленное или фактическое разделение предмета на существенные части в определенном порядке;

2 – 35 % учащихся ответили, что обобщение – это нахождение общего в предметах или явлениях;

3 – 15 % учащихся ответили, что обобщение– это мысленное или фактическое разделение предмета на существенные части в определенном порядке;

4 – 40 % учащихся ответили, что обобщение –. соединение различных признаков объекта или явления в определенную систему.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что уровень сформированности знаний о сущности наиболее часто используемых в практике обучения логических учебных приемов и их определений у учащихся основной общеобразовательной школы довольно низкий. К сожалению, только 27 % учащихся в среднем выразили правильно сущность определений о таких мыслительных операциях, как анализ, сравнение и обобщение. Следова-

тельно, большая часть учащихся 8–9 классов не в состоянии полноценно применять названные логические действия для осмысленного объяснения содержания изучаемого материала. В связи с этим имеется объективная необходимость в целенаправленном формировании у учащихся основной общеобразовательной школы знаний о сущности логических учебных действий для их успешной реализации в процесе изучения различных школьных предметов.

Список использованных источников

1. Асмолов, А. Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий : пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская [и др.]. – М. : Просвещение, 2010. – 159 с.

2. Бондаревская, Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е. В. Бондаревская. – Ростов н/Д, 2000.

3. Бруновт, Е. П. Формирование приемов умственной деятельности учащихся. На материале учебного предмета биологии / Е. П. Бруновт, Е. Т. Бровкина. – М. : Педагогика, 1981. – 72 с.

4. Поддьякова, Н. Н. Умственное воспитание детей дошкольного возраста / Н. Н. Поддьякова, Ф. А. Сохин. – М. : Просвещение, 1988.

References

1. Asmolov A. G. Formation of universal educational actions at main school: from action to thought. System of tasks: grant for the teacher. Moscow, Education, 2010, 159 p.

2. Bondarevskaia E. V. The theory and practice of person-oriented education. Rostov-on-Don, 2000.

3. Brunovt E. P., Brovkina E. T. Formation of the techniques of learning activity of the students. On a material of a subject of biology. Moscow, Pedagogics, 1981, 72 p.

4. Poddyakova N. N., Sokhin F. A. Intellectual education of children of preschool age. Moscow, Education, 1988.

Рецензент:

Якунчев М. А. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой зоологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 23.12.2012 г.

УДК 316.723
ББК 71.4

Крюков Тимофей Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет культуры и искусств», г. Москва, Россия
tim.kr2013@yandex.ru

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: В статье рассматриваются современные культурологические проблемы современных российских молодежных объединений. Автор анализирует культурные практики молодежных объединений, выявляет специфику взаимодействия молодежных объединений и общества, их воздействие на культуру современной России. Определяются пути конструктивного участия молодежных объединений в культурной жизни страны.

Ключевые слова: культура, субкультура, молодежные объединения, культурная интеграция.

Kryukov Timofey Sergeevich
post-graduate student
Moscow state University of culture and arts, Moscow, Russia

YOUTH ASSOCIATIONS IN MODERN RUSSIA: SOCIO-CULTURAL SPECIFICITY

Abstract: The article considers the modern cultural problems of modern Russian youth associations. The author analyses the cultural practices of youth associations, reveals the specificity of the interaction of youth associations with the society, their impact on the culture of contemporary Russia. Constructive participation of youth associations in the cultural life of the country is defined.

Key words: culture, subculture, youth associations, cultural integration.

В современной России молодежь испытывает комплекс разнородных влияний общества, государства, средств массовой информации, неформальных коммуникаций в сети Интернет и иных источников идейно-культурного воздействия, определяющих как социализацию, так и социокультурную направленность подрастающих поколений. Естественность процессов агрегирования молодежи, всегда являвшихся культурным основанием общности представителей одного поколения, в настоящих условиях приобретает качества, свойственные политико-экономической ситуации в нашей стране и разнообразным идеологическим тенденциям, соответствующим интересам и возможностям понимания молодежи [1; 2]. Поэтому знать социокультурную специфику молодежных объединений – значит представлять особенности дальнейшего развития нынешнего молодого поколения, обладать возможностью коррекции социальных кризисных ситуаций на достаточно отдаленную перспективу.

Молодежные движения в современной России бывают формальными и неформальными, имеющими гуманистическую или антиобщественную направленность. Высокая распространенность формальных, институциализированных форм молодежных объединений приблизительно равна распространенности неформальных объединений, то есть не зарегистрированных в официальном порядке – они зачастую оказывают очень заметное влияние на жизнь общества. Рассмотрим культурную жизнь некоторых молодежных объединений подробнее.

Самостоятельно функционирующие или неформальные объединения молодежи существуют в связи с естественной и очень высокой потребностью молодежи в свободной самореализации. Отметим, что культурное влияние общества, государства, а также внешних (по отношению к государству) сил лишает самореализацию молодежи подлинной свободы – она получает готовые образцы для подражания, что, впрочем, всегда было свойственно процессам индивидуального развития личности молодых людей и особенностям функционирования молодежных объединений. Поэтому можно говорить о том, что культурная роль т.н. «неформальных» молодежных объединений заключается в латентной трансляции тех или иных культурных влияний, потребность в распространении которых ощущается их источником – государством, общественным движением, рыночным механизмом и т. д.

Неформальные молодежные объединения в психологическом аспекте выполняют компенсаторную функцию, связанную с присущим молодым людям ощущением отсутствия личной независимости и свободы при самореализации в официальных структурах. При этом необходимо отметить, что абсолютное большинство современных неформальных объединений молодежи в России распространяется извне, не будучи следствиями самобытного культурного процесса нашей страны и российских народов.

Особенно показательно в этом плане движение скинхедов, сама суть которых – современный фашизм, противоположна духовному складу народа, победившего немецко-фашистскую армию. Другими словами, это – крайняя форма враждебной идеологии, происхождение которой очевидным образом не является аутентичным для нашей страны. Тем не менее, именно среди подростков и молодежи, склонных к протестным настроениям, из года в год становится все больше последователей этого движения [3]. Склонные к насилию скинхеды и неофашисты имеют свою субкультуру, которую можно назвать даже «антикультурой», основанной на жестокости, унижениях и поклонении идеалам национальной и расовой нетерпимости. Их деятельность связана с агрессивно-протестными акциями, направленными против представителей меньшинств, свой досуг они наполняют спортивными и боевыми тренировками, предназначенными для формирования из участников этого движения уличных бойцов.

Иные, гораздо более миролюбивые представители молодежных субкультур, готы, также имеют своим источником внешнюю культурную среду. Готы как молодежное движение зародилось более 20 лет назад в США. Это направление является в значительной мере имиджевым, в наглядной форме пропагандирующим культуру протеста против примитивных ценностей потребления. Мрачная романтика, сильные страсти, символика смерти – все это отделяет предпочтения готов от интересов обывателей, которых данное крыло молодежной культуры рассматривает как недостойных внимания. Для готической субкультуры характерен демонстративно-мрачный имидж ее приверженцев, интерес к особым типам рок-музыки, литературе и фильмам ужасов и мистики, в первую очередь – посвященных проблематике вампиризма и потустороннего мира. Социокультурная «программа» готов всегда насыщенна – они проводят перформансы, концерты, встречи и т. д., наполненные мрачно-романтическим содержанием, к эстетической обработке которого они подходят с особенным вниманием.

Гуманистически ориентированные представители молодого поколения, например, участвуют в волонтерском движении. Многие «позитивно» настроенные молодые люди принимают участие в добровольной помощи проведению Олимпийских игр-2014 в г. Сочи, работают в больницах, безвозмездно трудятся там, где

это возможно. Как правило, это – хорошо материально обеспеченная молодежь, реализующая свой созидательный потенциал в форме социальной благотворительности. Фактически их культурные практики и заключаются в тех действиях, которые они осуществляют на благо общества [4].

В абсолютном своем большинстве, «формальные», то есть зарегистрированные в установленном порядке, молодежные объединения имеют политическую ориентацию. Так, авангард красной молодежи представляет собой молодежное крыло КПРФ, нацеленное на уличные формы PR-акций. Их деятельность в основном осуществляется в контексте собраний, митингов и пикетов. Специальных культурных практик вне политической действий они не осуществляют.

Идеологически и культурно противоположенное движение «Наши» – действует в русле политического мейнстрима. Их деятельность основана на осуществлении разных социально-благотворительных проектов и акций. Они добровольно участвуют в патриотическом воспитании молодежи, раздают «георгиевские ленточки», проводят развлекательные и пропагандистские мероприятия, вызывающие критическое отношение современной российской оппозиции. В качестве образцов их действий многие исследователи упоминают молодежные движения, создаваемые в разные годы европейскими политическими партиями, например, ХДС и ХСС в Германии.

Собственно, социокультурными практиками можно назвать деятельность «экстремалов» и участников «флеш-мобов». Опасные для жизни и здоровья развлекательно-спортивные акции у первых и спонтанные развлекательные шоу у вторых становятся определенной культурной «отдушиной» для молодежи, которую не устраивает размеренный и благополучный образ жизни «креативного класса». Отметим, что названные последними молодежные движения если и не являются в полной мере аутентичными для России, то по крайней мере представляют собой следствие тенденций, общих и единых для России и Европы.

Таким образом, можно утверждать, что в современных российских условиях молодежные движения выполняют несколько функций, часть из которых противоречит прогрессивному, последовательному пути развития российской культуры. С одной стороны, молодежные движения направляют по определенным руслам творческую энергию самореализации молодежи, позволяя ей действовать в соответствии со своими интересами и способностями. С другой стороны, почти все молодежные движения являются привнесенными извне, не специфичными для России и несущими во многом деструктивный потенциал для констант отечественной культуры. Именно это позволяет сформулировать задачу трансформации содержательного наполнения культурных практик молодежных объединений, привлечения их в русло конструктивной деятельности, способствующей укреплению российской культуры и государственности. И создавать такие направления эффективно лишь с привлечением знаний психологов, способных корректировать содержание культурных практик в соответствии с возрастной психологической спецификой молодежи.

Список использованных источников

1. Байков, Н. М. Общественные молодежные организации как детерминирующий фактор самореализации молодежи / Н. М. Байков, Ю.В. Березутский ; Дальневосточная академия государственной службы. – Хабаровск : ДВАГС, 2009.

2. Беляева, Н. Ф. Место молодежи в социальной структуре Республики Мордовия в начале XXI века / Н. Ф. Беляева, О. М. Катаев // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2 (6). – С. 90–95.

3. Иванов, А. И. Молодежные объединения / А. И. Иванов – М., 2011.

4. Молодежные и детские общественные объединения Российской Федерации: история, современное состояние, перспективы развития : монография / Т. И. Морозова и др. ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2011.

References

1. Baykov N. M., Berezutskiy Y. V. Public youth organization as the factor of self-realization of the youth, Far Eastern Academy of state service. Khabarovsk, DVAGS, 2009.

2. Belyaeva N. F., Kataev O. M. Place of the youty in the social structure of the Republic of Mordovia in the Beginning of XXI Century, The Humanities sciences and Education, 2011, No. 2 (6), pp. 90–95.

3. Ivanov A. I. The youth associations. Moscow, 2011.

4. The youth and children's public associations of the Russian Federation: history, modern condition, prospects of development: monograph / T. I. Morozova, etc.; Belgorod state national research University. Belgorod, 2011.

Рецензент:

Беляева Н. Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 21.03.2013 г.

УДК 008
ББК 60.02

Федин Александр Николаевич
аспирант
кафедра гуманитарных дисциплин
Рузаевский институт машиностроения (филиал)
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева», г. Рузаевка, Россия
alexfedi@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕГРЕССА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена различным элементам социального регресса в концепциях европейских философов. Особое внимание автор уделяет генезису идеи социального регресса и способам выхода общества из кризиса.

Ключевые слова: социальный регресс, цивилизация, традиция, мораль, культура.

Fedin Aleksandr Nikolayevich
Postgraduate student
Departament of Humanities
Ruzaevka engineering institute (subdivision), Mordovian State University, Ruzaevka, Russia

THE PROBLEM OF SOCIAL REGRESS IN EUROPEAN PHILOSOPHY AT THE END OF THE 19TH – AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Abstract: The article considers different elements of the society social regress in conceptions of European philosophers. The author pays attention to the genesis of the idea of social regress and attempts to find reasonable ways out of crisis.

Key words: social regress, civilization, tradition, moral, culture.

Идея социального прогресса, охватившая европейский разум, все XIX столетие олицетворяла расцвет европейского человека, силу его мысли, способности развиваться и творить. Универсализм прогресса в скором времени должен был охватить и весь оставшийся мир, где европейскому человеку была уготована роль наставника и проводника в новую историческую эпоху. Выстроенная на основаниях рационализма, веры в науку, правовых и моральных нормах, строгого следования законам Вселенной Ньютона, идея социального прогресса казалась непоколебимой. Однако для того чтобы развеять миф о постоянном восхождении человека к совершенному обществу, потребовалось гораздо меньше времени, чем для того, чтобы его создать.

Социальная и культурная трансформация общества в эпоху Ренессанса внесла изменения в линейное представление о временном действии регресса. Золотой век в эпоху Нового времени перенесся сначала в античность, с ее антропоцентрическими настроениями, культом науки и разума, а затем, благодаря философским трудам, и вовсе перестал удаляться от человека, а наоборот, представлялся еще не достигнутым. Регрессивной стадией, таким образом, выступила «темнота» Средних веков, церковь и теоцентризм как наиболее влиятельные на общественное сознание элементы. Подобно грекам, видящих вокруг себя варваров из соседних государств, европейский человек увидел варвара в себе самом, в своем прошлом. Таким образом, стоящая в основе идей социального регресса деградация поколений была заменена их совершенствованием. Эпоха Ренессанса, открывшая европейскому человеку путь к новому капиталистическому обществу, с его верой в неограниченный разум и торжество последнего, была объявлена в конце XIX – начале XX века ответственной за наступление социального регресса. Г. С. Киселев, характеризуя тенденции эпохи Возрождения, пришел к выводу, что: «…и хотя нельзя отрицать наличие определенного созидательного потенциала, характеризовавшего некоторые течения такого толка…, в целом они оказались для человечества разрушительными» [3]. Следует подробнее остановиться на теоретических положениях концепции Кондорсе, в которой «обнажаются теоретически не артикулированные комплексы теории прогресса вообще» [2, с. 210]. Ю. Н. Давыдов выделяет следующие из них: а) отождествление человека и человечества; б) развитие отдельных индивидов в той или иной вариации приводит к прогрессу массы;

в) детерминизм прогресса, нашедший выражение в разуме (Просветители), производительных силах (Маркс), науке (позитивисты); г) направленность и окончательное решение проблем в «светлом будущем» [2, с. 214–216]. Развенчание именно этих положений и будет положено в основание социального регресса европейского общества в конце 19 века.

Главным источником критики устройства европейского общества и его восхождения, стала философия жизни и имена Ф. Ницше, О. Шпенглера, В. Дильтея, Г. Зиммеля. Важно подчеркнуть, что это критика общества, где вера в прогресс и его детерминирующую силу была абсолютной или доминирующей по отношению к остальным идеям того времени [5, с. 279]. Необходимо акцентировать внимание на характерной проблеме для Ф. Ницше – проблеме христианства и его морали. Б. В. Марков в предисловии книги «От Гете к Ницше» придавал имморализму Ф. Ницше самоотрицание, называя его «последним плодом на древе христианской морали» [4, с. 19]. У Ницше, мы читаем: «Мораль используется как средство охранения неудачников и обездоленных от нигилизма: положим, если вера в эту мораль погибнет, то неудачники утратят свое утешение, и сами погибнут» [6, с. 64]. Теории социального прогресса имели в своем теоретическом основании не только законы естествознания, но и законы права, а также морали и этики. Без них невозможно было осуществить те скрепы будущего общества, которые виделись прогрессистам. Для Ф. Ницше же это оковы и олицетворение упадка развития общества, где основную роль стали играть однообразие людей и их равенство, которые противоречат самой природе, заложенной в человеке.

Важное значение для отказа от теорий социального прогресса имел поиск собственных методов в гуманитарном знании, а вместе с тем и отход от позиций натурализма и универсализма. Противопоставляя методу естественных наук метод гуманитарных, В. Дильтей по-новому взглянул на исторические события и связь между ними. Отмечая подход В. Дильтея к историческому процессу, А. С. Панарин пишет: «Каузальное рассмотрение истории Дильтеем невозможно, ибо в основе истории иррациональность жизни» [8, с. 93]. Таким образом, теоретические воззрения В. Дильтея обосновывают уникальность исторического момента, его исключительность здесь и сейчас. Особенность эпохи и развития в ней заключены в способе проявления себя Духа, который не грезит развитием, а просто по-разному выражает себя в отдельные исторические эпохи. Второй важный атрибут теории европейского прогресса, стертый немецким философом, заключался в признании исключительности каждой цивилизации, культуры и истории народа. Раз Дух по разному выражает себя в течении исторического времени, то и говорить о исключительности европейской цивилизации неуместно.

Проблема социального регресса европейской цивилизации наиболее полно раскрывается в трудах О. Шпенглера, где деградация европейского общества предопределена его же переходом к стадии цивилизации. Следует отметить, что модель социального регресса О. Шпенглера отлична от других самим понятием культуры и цивилизации в пространстве. К. С. Свасьян подчеркивает, что культуры Шпенглера: «…предстают уже не нанизанными на линию единого метрического пространства и сфабрикованного по его подобию времени, а даны одновременно, как конечно-бесконечные множества, подчиненные строго математическим правилам функционирования» [9, с. 106]. Такое представление о развитии культур в строго изолированных математических пространствах отрицает их взаимодействие, а значит и возможность выхода из состояния социального регресса путем соприкосновения отсталой культуры с развитой. Само вырождение культуры заложено в законах жизни и детерминировано природой, поэтому регресса, как и старения организма, избежать невозможно, и никакие внутренние или внешние обстоятельства помешать этому не способны.

В философских работах вышеперечисленных авторов были переосмыслены теоретические основания идеи социального прогресса, поставлены под сомнения ориентиры для будущего общества. В теоретических установках Кондорсе как универсальных для прогрессивных теорий были найдены изъяны которые получили выражение в виде следующих положений: а) общественное развитие не является восхождением к светлому прогрессивному будущему, а скорее наоборот впадает в беспросветное царство, где теряется индивидуальность, культура принимает массовый характер, теряя свою сущность; б) история перестает быть универсальным понятием, как и ее прогрессивная периодизация; в) методы естественных наук, законосообразность во всем, в том числе социологии и истории, подвержены пересмотру, где ход истории и развития общества потеряли свои основы в виде строгоориентированного закона движения, что придало им резкое изменение вектора от светлого будущего в страшное настоящее; г) опасность угасания искры европейской цивилизации навсегда, ввиду утраты ею культурных форм, способствовавших развитию. Подтверждение деградации общества в Европе было преподнесено самой историей в виде Первой мировой войны, где технические совершенства, экономическое развитие и другие опорные точки теории социального прогресса были направлены на уничтожение человека. Проблема социального регресса в европейской

философии получила новый импульс, импульс выхода из сложившегося состояния.

Так в концепции Р. Генона корни регресса произрастают из эпохи Возрождения, где отход от традиционного общества стал основой для всего кризиса западного мира [1, с. 126]. Остановка социального регресса западного общества была в возвращении к забытым традициям путем духовного взаимодействия с культурами Востока, где роль института возрождения играла бы католическая церковь, как основания для утверждения средневекового строя, при синтезе со спецификациями современного мира [1, с. 9]. Социальный регресс западного мира у Р. Генона носит не локализированный характер, а всеобщий, поэтому угроза деградации всего мира зависит от интенсивности распространения западных идей. Таким образом, представление о проблеме социального регресса в рамках циклических теорий было совершенно различно как по способу достижения данного состояния, так и выходу или невозможности выхода из него.

Регрессивная основа существующего общества носит у Х. Ортеги-и-и-Гассета ментальный характер и выражается в самой возможности существования данной идеи, в то время как столетием раньше это было невозможно [7, с. 68]. Разрушение мира у испанского мыслителя начинается не с эпохи Возрождения, характерной чертой многих концепций социального регресса. Истоки данного цивилизационного феномена мыслитель находит в экономическом и техническом совершенстве европейского мира, а виновником назначает прогрессивный XIX век [7, с. 51]. Причина гибели современной европейской цивилизации в самом человеке, который больше не способен к творчеству, который не может справиться с растущей цивилизацией, превращается в «самодовольную недоросль» [7, с. 47, 99]. Однако кризисное состояние общества у философа – это лишь повод к дальнейшему действию, а не детерминированный способ развития исторической ситуации. Общество само может и должно найти выход из кризиса, так как цивилизация не может сама развивать себя, и постоянно нуждается в преобразующем ее человеке [7, с. 59].

Понимание общества как деградирующего в европейской философии, есть критика капиталистического общества, которое сложилось к концу 19 века. Однако при более внимательном и длительном изучении в процессе деградации общества была установлена и другая проблема – деградация человека. Подобные тенденции нашли свое продолжение и в основе кризиса западного общества в 60-х года XX века, где в трудах Э. Фромма, Р. Нисбета, Р. Осборна и др. критика общества начинается с неспособности современного человека поддерживать социальный прогресс.

В двух последних теориях, касающихся кризиса европейского общества, мы находим довольно важную общую канву. Выход из социального регресса лежит в способности общества осознания проблемы и скорейшего действия. Если социальный прогресс был во многом детерминирован различными, независящими от человека причинами (производительные силы, эволюция, провиденциализм), то процесс преобразования общества из социально-регрессивного состояния в силах человека и общества, и зависит лишь от них самих. Подобное осознание проблемы актуально для современного российского общества, где процесс выхода из тяжелой экономической, политической и социальной катастрофы затянулся на многие годы. Осознание проблемы обществом произошло уже давно.

Список использованных источников

1. Генон, Р. Кризис Западного мира / Рене Генон. – М. : Эксмо, 2008. – 784 с.

2. История теоретической социологии. Предыстория социологии : учеб. пособие для вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Академический Проект ; Гаудеамус, 2010. – 274 с.

3. Киселев, Г. С. «Тайна прогресса» и возможность истории» [Электронный ресурс] / Г. С. Киселев. – URL : http://www.gskiselev.com/Articles/article11_Taina%20progressa.html.

4. Левит, К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении. Маркс и Кьеркегор : пер. с нем. К. Лощевского, пред. Б. В. Маркова. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 603 с.

5. Нисбет, Р. Прогресс, история идеи / Роберт Нисбет ; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 557 с.

6. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше : пер. с нем. Е. Герцых [и др.]. – М. : Культурная революция, 2005. – 880 с.

7. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс : сб. : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ, 2002. – 509 с.

8. Философия истории : учеб. пособие / под ред. А. С. Панарина. – М. : Гардарики, 1999. – 432 с.

9. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Освальд Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Эксмо, 2007. – 800 с.

References

1. Genon, R. The crisis of western world. Moscow, EKSMO, 2008, 784 p.

2. The history of theoretical sociology. Prehistory of sociology. Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudeamus, 2010, 274 p.

3. «The mystery of progress» and ability of history. Available at: http://www.gskiselev.com/Articles/

article11_Taina%20progressa.html (accessed: 4 April 2013).

4. Levit K. From Hegel to Nietzche. Revolutionary fracture of thinking. Marx and Kierkegaard. Saint Petersburg. Vladimir Dal', 2001. – 603 c.

5. Nicshe F. The will to power. the experience of the revaluation of all values. Moscow, IRINSEN, 2007, 880 p.

6. Nisbet R. The idea of the history of the progress. Moscow, IRISEN, 2007, 557 p.

7. Ortega y Gasset H. The revolt of the masses. Moscow, AST, 2002, 509 p.

8. Panarin A. S. The philosophy of history. Schoolbook. Moscow, Gardariki, 1999, 432 p.

9. Shpengler O. The decline of Europe. Essays on the history of the world. Geshtal'd and reality. Moscow, EKSMO, 2007, 800 p.

Рецензент:

Зейналов Г. Г. – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева».

Поступила 15.05.2013 г.

УДК 111.85-057.875
ББК Ю9

Юдина Екатерина Александровна
аспирант
кафедра общей психологии Историко-социологического института
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. Н. Огарева», г. Саранск, Россия
Yudina_ea@rambler.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КРАСОТЕ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: Статья вносит определенный вклад в комплексное исследование представлений о красоте, влияние прекрасного на развитие личности. Она актуальна для современного общества, поскольку в настоящее время проблема глубокого обоснования фундаментальных принципов взаимоотношения человека с мирозданием, целенаправленного формирования ценностного, эстетического сознания выдвигается на первый план, так как красота играет ведущую роль в саморегуляции внутреннего мира личности, составляя сущность смысловой наполненности человеческого бытия. Очищая от отрицательных эмоций, она оказывает позитивное воздействие на формирование оптимистического мировосприятия. Красота в человеке исходит из самых глубин: она возникает в той же точке, где возникает сам человек, вместе с ним и нераздельно от него. Осмысление истоков красоты в человеке чрезвычайно интересно и полезно.

Ключевые слова: социальная красота, мировоззрение, индивидуальные особенности, внутренний мир, воздействие, восприятие, психологические компоненты.

Yudina Ekaterina Alexandrovna
postgraduate student
Department of General Psychology, the Institute of History and Sciology of the Mordovian State University
named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia

THE IDEA OF BEAUTY AMONG THE STUDENT YOUTH

Abstract: The article makes a certain contribution to a complex research of ideas of beauty, influence of the fine the on development of the personality. It is actual for modern society as now the problem of deep justification of the fundamental principles of relationship of the person with the universe, purposeful formation of the valuable, esthetic consciousness, is put forward. After all it is known that the beauty plays the leading role in self-control of the personality, inner world making essence of semantic fullness of the human life. Clearing of negative emotions, it makes positive impact on formation of an optimistic attitude. The beauty in a person proceeds from depths: it arises in the same point where there is a person, together with him and inseparably from him. Understanding the sources of beauty in a person is extremely interestingly and useful.

Key words: social beauty, outlook, specific features, inner world, influence, perception, psychological components.

Культурно-исторический опыт убедительно свидетельствует, что только в тесном общении с красотой формируется человек гуманный с богатым внутренним миром. Благодаря красоте человек в состоянии культивировать более высокий уровень чувствительности, восприимчивости, прочно привязываясь к гармонии мира, пробуждая мощную энергию позитивных переживаний, которые переплетаются в рукотворное совершенство [1; 2; 4].

Целью исследования является изучение представлений о красоте среди студенческой молодежи. При изучении феномена красота мы проводили исследование на базе Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. В исследовании приняли участие студенты III–V курсов очной формы обучения гуманитарных, технических, естественных специальностей. Всего в исследовании приняли участие 93 человека: 48 лиц женского пола и 45 лиц мужского пола. Возрастная категория респондентов от 18 до 24 лет.

Анализ научной литературы позволил выделить структуру социальной красоты, которая включает следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный, терапевтический. Когнитивный компонент представляет собой совокупность новых знаний, складывающихся из различных представлений человека о себе, своем месте в жизни, целях, жизненных задачах, проблем бытия, смысла жизни и т. д. Когнитивный компонент нередко отражает деятельность человеческого разума по осмыслению бытия через иррациональное знание, выступает в качестве содержательной основы размышлений человека в контексте экзистенциальных проблем бытия, социума, содержит указание на уникальную человеческую сущность, позволяет индивиду занимать позицию по отношению к миру и самому себе. Эмоциональный компонент выступает как совокупная характеристика переживаемых человеком эмоций и чувств. Любое переживание человеком отношения к действительности и самому себе выступает как отношение субъективное. Терапевтический компонент включает в себя совокупность новых знаний, осмысление бытия и переживаемых эмоций и чувств [3, с. 43–44].

При изучении феномена «красота» нас заинтересовал вопрос – каково социально-психологическое понимание красоты у студентов разных специальностей. Есть ли различия во взглядах? Для выявления представлений о красоте у студентов разных специальностей мы использовали следующие методы исследования: опрос, беседа, анкетирование, а также проективные методики, которые были разработаны и адаптированы нами– «Толкование пословиц и афоризмов», «Ассоциативный ряд», «Незаконченные предложения».

По результатам исследований были получены следующие результаты. Так, для того чтобы почувствовать себя красивым(ой), студенты гуманитарных специальностей ставят на первое место духовные качества (45 %), естественные специальности – социальные качества (40 %), технические специальности – внешность (56 %). Понимание красоты у студентов гуманитарных специальностей в первую очередь ассоциируется с природой (16 %), внешностью (15 %), внутренним миром человека (15 %); у естественных специальностей – с внешностью (18 %), социальными особенностями (16 %), природой (15 %); у технических специальностей – с внешностью (25 %), социальными особенностями (23 %), природой (15 %). Так, для студентов гуманитарных специальностей красивый человек в первую очередь – это: сочетание внутреннего и внешнего мира (45 %); для естественных специальностей – сочетание внутреннего и внешнего мира (36 %); для технических специальностей – социальные качества (29 %).

При помощи анкеты, направленной на рассмотрение положительных и отрицательных сторон красоты в жизни человека, были получены следующие ответы: к положительным сторонам красоты студенты гуманитарных, естественных и технических специальностей относят силу, которая помогает человеку в жизни в достижении поставленных целей и реализации своего потенциала, чувства и эмоции, интеллект, нравственные качества, эстетические качества, социальные качества. К отрицательным сторонам – навязывание стереотипов, «звездная болезнь», «восприятие красивого человека только как красивую куклу», завышенная самооценка, нарциссизм, высокомерие, тщеславие, зависимость от стереотипов и т. д.

В целом студенты считают себя красивыми: гуманитарные специальности – 62 %, естественные специальности – 58 %, технические специальности – 57 %. По результатам исследования нами было выявлено, что в целом у студентов всех специальностей наблюдается положительное отношение к красоте. Многие отметили, что красота важна в жизни, поскольку это помогает человеку жить, творить и развиваться. Для студенчества красота выступает в основных категориях: социальные, духовные, эстетические качества, интеллектуальная сфера, внешние данные.

По результатам анкетирования среди гуманитарных специальностей наиболее популярные чувства: удовлетворение, радость, симпатия, интерес. Естественные специальности – удовлетворение, радость, симпатия, смешанные чувства. Технические специальности – радость, удовлетворение, симпатия, восхищение, смешанные чувства. Кроме того, у студентов всех специальностей, глядя на красивого человека, возникают чувства: зависти, сравнения, агрессии, раздражения.

Студенты отвечали на вопросы, исходя из собственного мировоззрения, воспитания в се-

мье, опыта общения с людьми разного возраста, пола, социального положения. Они понимают, что внешность не всегда соответствует внутреннему миру, четко определяют плюсы и минусы, положительные и отрицательные стороны красоты.

Анализ результатов исследования по пониманию сущности красоты позволил нам выделить основные структурные компоненты: когнитивный, эмоциональный, терапевтический. Они помогают рассмотреть феномен красоты с различных позиций: разума, эмоций, чувств, переживаний, знаний, представлений, рассуждений, осмысления, рефлексии.

Таким образом, исследование представлений о феномене красоты у студентов разных специальностей позволяет сделать следующие выводы:

– студенты разных специальностей имеют различные исходные представления о сущности красоты: для гуманитарных специальностей – это духовный мир человека, для естественных специальностей – социальные качества, для технических специальностей – внешность. В целом красота рассматривается как качество внутреннего мира человека, как проявление особого способа взаимодействия с людьми, приобщение к культуре, а также переживание особых духовных состояний;

– у студентов разных специальностей имеются различия в представлениях о сущности красоты, что связано с различными жизненными представлениями, индивидуальным опытом, запасом знаний, которые опосредуют процесс отражения идеального;

– главными ассоциациями с феноменом «красота» выступают, по мнению студентов, понятия категории: природа, внешность, социальные качества, внутренний мир человека;

– красота, по мнению студентов гуманитарных специальностей, проявляется главным образом в поступках человека, в действиях по отношению к окружающим. Студенты естественных специальностей рассматривают проявление красоты в гармоничном сочетании внешнего и внутреннего мира человека. Студенты технических специальностей считают, что красота проявляется во внешности человека, уверенности в себе, чувстве собственного достоинства;

– красота, по мнению респондентов, имеет место в жизни человека. Она придает яркость и красочность обыденности, позволяет по-иному взглянуть на мир;

– красота присуща человеку и составляет основу его индивидуальности, является механизмом, обеспечивающим самосовершенствование, условием и результатом его развития, нормой и качеством его жизни;

– студенты в большинстве своем считают себя красивыми людьми и полагают, что чаще всего это является результатом собственных усилий, его развития и самосовершенствования;

– по результатам экспериментального исследования феномена «красота» у студентов гуманитарных специальностей доминирует эмоционально-терапевтический компонент, у естественных специальностей – когнитивный компонент, у технических специальностей – эмоциональный компонент, что свидетельствует о различных подходах в понимании и осознании красоты;

– студенты включают в свое понимание красоты не только наличие у человека привлекательной внешности, но и альтруистическое поведение, указывают на процессы, связанные с духовным самосовершенствованием, борьбой с недостатками.

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что представления студентов о красоте отличаются достаточной глубиной, осознанностью и отражают разнообразие понимания красоты в студенческой среде

Список использованных источников

1. Мартынов, В. Ф. Философия красоты / В. Ф. Мартынов. – Минск : ТетраСистемс, 1999. – 336 с.

2. Родина, Е. Н. Аксиологический статус творчества в инновационном обществе / Е. Н. Родина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3 (7). – С. 42–44.

3. Шукшина, Л. В. Социальные иллюзии: основание и детерминанты / Л. В. Шукшина. – Саранск : МГУ имени Н. П. Огарева, 2008. – 148 с.

4. Яшкова, А. Н. Субъектность как психологическая предпосылка карьерной компетентности / А. Н. Яшкова // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 116–119.

References

1. Martynov V. F. Philosophy of beauty. Minsk, TetraSistems, 1999, 336 p.

2. Shukshina L. V. Social illusions: basis and determinants. Saransk, Mordovian State University named aftor of N.P. Ogarev, 2008, 148 p.

3. Rodina E. N. Axiological status of creativity in an innovative society, The Humanities and Education, 2011, No. 3 (7), pp. 42–44.

4. Yashkova A. N. Subjectivity as a psychological premise of career competencies, The Humanities and Education, 2012, No. 2 (10), pp. 116–119.

Рецензент:

Л. В. Шукшина – доктор философских наук, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Поступила 21.03.2013 г.

РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ, МНЕНИЯ

УДК 37.01(470,345)
ББК 74.00

Шукшина Татьяна Ивановна
доктор педагогических наук, профессор,
проректор на научной работе
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», г. Саранск, Россия
t_i_shukshina@mordgpi.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ – 49-Е ЕВСЕВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Shukshina Tatyana Ivanovna
Doctor of Education, Professor,
the Pro-Rector on scientific work
Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russia

INTERNATIONAL THEORETICAL AND PRACTICAL CONFERENCE WITH THE SCIENTIFIC SCHOOL ELEMENTS FOR YOUNG SCIENTISTS – 49-TH EVSEVYEVSKIE CHTENIYA

22–23 мая 2013 года в Мордовском государственном педагогическом институте имени М. Е. Евсевьева состоялась Международная научно-практическая конференция с элементами научной школы для молодых ученых – 49-е Евсевьевские чтения. Они учреждены в честь Макара Евсевьевича Евсевьева – педагога, ученого и общепризнанного лидера, просветителя.

Коллектив института считает себя приемником начинаний педагога-просветителя и стремится в своей педагогической и научной работе развивать традиции, заложенные его усилиями. Традиционно конференция началась с возложения цветов к бюсту М. Е. Евсевьева. Почетное право было предоставлено молодым исследователям – лучшим студентам и аспирантам института, являющимся именными стипендиатами и победителями научных конкурсов.

Основная цель конференции – подведение итогов научно-исследовательской работы, реализации проектов, методических разработок по различным научным направлениям для достижения качества подготовки выпускников института в соответствии с ФГОС ВПО.

Открыл конференцию ректор Мордовского госпединститута В. В. Кадакин. С приветственным словом выступил директор Поволжского центра культуры финно-угорских народов профессор Ю. М. Мишанин, приветственный адрес поступил также от Министра по национальной политике Республики Мордовия профессора А. С. Лузгина.

На пленарном заседании с докладами выступили Ю. В. Варданян, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Мордовского ГПИ им. М. Е. Евсевьева; А. П. Орлова, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социально-педагогической работы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Белоруссия); В. Катаинен, лектор русского языка Центра преподавания языков Лапландского университета (Финляндия); Н. В. Гребенникова, директор МОУ «Речицкая средняя общеобразовательная школа» (г. Гжель Московской обл.); С. П. Пимчев, профессор, ведущий научный сотрудник Московского института открытого образования; С. В. Першин, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Мордовского ГПИ им. М. Е. Евсевьева; А. Ю. Куприянов, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры правовых дисциплин Мордовского ГПИ им. М. Е. Евсевьева.

Отличительной особенностью конференции явилось то, что в ее рамках состоялся Всероссийский форум «Профессиональное мастерство классных руководителей: традиции и инновации». Он был организован на базе пяти экспериментальных площадок, в числе которых средние общеобразовательные школы № 3 и № 16, гимназия № 19, лицей № 26 городского округа Саранск, Республиканский лицей – Центр для одаренных детей. На форуме были рассмотрены проблемы воспитания одаренных

детей, вопросы духовно-нравственного воспитания в системе работы классного руководителя, педагогического сотрудничества классных руководителей с родителями, использования воспитательного потенциала этнокультурного образования, перспективы развития кадетского образования и воспитания в Республике Мордовия. В работе форума приняли участие учителя и руководители образовательных учреждений Мордовии и других российских регионов (Москвы и Московской области, Самары, Нижнего Новгорода и других регионов). Активное взаимодействие ученых и учителей, тесное сотрудничество, проведение круглых столов, мастер-классов, других интерактивных форм содействует осмыслению новых педагогических технологий, а также диссеминации инновационного опыта, который имеется в образовательных учреждениях.

На конференцию было заявлено более 1200 докладов и сообщений, которые заслушаны в рамках работы 50 секций. В ходе конференции была организована работа шести научных школ для молодых ученых, тематика работы которых связана с приоритетными направлениями развития науки, образования, технологий и техники. В рамках конференции состоялись также заседания студенческого философского клуба и клуба любителей музыки.

Наряду с преподавателями, аспирантами и студентами института в работе конференции приняли участие представители более 40 крупнейших вузов, государственных академий, научных организаций. Среди них представители Российской академии образования, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Казанского (Приволжского) федерального университета, Сибирского федерального университета, Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Тамбовского государственного технического университета; ученые университетов – Белгородского, Мордовского, Саратовского, Рязанского, Пензенского, Нижегородского, Челябинского, Череповецкого; большая группа ведущих педагогических вузов страны – Московский педагогический государственный университет, Нижегородский государственный педагогический университет; Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Московский институт открытого образования, а также представители зарубежных вузов – Лапландский университет (Финляндия), Витебский госуниверситет им. П. М. Машерова, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Таджикский государственный институт языков им. С. Улуг-заде, Актюбинский госуниверситет им. К. Жубанова (Казахстан), Академия государственного управления при Президенте Республики Азербайджан и многим другим, кто поддержал нашу конференцию. География конференции охватывает такие российские города, как Москва, Казань, Самара, Белгород, Н. Новгород, Пенза, Рязань, Саратов, Тамбов, Чебоксары, Челябинск, Череповецк, Ярославль и др. Участие в конференции приняли и зарубежные ученые и педагоги Бельгии, Венгрии, Германии, Финляндии, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Таджикистана.

Широко представлены субъекты Мордовского базового центра педагогического образования, руководители и учителя общеобразовательных школ, педагоги системы дополнительного образования, инклюзивного образования.

В ходе работы конференции был рассмотрен широкий круг вопросов по естественным, техническим и гуманитарным отраслям научного знания и образовательной практики.

Особое внимание было уделено следующим проблемам:

– гуманитарная методология современной в контексте модернизации российского образования;

– гуманитарное знание в структуре информационного социума;

– проблемы методологии истории педагогики и образования;

– подготовка педагога в современном вузе в контексте компетентностного подхода;

– теоретические и практические вопросы общего образования

– история образования и современная практика его модернизации, философские проблемы духовного развития общества и человека;

– духовно-нравственное воспитание личности и современное образование;

– внедрение педагогических инноваций в школьном образовании, актуальные проблемы психолого-педагогического сопровождения дошкольного, общего среднего, специального и высшего педагогического образования, методика преподавания конкретных дисциплин в школе и вузе;

– духовно-нравственные аспект воспитания одаренных детей;

– менеджмент и экономика инновационного образования;

– работа классного руководителя и духовно-нравственное воспитание личности;

– воспитательный потенциал этнокультурного образования;

– развитие кадетского образования и воспитания в Республике Мордовия;

– актуальность проблем психологического образования педагога;

– актуальные проблемы психологии высшей школы и профессиональной деятельности педагога;

– специфика преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах;

– различные аспекты информатизации образования;

– проблемы истории России и Мордовского края, мордовского языкознания и литературоведения, историко-культурные проблемы в контексте этногенеза народов Среднего Поволжья;

– вопросы формирования здорового образа жизни детей и подростков в процессе занятий физической культурой и овладения основами безопасности жизнедеятельности;

– психологические проблемы современной молодежи в контексте модернизации российского образования;

– общекультурное развитие детей с ограниченными возможностями здоровья;

– различные аспекты литературного и художественного образования школьников;

– современные проблемы химии, биологии и медицины;

– современные подходы к изучению, обучению и воспитанию детей с отклонениями в развитии;

– исследования проблем лингвистики и межкультурной коммуникации, археологии и этнологии, экологических проблем современности, а также актуальных вопросов социальной педагогики, теории и практики музыкального образования;

– правовые механизмы антикоррупционного образования.

Результаты обсуждения докладов и выступлений, представленных на конференции, свидетельствуют об актуальности и значимости поднятых в ходе дискуссии вопросов, связанных с проблемами науки и образования. Конференция позволила актуализировать широкий спектр проблем современного российского образования и науки, обозначить перспективы их разрешения, придать новый импульс в развитии научной мысли.

В рамках конференции были также подведены итоги студенческих научных конкурсов, по итогам которых победителям и призерам были вручены дипломы и денежные поощрения.

Участники конференции выразили благодарность руководству МордГПИ, преподавателям и сотрудникам института за высокий уровень организации мероприятия и создание оптимальных условий для работы.

Поступила 24.05.2013 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Гуманитарные науки и образование» принимает материалы по следующим направлениям:

– Педагогика;
– Специальная педагогика;
– Психология;
– Философия;
– Филология;
– История;
– Юриспруденция;
– Культурология.

Объем и рубрики варьируются в зависимости от тематики, содержания поступившего материала, задач и инновационных направлений гуманитарных наук и образования. Качество публикуемых статей контролируется экспертами и редакционной коллегией.

Для ускорения работы с присылаемыми материалами редакция журнала «Гуманитарные науки и образование» убедительно просит представлять ей рукопись статьи – 1 экз. в печатном виде на листах формата А4 и 1 экз. в электронном виде – в редакторе Word 97-2003 и выше с краткими сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью); научная степень и звание; должность, место работы, учебы или соискательство (официальное наименование учреждения); контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес. В названии файла указывается фамилия автора(ов). Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. Рукопись статьи должна содержать фразу «Публикуется впервые». Она датируется и подписывается автором (авторами). К статье прилагается ходатайство на имя заместителя главного редактора журнала (подписанное руководителем организации и заверенное печатью – для иногородних авторов и авторов из других мордовских вузов; подписанное заведующим кафедрой – для авторов из МордГПИ). От кандидатов наук требуется одна рецензия, соискателей ученой степени кандидата наук – две рецензии, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Текст рукописи набирается шрифтом Times New Roman Cyr размером 14 с межстрочным интервалом 1,5, поля страниц по 25 мм. Ссылки на литературу в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника и страницы. Список использованных источников располагается по алфавиту.

2. Текст статьи должны предварять индексы УДК (универсальная десятичная классификация) и ББК (библиотечно-библиографическая классификация).

3. Структура статьи включает следующие элементы:

Блок 1 – на русском языке:

– автор(ы);
– название статьи;
– адресные данные авторов: (организация(и), адрес организации(й), место нахождения организации (город, страна), электронная почта всех или одного автора);
– аннотация (авторское резюме) (100–250 слов);
– ключевые слова.

Блок 2 – информация Блока 1 в романском алфавите (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: автор(ы) на латинице (транслитерация); заглавие, аннотация, ключевые слова, название организации, адрес организации – на английском языке.

Блок 3 – полный текст статьи.

Блок 4 – «Список использованных источников» на русском или другом языке (язык оригинала) (ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое оформление»).

Блок 5 – Список литературы с русскоязычными и другими ссылками в романском алфавите: REFERENCES (стандарты SCOPUS).

С дополнительной информацией о журнале можно ознакомиться на сайте http://www.mordgpi.ru/mordgpi_science/index.php.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: 430007, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11 а, каб. 109, ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», редакция журнала «Гуманитарные науки и образование».

Телефоны: (834-2) 33-92-50 (главный редактор), (834-2) 33-92-54 (зам. главного редактора), (834-2) 33-92-66 (ответственный за выпуск).

Факс (834-2) 33-92-67.

E-mail: gumanitarnie.nauki@yandex.ru; humanities@mordgpi.ru.

SUBMISSION GUIDELINES

The journal “The Humanities and Education” accepts manuscripts in the following spheres:

– Pedagogics;
– Correctional Pedagogy;
– Psychology;
– Philosophy;
– Philology;
– History;
– Jurisprudence;
– Culturology.

The length and headings of the manuscript vary according to its subject and content, as well as the tasks and innovative directions in the humanities and education. The quality of the submitted articles is monitored by experts and the editorial board.

To make the work with the materials easier and faster the editorial office of “The Humanities and Education” urges to submit the manuscript – one A4 printed copy and one electronic copy – in the Word 97-2003 and up editor with brief information of the author(s): full name, academic degree and title; professional affiliations; contact information (phone and fax numbers, e-mail, zip code and address). The title page must include the name(s) of the author(s). A paper version must be fully consistent with an electronic one. The manuscript should contain the phrase “published for the first time”. It must be dated and signed by the author(s). An application to the editor-in-chief assistant (signed by an authorized person and certified by the institution seal – for foreign authors and authors from other Mordovian institutions of higher education; signed by the head of a chair – for authors from MordSPI) must be attached to the article. Candidates of sciences should provide one review of the article, authors working for a candidate’s degree – two reviews, signed by an expert and certified by the institution seal.

ALL SUBMISSIONS MUST ADHERE TO THE FOLLOWING FORMAT:

1. Use Times New Roman Cyr, font size 14; 1.5 line spacing; 25mm margins. Each reference should be enclosed in square brackets indicating the number of the source and the page. The list of references should be arranged in alphabetical order.

2. The text of the article should be preceded by the following indexes: UDC (Universal Decimal Classification) and LBC (Library Bibliographic Classification).

3. The structure of the article should include the following:

Block 1 – in Russian:

– the name(s) of the author(s);

– the title of the article;

– the address(es) of the author(s) (institutional affiliations, e-mail address, telephone and fax numbers of the corresponding author(s));

– the abstract of 100 to 250 words;

– keywords.

Block 2 – the information from Block 1 in the Roman alphabet (transliteration and translation of the relevant data) in the same order: authors' names in the Latin alphabet (transliteration); title, abstract, keywords, institution name, institution affiliations – in English.

Block 3 – full text of the article.

Block 4 – "List of references" in Russian or other source language (SS 7.1-2003 "Bibliographic record. Bibliographic description").

Block 5 – Bibliography with Russian and other references in the Roman alphabet: REFERENCES (SCOPUS standards).

For further information go to http://www.mordgpi.ru/mordgpi_science/index.php

The editors reserve the right to reject manuscripts that do not comply with the stated requirements. We do not return any of the material we receive.

The editorial board address of "The Humanities and Education": Room 109, 11a Studencheskaya Street, FSBEI HPE "Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev", the city of Saransk, the Republic of Mordovia, 430007.

Telephone numbers: (834-2)–33–92–50 (editor-in-chief), (834-2)–33–92–54 (editor-in-chief assistant), (834-2)–33–92–66 (executive secretary).

Fax number: (834-2)–33-92-67.

E-mail address: gumanitarnie.nauki@yandex.ru; humanities@mordgpi.ru.

Уважаемые авторы!

Осуществляется подписка на научно-методический журнал «Гуманитарные науки и образование». В журнале освещаются оригинальные статьи, содержащие результаты научной и прикладной деятельности в области гуманитарных и общественных наук, а также обзорные статьи по тематике журнала. В нем также отражаются результаты новейших научных исследований, анализ передовых гуманитарных технологий и достижений науки и образовательной практики.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется только по подписке. Подписчики имеют преимущество в публикации научных работ. На журнал можно подписаться в почтовых отделениях: индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 03279. Подписная цена на полугодие – 345 руб. 74 коп.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, ПИ № ФС77-39855 от 14 мая 2010 г.

Приглашаем ученых и специалистов вашей организации к публикации статей на страницах нашего журнала. С правилами оформления и представления статей для опубликования можно ознакомиться на сайте института в сети Интернет www.mordgpi.ru, либо в редакции журнала.

По всем вопросам подписки и распространения журнала, а также оформления и представления статей для опубликования обращаться по адресу: 430007, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11а, каб. 310. Тел.: (8342) 33-92-66; тел./факс: (8342) 33-92-67; эл. почта: humanities@mordgpi.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Научно-методический журнал
№ 2 (13)

Ответственный за выпуск *Н. А. Смертина*
Редактор *Н. Ф. Голованова*
Компьютерная верстка *Н. В. Макеевой*
Дизайн обложки *А. Г. Чиняевой*
Перевод аннотаций *Н. И. Романовой*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39855 от 14.05.2010 г.

Территория распространения – Российская Федерация.
Подписано в печать 28.06.2013 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 19,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 113.

Редакция журнала «Гуманитарные науки и образование»
430007, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Студенческая, 11а, каб. 310.
Отпечатано в редакционно-издательском центре
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»